

А. В. АДРИАНОВЪ.

Томская

Старина.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-33416
ИРМЯНИЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

ТОМСКЪ.

Типо-лит. Сибирскаго Т—ва Печатнаго дѣла, уг. Дворян. ул. и Ямск. пер., соб. д.
1912.

Оттискъ изъ книги „Городъ Томскъ“.

Томская старина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Милая старина! Незлобивая, мягкая, обвѣянная тепломъ и ласковымъ свѣтомъ, она задѣваетъ въ душѣ человѣка самыя нѣжныя струны, она занимаетъ въ сердцѣ его самый укромный уголокъ, гдѣ все такъ тихо, мирно, безоблачно...

Она будитъ воспоминанія о быломъ, безстрастныхъ, правдивыхъ, но освобожденныхъ отъ всей остроты горечи настоящаго; она встаетъ неяснымъ обликомъ изъ тумана прошлаго, воскрешаетъ забытое, заставляетъ напрягать память и даетъ человѣку рядъ сладкихъ переживаній, унося его въ міръ особыхъ настроеній. Вотъ почему къ слову «старина» не подобрать лучшаго эпитета! Она исключительный поставщикъ матеріала для достовѣрной всемірной исторіи человѣчества. Ту же роль она играетъ въ жизни любого города, въ хроникѣ семьи, въ жизни отдѣльнаго человѣка.

Какое бы ни было уродливое явленіе современной ему жизни, какой бы ни былъ самъ по себѣ незначительный въ его современности фактъ, онъ, обточенный Временемъ, становясь достояніемъ Старины, теряетъ всѣ свои острые углы, грани и шероховатости, и утрачиваетъ способность больно задѣвать человѣческія струны, при воспоминаніи о немъ; онъ становится замѣтнымъ, приобретаетъ особое значеніе, часто очень большое, значеніе факта, способнаго освѣтить эпоху, приобретаетъ особый смыслъ, вноситъ въ исторію, такъ сказать, свой ароматъ.

И чѣмъ дальше отстоитъ отъ человѣка этотъ фактъ или явленіе, тѣмъ онъ интереснѣй, значительнѣй, милѣй сердцу, тѣмъ обликъ его мягче. Исчезая въ дымкѣ вѣковъ и рисуясь оттуда неяснымъ силуэтомъ или туманнымъ пятномъ, этотъ фактъ или явленіе возбуждаетъ любознательность и требуетъ разъясненія его, возстановленія, спасенія отъ забвенія.

Люди старыхъ культурныхъ странъ усердно и постоянно работаютъ надъ этимъ. Ихъ трудами и усиліями спасены цѣлыя главы всемірной исторіи. Мы, молодая сравнительно нація въ ряду другихъ, еще не научились беречь свою старину и собранный нами въ этомъ отношеніи матеріалъ отличается не Богъ знаетъ какою древностью, и сплошь и рядомъ чередуется съ пробѣлами.

Настоящая статья является небольшою попыткой возстановить нѣкоторые отрывочные факты изъ жизни Томска, частью забытые, частью близкіе къ полному забвенію.

Томскъ—сердце Сибири, одинъ изъ самыхъ старыхъ ея городовъ, который насчитываетъ 308 лѣтъ. По возрасту онъ уступаетъ мѣсто очень не многимъ городамъ и всего на нѣсколько лѣтъ, наприм., перваго сибирскаго города, Тюмени, основаннаго въ 1586 году, Томскъ моложе всего на 18 лѣтъ.

Мудрено ли, что здѣсь есть своя Старина, полная значенія и интереса, достойная ея запечатлѣнія.

Предложеніе редакціи настоящей книги «Городъ Томскъ» принять участіе въ ней, сдѣланное мнѣ въ половинѣ февраля, когда уже намѣчался и самый выходъ книги въ свѣтъ, застало меня врасплохъ, по возвращенія изъ про-

должительной отлучки изъ Томска. На выручку пришелъ Гр. Н. Потанинъ, указавшій редакціи тему для меня и пообщавшій порыться въ своей памяти, въ своихъ богатыхъ воспоминаніяхъ. Мои колебанія были сломлены и я взялся за перо.

Оправданіе къ выступленію передъ читателемъ со столь небольшимъ и отрывочнымъ, не подобраннымъ матеріаломъ я вижу въ томъ, что, помимо сохраненія кой какихъ штриховъ изъ жизни Томска, я смогу дать толчекъ къ собиранію подобнаго матеріала другими, къ пополненію и накопленію его, къ привлеченію вниманія къ предметамъ, которые многими почитались, можетъ быть, не стоящими такого вниманія.

Количество приводимаго мной матеріала можно бы, безъ сомнѣнія, удвоить и утроить; для этого нужно бы перебрать забытую уже литературу о Сибири, перезнакомиться и побесѣдовать со старожилами Томска, съ ихъ записями и дневниками, порыться въ мѣстныхъ архивахъ и т. п., но для всего этого въ моемъ распоряженіи уже не было времени.

Съ этой оговоркой приступаю я къ быльемъ поросшей Томской Старинѣ, къ разсказу о быломъ значеніи тѣхъ или другихъ частей города и расшифровкѣ ихъ названій, къ разсказу о лицахъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ и о фактахъ и эпизодахъ изъ ихъ жизни и дѣятельности и т. п.

ГОРОДОКЪ.

Такъ теперь называется мѣстность въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска, противъ устья р. Ушайки, на лѣвомъ берегу р. Томи, на высокой террасѣ, гдѣ расположены дачи.

Названіе «городокъ», какъ и синонимное ему «городище» указываетъ, что на этомъ мѣстѣ находилось древнее укрѣпленіе, бывший городъ, селеніе. Какъ въ Сибири, такъ и въ Россіи, и вообще въ славянскихъ земляхъ множество памятниковъ этого рода. Достаточно указать, что по даннымъ только Д. Я. Самоквасова, и только для Россіи насчитано «городковъ» до полудюрыхъ тысячъ. Тамъ можно насчитать десятка два губерній, въ которыхъ находятся современные города и селенія съ названіями «городка» или «городища». Они всегда располагались на возвышенномъ берегу или мысу рѣки, пользуясь съ 2—3 сторонъ естественной защитой берегового яра рѣки, оврага и лишь съ 1—2 заднихъ сторонъ устраивалась искусственная защита въ видѣ вала и рва.

Таковъ и нашъ Томскій «Городокъ». Такъ какъ мѣста для городковъ выбирался всегда красивыя, «обзорныя», сухія и удобныя, то, естественно, что человекъ облюбовывалъ ихъ въ разныя эпохи, удаленныя одна отъ другой, и селенія, не подозрѣвая, что это мѣсто насижено. Раскопка городища можетъ обнаружить эту смѣну эпохъ и насельниковъ по остаткамъ, какіе здѣсь погребены.

Серьезныхъ изслѣдованій нашего городка не производилось и потому ничего нельзя сказать о его древности. Но его называютъ иногда «Тояновымъ Городкомъ», по имени того татарскаго князика Тояна, который въ 1604 году просилъ царя Бориса Федоровича принять его съ народомъ въ свое подданство, а для защиты отъ беспокойныхъ сосѣдей построить крѣпостцу, «острогъ», какъ называли въ старину ограду изъ тына или острыхъ кольевъ, съ башнями по угламъ. По разсказамъ, Тоянъ жилъ въ «городкѣ» зимою, переѣзжая на лѣтовку въ низину, гдѣ теперь находятся Вуштинскія юрты.

Вдоль берегового яра, гдѣ находится городище, тянется озерко, образовавшееся, вѣроятно, изъ отмершей протоки Томи, и известное у насъ подъ названіемъ «Нестоянова озера». Несомнѣнно, это—перорченное русской перефразировкой названіе, удержавшее въ своемъ корнѣ татарское имя стараго хозяина нашей земли, князца Тояна.

Память о немъ и слѣдуетъ положить во главу угла возводимаго нами зданія подъ именемъ «Томской Старины».

Приглашаю всѣхъ любящихъ свой край и знающихъ его носить кирпичи, бревна и известъ и помогать въ постройкѣ.

СТЕПАНОВКА.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно дачное мѣсто въ 4 верстахъ отъ Томска, расположенное на горкѣ по лѣвому берегу р. Ушайки.

Мѣстность эта была приобрѣтена Сосулинымъ, Степаномъ Егоровичемъ, богатымъ откущикомъ-виноторговцемъ въ Томскѣ. На откупахъ и виноторговлѣ онъ нажилъ миллионное состояніе и, какъ «широкая натура», которыми такъ богата Русь, началъ тратить деньги на широкую, открытую жизнь и различныя затѣи. Въ числѣ послѣднихъ было устройство особаго уголка на указанномъ участкѣ. Къ этому дѣлу Сосулинъ привлекъ жившаго въ то время декабриста, инженера Г. С. Батенькова, который составилъ планъ и затѣмъ руководилъ постройками. Прежде всего былъ выстроенъ барскій дачный домъ, съ террасой въ садъ, къ Ушайкѣ и съ множествомъ надворныхъ построекъ. Одна изъ самыхъ большихъ комнатъ, предназначенная для гостей, для танцевальныхъ вечеровъ и музыкантовъ, и была приспособлена для этой цѣли. Что бы не было холодно ногамъ, подъ поломъ этой комнаты были установлены печи и проведены отъ нихъ въ подпольномъ помѣщеніи трубы.

Здѣсь же былъ возведенъ цѣлый рядъ построекъ для заводовъ: мыловареннаго, свѣчного и кожевеннаго и помѣщенія для рабочихъ, которыхъ, по словамъ П. Л. Фуксмана, сосредоточивалось здѣсь до тысячи человекъ. Затѣмъ построена была деревянная церковь, устроены оранжереи съ фруктовыми деревьями, гротъ, горы для катанья.

Жизнь, было такое время, кипѣла здѣсь. На заводахъ шла работа, въ которой участвовала масса людей, а въ хозяйскомъ домѣ шло шумное веселье массы набѣжавшихъ изъ города гостей, пользовавшихся широкимъ гостеприимствомъ ничего не жалѣвшихъ хозяевъ. Для удобства гостей отъ этой дачи и до Сосулинскаго дома въ городъ (гдѣ теперь Ремесленное Училище, противъ Почтовой конторы), весь путь освѣщался по вечерамъ развѣшанными фонариками.

Этотъ уголокъ и получилъ названіе Степановки, по имени хозяина.

Родственница Сосулина Отопкова, принадлежавшая къ семьѣ Томскихъ золотопромышленниковъ того времени, не пожелала жить у Сосулиныхъ среди непрестаннаго шума и развлеченій и потребовала, чтобы ей было выстроено отдѣльное помѣщеніе. Желаніе ея было исполнено. Г. С. Батеньковъ построилъ ей хорошенькій особнякъ близъ Степановки, подъ горой, вправо отъ подъема въ Сосулинское помѣстье и, по своему обычаю, окрестилъ его, прильнувшему къ нему названіемъ, «Тетушкинъ Капризъ».

Здѣсь будетъ кстати рассказать и о смежномъ съ горой участкѣ по берегу Ушайки, принадлежавшемъ также Сосулину.

Этотъ участокъ, въ количествѣ 55 десятинъ, Сосулинъ подарилъ Г. С. Батенькову, который прежде всего возвелъ тутъ на-скоро какую-то оригинальную постройку изъ плахъ съ набитою между ними соломой, отчего и произошло названіе «Соломеннаго хутора». П. А. Фуксманъ сообщаетъ еще названіе «Биссерзинъ», которое, будто бы, Батеньковъ далъ этому участку. Что оно обозначаетъ, я не знаю (можетъ быть, Bisse, Bisschen?), только оно не удержалось и нигдѣ больше, напримѣръ въ перепискѣ Батенькова не встрѣчается. Затѣмъ Батеньковъ соорудилъ помѣщеніе и для куръ, назвавъ его «Куро-пѣтуховскій замокъ». Сюда то Ннк. Лучшевъ и перенесъ изъ города свой старый домъ, состоявшій изъ 5 небольшихъ комнатъ, въ которыхъ жилъ Г. С. Батеньковъ и управлялъ хозяйствомъ хутора. Здѣсь Лучшевъ, въ компаніи съ Сосулинымъ, выстроилъ винокуренный заводъ, названный Гаврилю-Степановскимъ (соединеніе именъ Батенькова и Сосулина). Впослѣдствіи весь этотъ участокъ перешелъ во владѣніе Ннк. Лучшева, а затѣмъ его вдовы Анны Михайловны. Лучшева сначала отдала Фуксману въ аренду винокур. заводъ, а затѣмъ продала изъ этого участка ему 15 десятинъ, вмѣстѣ съ постройками, и первые годы и сама жила у Фуксмана въ Батеньковскомъ домѣ. Послѣдній былъ расширенъ новымъ владѣльцемъ пристройками къ нему. Изъ остальныхъ 40 десятинъ участка Лучшева продала затѣмъ Фуксману лѣсъ на срубъ, а затѣмъ продала и самый участокъ. Во время пожара, бывшаго здѣсь, сгорѣлъ винокуренный заводъ и Батеньковскій домъ. На мѣстѣ послѣдняго Фуксманъ выстроилъ существующій и теперь двухэтажный домъ, а вмѣсто сгорѣвшаго винокуреннаго завода купилъ у Сосулина выстроенный имъ новый заводъ. Прокурилъ онъ на немъ только одну зиму—большой весенней водой разрушена была плотина, а самый заводъ смытъ. Существующій теперь Григорьевскій заводъ стоитъ уже на новомъ мѣстѣ, ниже по теченію р. Ушайки.

Память Г. С. Батенькова здѣсь не совсемъ стерта. Здѣсь оберегаются три ели и двѣ сосны, посаженныхъ Батеньковымъ, а также сохраняется и садъ и кой-какія насажденія отъ того времени, когда здѣсь хозяйничалъ Г. С. Батеньковъ.

ТОМСКОЙ ГОРОДЪ и ОСТРОГЪ.

Можетъ быть, это и скучно, но мнѣ хотѣлось бы увести читателя въ самую глубь нашей старины, къ моменту постройки «города» и «острога» въ 1604 г., импровизованному художникомъ М. М. Щегловымъ на обложкѣ настоящей книги.

Просьба князька Тояна о постройкѣ города въ его владѣніяхъ была оценена по достоинству Московскимъ правительствомъ. Приѣхавшій въ Москву Тоянъ подалъ челобитную объ этомъ 25 марта, а уже лѣтомъ того же 1604 г. постройка города была закончена. Дѣло было чрезвычайной важности и потому съ нимъ торопились. Однихъ «кодескихъ» остяковъ*), подъ командою Онжи Алачева, было привлечено къ постройкѣ сто человекъ. За эту услугу «славной остяцкой фамиліи Алачевыхъ», какъ гласитъ грамота царя и великаго

*) Впрочемъ, это были не остяки, а самоѣды. Въ грамотѣ названы волости, отданы Онжѣ Юрьеву въ владеніе—«Аспуколокъ, да Кулуколокъ»; это слова самоѣдскія (пуголь—селеніе, куль—рыба).

князя Василія Ивановича («лѣта 7114 іюля въ 12 день») «Мы Юнжю Юрьсва пожаловали въ Котцкой землѣ княженьемъ»; ему отдали во владѣніе нѣсколько волостей, предоставивъ собирать съ нихъ ясакъ въ свою пользу, причѣмъ велѣно было возвратитъ отобраннаго въ казну у брата Онжи Игичея, послѣ его смерти, идола («который былъ по ихъ вѣрѣ Палтышъ болванъ, велели ему отдать»). Вотъ какъ бережно относилось Московское правительство къ инородцамъ и какъ цѣнило ихъ услуги!

«Знатной вышины пригорокъ», на которомъ возникъ новый городъ, Томтура, какъ его называли туземцы, это—мысъ Воскресенской горы, господствующій надъ городомъ со стороны Обруба. Въмѣстѣ съ историкомъ Миллеромъ, мы можемъ воскликнуть—«и по долговременномъ исканіи лучшаго и способнѣйшаго мѣста въ тамошней странѣ найти не можно бы было».

Самый городъ представлялъ небольшой прямоугольникъ, въ 20 и 14 саж. ширины и 32 саж. длины (т. е. 98 саж. окружностью), съ 3 башнями,—одной «глухой» и двумя «воротными». Башни имѣли высоту отъ 2-хъ съ небольшимъ до 3-хъ саж. Въ «городѣ» находились: съѣзжая изба въ 3 саж. длины и воеводскія хоромы въ 6—7 саж.; эти зданія были обращены своими задними сторонами наружу, составляя городовое укрѣпленіе. Высота ограды равнялась одной сажени. Въ городѣ же находилась деревянная церковь, во имя Живоначальной Троицы, съ двумя придѣлами во имя Федора Стратилата и Бориса и Глѣба (въ честь царя Бориса и его сына Федора).

Послѣ обнесения оградой, въ городѣ были устроены «государевы погреба и житницы» т. е. зеленый, хлѣбный и для храненія собранной пушнны.

Непосредственно къ «городу» примыкала «острогъ», имѣвшій въ одну сторону 67, въ другую 97, а въ третью 238 саж. Острогъ имѣлъ три башни съ воротами, одну башню на столбахъ съ воротами подъ нею и ворота безъ башни.

Конечно, это былъ небольшой, слабо укрѣпленный острожекъ, защищаемый больше своимъ положеніемъ на высокой и крутой горѣ, чѣмъ своими приспособленіями. Въ первое время городъ расширялся по Воскресенской горѣ, причѣмъ обывательскіе дворы огораживались стоячимъ тыномъ, а ужъ потомъ, въ первой четверти XVIII вѣка, онъ сталъ застраиваться въ подгорной части къ Тому. Такимъ образомъ, самыя старыя части города Томска будутъ Ефремовская улица, затѣмъ начальныя части улицъ Подгорной, Магистратской, Миліонной и Духовской.

Недавно вышла любопытная книжка,* в которой приведена «роспись Томскому городу и острогу», относящаяся къ 1627 г., т. е. ко времени спустя 22 года послѣ постройки. Я думаю, что иной читатель не поскучается прочесть этотъ любопытный памятникъ и, зная хорошо мѣстность, можетъ быть, попробуетъ графически изобразить, гдѣ именно всѣ описанныя постройки находились.

Томской городъ.

«Стѣна городова передняя къ острогу, а по срединѣ стѣны башня трехъ сажень печатныхъ, подъ башнею ворота изъ острогу въ городъ, входъ ширина на воротахъ полторы сажени печатныхъ, а вышина сажень, а на башнѣ нарядъ, три пицали затинныхъ, и въ той передней стѣнѣ отъ воротной башни

* Томскъ въ XVII вѣкѣ. Матеріалы для исторіи города со вступит. и заключительн. статьями П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII вѣка. Посмертное изданіе Вл. А. Горохова. СПб., 1912 г.

къ Ушайкѣ рѣкѣ до Наугольной башни девять городенъ, а мѣрою пол-одиннадцати сажени, да въ той же стѣнѣ по другую сторону отъ той же передней воротной башни вмѣсто городской стѣны събѣжая избоа трехъ сажень. Отъ разряду до Наугольной башни три городни мѣрою четыре сажени съ локтемъ и всего въ передней городской стѣнѣ и въ башнѣ и въ разрядѣ въ городняхъ двадцать сажень съ полусаженью и съ локтемъ печатнымъ.

Стѣна другая городовая отъ болота отъ Наугольной башни отъ конца передней стѣны до бугровъ до наугольной башни до Мельничной двадцать шесть городенъ мѣрою тридцать двѣ сажени.

Стѣна городовая задняя отъ Мельничной до бугра, въ стѣнѣ башня подтредты сажени съ локтемъ, подъ башнею ворота, ширина воротамъ сажень печатная, вышина сажень безъ локтя, по сторонамъ башни вмѣсто городской стѣны заставлено острогомъ сажень съ локтемъ, а по другую сторону башни вмѣсто городской стѣны заставлено острогомъ же двѣ сажени печатныхъ съ локтемъ и всего въ задней стѣнѣ отъ Мельничной до бугра въ башнѣ и стѣнѣ, что острогомъ заставлено, мѣрою шестисаженная, а на задней бугровой башнѣ пицаль мѣдная гладкая съ ядромъ фунтовымъ безъ чети, а къ ней желѣзныхъ ядеръ по кружалу 151 ядро да къ ней двѣсти двадцать ядеръ свинцовыхъ.

Стѣна городовая четвертая отъ Ушайки рѣки, отъ бугровъ до мельничнаго бугра отъ угла до воеводскихъ хоромъ пятнадцать городенъ мѣрою двадцать сажень, а въ воеводскія хоромы и горницы и съ сѣнми пол-одиннадцатъ сажень, а хоромы, горницы и сѣни позаставлены вмѣсто городской стѣны, а отъ воеводскихъ хоромъ башня наугольная двѣ сажени съ локтемъ и всего въ городской стѣнѣ отъ Ушайки рѣки въ городняхъ и съ башнями и воеводскими хоромами тридцать двѣ сажени два аршина.

И всего въ городѣ мѣрою въ четырехъ стѣнахъ девяносто восемь сажень съ аршиномъ, а вышина городу по облямки сажень печатная»...

Острогъ.

«Стѣна острожная передняя отъ Киргизской до проходу, а мѣрою въ передней до острожной стѣны шестьдесятъ семь сажень безъ локтя, да въ той стѣнѣ башня новая трехсаженная безъ-локтя. Подъ башнею ворота, ширина воротамъ полуторы сажени, а вышина воротамъ сажень. А на башнѣ нарядъ въ прошломъ 134 г. августа 28 по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Федоровича всея Россіи грамотѣ за приписью дьяка Ивана Болотникова прислана съ Москвы въ Томской городъ съ томскимъ сыномъ боярскимъ съ Борисомъ Карташевымъ съ товарищи пицаль полуторная мѣдная ядромъ въ четыре гривенки, а въ ней въ тѣлѣ вѣсу тридцать шесть пудовъ девять гривенокъ, да къ ней по кружалу ядеръ желѣзныхъ пятьдесятъ, да пицаль мѣдная гладкая старая. Въ Томскомъ городѣ ядро фунтъ безъ чети, а къ ней ядеръ желѣзныхъ по кружалу сто пятьдесятъ одно ядро, да къ ней же двѣсти двадцать ядеръ свинцовыхъ. Да на той же башнѣ пицаль желѣзная скорострѣльная, а къ ней ядеръ желѣзныхъ по кружалу сто пятьдесятъ пять ядеръ.

Стѣна другая острожная отъ Томи рѣки, отъ передней стѣны отъ угла до ввозной бугровой башни, 88 сажень безъ локтя и башня на четырехъ столбахъ. Подъ башнею въ острогъ ворота, ширина воротамъ полуторы сажени, вышина сажень. Отъ бугровой отъ ввозной башни до бугровой острожной башни сто шестьдесятъ девять сажень безъ локтя, а бугровая башня трехъ сажень безъ

локтя, а подъ башней ворота, ширина съ локтемъ, вышина сажень. На башнѣ нарядъ—пищаль желѣзная, чешуйчатая, съ ядромъ фунтъ безъ чети по кружалу. Къ ней ядеръ желѣзныхъ 155 ядеръ. Пищаль желѣзная, что дѣлана въ Томскомъ городѣ въ новомъ желѣзѣ, ядро фунтъ безъ чети, а къ ней ядеръ желѣзныхъ по кружалу 155 ядеръ; да на той башнѣ пищаль затинная мѣдная. И отъ той бугровой башни до города до передней стѣны до наугольной башни 35 сажень съ полусаженью. И всего въ острогѣ въ стѣнѣ отъ Томи рѣки 297 сажень.

Стѣна третья острожная отъ наугольной башни отъ угла передней стѣны до большой башни 167 сажень безъ локтя. Большая башня на четырехъ столбахъ. На башнѣ нарядъ: пищаль затинная мѣдная, подъ башней ворота, ширина и вышина воротамъ по сажени. Отъ большой башни до малыхъ острожныхъ воротъ 68 сажень, ворота въ ширину сажень. Отъ воротъ до городской передней стѣны до Наугольной башни сажень. И всего въ третьей въ острожной стѣнѣ отъ болота отъ передней стѣны отъ угловой до городской передней стѣны 238 сажень. А всего въ острогѣ въ трехъ стѣнахъ мѣрою 604 сажени 2 аршина».

Во время пожара въ 1643 г. городъ сгорѣлъ. На его мѣстѣ былъ выстроены новый, который, по описанію Фалька*), бывшаго здѣсь въ 1772 г., представлялъ крѣпость, обведенную деревянною стѣною съ 6 башнями и имѣвшую поперечникъ до 50 сажень. Въ крѣпости находилась каменная соборная церковь и магазинъ для ясака, канцелярія, хлѣбные и соляные магазины. Отъ всего этого теперь не осталось и слѣдовъ.

Части города.

Кой-какіе слѣды отъ этой старины всетаки сохранились, въ видѣ названій, значеніе которыхъ нынѣшнему жителю Томска едва ли понятны. Крутой склонъ мыса Воскресенской горы, гдѣ были построены городъ и острогъ, со стороны Ушайки былъ одѣтъ деревяннымъ срубомъ въ цѣляхъ укрѣпленія. Въ фортификаціонной техникѣ прежняго времени такое сооруженіе называлось «обрубомъ». Отсюда и пошло существующее названіе береговой улицы по р. Ушайкѣ—Обрубъ.

При основаніи Томска небольшое населеніе его все ютилось на концевой части Воскресенской горы. Окрестности же острожка были населены татарами, жившими въ юртахъ. Жили они и за рѣкой Ушайкой на сосѣдней горѣ, удержавшей отъ того времени свое названіе Юрточной горы.

Происхожденіе названій для другихъ частей города, кромѣ Уржатки, свѣдѣній о которой я не имѣю, относится къ позднѣйшему періоду жизни Томска. Выяснить время появленія этихъ названій, а равно и основанія для этого было бы любопытно. Отмѣчу пока кратко лишь то, что знаю.

Му х и н ь б у г о р ь обязанъ своимъ названіемъ разбойнику Мухину, который жилъ тамъ, гдѣ впоследствии былъ построенъ пивоваренный заводъ Зеленеваго.

*) Фалькъ былъ командированъ Академіей Наукъ, во главѣ Оренбургской экспедиціи, для изслѣдованія нѣкоторыхъ губерній въ Россіи и Сибири въ 1768—1773 г.г.

По правой сторонѣ Ушайки, гдѣ то въ районѣ Псаевской займки и мельницы, мѣстность носила названіе, теперь уже забытое, Качаловы в о р о т а. По преданію, названіе это было усвоено отъ фамиліи Качалова, убійцы царевича Дмитрія въ 1593 г., будто бы, сосланнаго впоследствіи въ Томскъ.

Часть Томска, расположенная по правому берегу р. Ушайки, выше того мѣста, гдѣ къ Ушайкѣ подходит верхній конецъ Акимовской улицы на Болотѣ, въ недавнее, сравнительно, время носила названіе «Трейблютов ой за п м к и», названіе теперь уже забытое. Усвоено этой мѣстности оно было по имени поселившагося здѣсь отставнаго генерала Трейблюта, который въ началѣ XIX стол. служилъ въ одной изъ крѣпостей по Иртышской линіи. По крайней мѣрѣ фамилія Трейблюта встрѣчается въ архивѣ Акмолинскаго Областного Правленія въ Омскѣ, въ самой древней столпушкѣ, содержащей архивъ военнополодной канцеляріи генерала Киндермана. Состоя на службѣ въ крѣпости, онъ писалъ своему начальству рапорты. Трейблютъ былъ дѣдомъ по матери знаменитаго нашего ботаника, академика Карла Ивановича Максимовича.

О жизни его въ Томскѣ у меня нѣтъ свѣдѣній; извѣстно только, что, живя здѣсь, онъ состоялъ Мастеромъ мѣстной масонской ложи, собранія которой пропеходили у него же на заимкѣ, о чемъ будетъ разсказано ниже.

Высокій бугоръ за вершиной такъ называемаго Страшнаго рва, надъ Дальнимъ Ключемъ, назывался Шведско й Г о р о й. Предполагаютъ, что названіе этой горѣ было дано потому, что на вершинѣ ея стали хоронить плѣнныхъ павловъ, сосланныхъ въ Томскъ при Петрѣ. Гору эту жители Томска больше всего знаютъ подъ именемъ Каштакъ *), которое указываетъ на производившуюся въ этомъ мѣстѣ тайную выкурку вина. Томскіе старожилы, а между ними и Г. Н. Потанинъ, ходившіе на эту гору полюбоваться открытывшимся видомъ, помнятъ, что здѣсь еще въ половинѣ 60-хъ годовъ находилась памятникъ въ видѣ чугунной плиты, съ отлитою надписью похороненнаго тутъ Томаса Томасовича Де-Вильнева. Фамилія эта встрѣчается въ столпушкахъ Киндермановскаго архива. П. Л. Фукманъ говоритъ, что этотъ Томасъ Томасовичъ былъ комендантомъ Томска и умеръ, обзвѣвшись черемухи.

Я разыскала эту плиту. Она уложена у входной площадки въ костель, между каменными плитами, передъ первой ступенькой, со стороны дома для причта. Она перенесена сюда по распоряженію ксендза Громадскаго и спасена имъ отъ уничтоженія, такъ какъ неоднократно была уносима съ единственной на Каштакѣ могилы практическими обывателями, въ качествѣ шестка для русской печи. Плита эта—чугунная, около 1½ арш. длиною и вершковъ 18 шириною. Въ верхней части изображенъ треугольникъ въ кругѣ съ густо идущими отъ него лучами, а въ нижней части изображенъ черепъ съ двумя лежащими подъ нимъ на крестѣ костями. Между этими фигурами заключена слѣдующая 12 строчная надпись (сохраняю ея орѳографію): «Во имя отца и сына и святаго духа аминь. На мѣстѣ семь погрѣбено тѣло французской націи Урожденца провинціи провансъ римскокатолическаго закона полковника областного города Томска коменданта и ордена святаго и равноапостольнаго князя Владиміра кавалера Томаса томасова сына девилленева который родился 1715 декабря 21 д. окончилъ жизнь 1794 года августа, въ 2. день въ среду».

*) Каштакомъ называется примитивно устроенный заводикъ для тайнаго производства шпюкурена.

Кстати укажу здѣсь и на другую чугунную плиту, симметрично съ первой заложенную по другую сторону площадки, со стороны входа въ костель. Эта плита также увезена Громадскимъ съ Соляной площади, гдѣ прежде находилось католическое кладбище, а теперь стоять зданія Окружного Суда, Коммерческаго Училища и Дома Науки.

Въ верхней части плиты изображенъ шестиконечный крестъ, въ нижней—два какихъ-то предмета, положенныхъ на крестъ. Между ними заключена 7 строчная надпись по польски:

S poszuwaia zwłoki. ramięci Zygmunta Zenowicza Urod. się w litwie 1742 Umart 13 january 1830 r. Syn bęcowi. То есть—покойтесь прахъ.

Памяти Зигмунта Зеновича, родился въ Литвѣ 1742 г., умеръ 13 января 1830 г. Сынъ отцу (т. е. памятникъ поставилъ).

Название Миллионной улицы въ Томскѣ появилось около половины прошлаго столѣтія. Такъ былъ названъ собственно тотъ конецъ ея, гдѣ жили миллионеры Гороховъ, Асташевъ, Филимоновъ, Поповъ, Сосулинъ. Впослѣдствіи всѣ эти миллионеры сошли со сцены, разорившись и потерявъ свое состояніе. Улицу эту стали называть Почтамтской, по открытой здѣсь, противъ дома Сосулина, Почтовой конторѣ. Продолженіе же этой улицы, за мостомъ черезъ Ушайку, гдѣ въ то время никакнхъ миллионеровъ не жило, напротивъ удержало до сихъ поръ названіе Миллионной улицы.

КОСТЕЛЬ ВЪ ТОМСКѢ.

Римско-католическая церковь въ Томскѣ представляетъ историческій памятникъ не по своей древности, а какъ по мѣсту своего нахождения, такъ и по характеру сооруженія ея общиной вѣрующнхъ.

Пока въ Томскѣ, какъ и вообще въ Сибири, католиковъ было мало и они находились въ средѣ служилаго сословія по преимуществу, они довольствовались для своихъ религіозныхъ потребностей наемнымъ помѣщеніемъ въ бывшемъ домѣ Оржельскаго и Гилевича на Духовской улицѣ (онъ купленъ ими отъ какого то золотопромышленника и проданъ купцу Щекину; теперь принадлежитъ Рукавишникову).

Съ тридцатыхъ годовъ, когда послѣ польскихъ возстаній, Сибирь вообще, а Томскъ въ частности наводняется ссыльными поляками, потребность имѣть свою церковь становится острой. Ссылные поляки, въ средѣ которыхъ было много ремесленниковъ, выражаютъ желаніе—сами, своими руками построить костель, въ видѣ хотя бы небольшого, но кирпичнаго зданія. Въ этомъ желаніи они встрѣтили поддержку со стороны своего курата, ксендза Ремигія Апонаевича.

Такъ какъ строители были люди необезпеченные, нуждавшіеся для прокормленія своихъ семей въ постороннемъ заработкѣ, то они могли отдавать постройкѣ костела, выдѣлкѣ для него кирпича, заготовкѣ дѣса и т. п. лишь свои досуги, свободное отъ постороннихъ работъ время, что отдалило бы окончаніе постройки и исполненіе желаній вѣрующнхъ на неопредѣленное время. Тогда рѣшено было это общее для всѣхъ дѣло такъ: ксендзъ Апонаевичъ заводитъ двухъ или трехъ лошадей съ экипажами и объѣзжаетъ свой обширный приходъ, тянувшійся чуть ли не до Омска, какъ для исполненія требъ, такъ

попутно и для сбора пожертвованій на храм. Онъ собиралъ хлѣбъ, масло, яица, трубы холста и домотканныхъ матерій, разные съѣстные припасы, что что дастъ, все это свозилъ въ Томскъ и снабжалъ съѣстными припасами семьи строителей, обращая вещевыя пожертвованія, путемъ продажи, въ деньги, а затѣмъ Апонасевиичъ снова отправлялся въ объѣздъ по своему приходу. Жертвователями на церковь были не только католики, а и православные, простые крестьяне также участвовали въ этомъ божьемъ дѣлѣ. При такихъ условіяхъ силы работниковъ могли быть сосредоточены на построеніи костела, которое велось безостановочно.

Кажется, еще въ 1819 г. Томской римско-католической церкви были отведены участки земли въ концѣ Воскресенской горы и затѣмъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ районѣ Семилужной волости, по правой сторонѣ рч. Ыргизки за архіерейской дачей, гдѣ теперь находится такъ называемая Ксендзовская заимка. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, здѣсь въ 1819 г. было отведено церкви болѣе 245 десятинъ удобной и неудобной земли, гдѣ впоследствии было выстроено 4 жилыхъ домика со службами при нихъ. Что же касается городского участка костельной земли, то здѣсь числилось 720 кв. саж. подъ огородами, 64 кв. саж. по Ефремовской улицѣ, 13 саж. по площади и 737 кв. саж. подъ горою. Часть этой земли, какъ на горѣ, такъ и подъ горою, была захвачена подъ постройки Пономаревымъ, Смирновымъ и Картамышевымъ и нѣкоторыми уже укрѣплена за собою на правахъ давности владѣнія, своевременно не опаривавшагося, а другими опаривается до сихъ поръ въ судебныхъ инстанціяхъ.

Мѣстомъ для постройки костела былъ избранъ красивѣйшій уголокъ въ Томскѣ, съ котораго открывался чудный видъ на городъ и его ближайшія окрестности. Уголокъ этотъ составлялъ часть древнѣйшаго Томска, именно, гдѣ въ 1604 г. былъ возведенъ «Томской городъ» и «кострогъ». По рассказамъ, для которыхъ, впрочемъ, у меня нѣтъ никакихъ документальныхъ подтвержденій, костель возведенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, построенная въ томъ же 1604 г., первая здѣсь церковь, потомъ сгорѣвшая.

Какъ гласитъ «визита Томской римско-католической приходской церкви», составленная 10 октября 1844 г. и хранящаяся въ архивѣ костела: «каменный костель по итальянскому фасаду, съ фронтономъ съ фациа-тою, опертою на четырехъ колоннахъ, построенъ въ 1833 г. бывшимъ тогда кураторомъ въ Томскѣ Бернардынскаго ордена ксендзомъ Ремпигемъ Апонасевиичемъ изъ добротныхъ жертвъ. Освященъ же снмъ же ксендзомъ Апонасевиичемъ того же 1833 г., 1-й день октября подъ титуломъ Пресвятой Богородицы Покровской». Уже кратковременность постройки указываетъ, что она была очень не велика.

Кто составлялъ планъ зданія костела, свѣдѣній у меня нѣтъ. Постройка произведена въ итальянскомъ стилѣ. Она представляла въ то время прямо-угольникъ, заканчивающійся въ пресбиторіумѣ ротондою, а съ противоположной стороны папертью, опирающеюся на 6 круглыхъ кирпичныхъ колоннахъ. Зданіе имѣло слѣдующіе размѣры: длина—25 аршинъ, ширина—14 арш. 6 в. и высота—17 арш., со включеніемъ глухого купола съ деревяннымъ крестомъ обтянутымъ жестью. Такіе же кресты были установлены надъ алтаремъ и на фронтонѣ. По обѣ стороны паперти отдѣлено было по комнатѣ—справа жилая для сторожа, слѣва съ лѣстницей на хоры. Снаружи и внутри стѣны были отштукатурены и выбѣлены. Всѣ полы, крыша и покрытие на куполѣ были деревянные; въ 1842 г. крыша на куполѣ замѣнена желѣзною, а на всемъ

костелъ въ 1846 г., а въ 1880 г. и деревянные кресты были замѣнены желѣзными съ вызолоченными шариками. Въ 1843 г. настланы новые деревянные полы. Такою же простотою отличалась вся обстановка церкви. Въ передней части были устроены три алтаря, т. е. три простыхъ стола—средній побольше и два боковыхъ малыхъ. На большомъ алтарѣ стоялъ простой деревянный покрашенный циборіумъ (дарохранительница), а на стѣнѣ висѣли два образа—Богородицы и ниже—Снятіе со креста; по бокамъ, чтобъ закрыть голыя стѣны, были повѣшены два зеркала. Съ правой стороны большого алтаря было отдѣлено помѣщеніе для кладовой, а съ лѣвой—для ризницы, съ однимъ окномъ въ каждомъ. Передъ правымъ алтаремъ на стѣнѣ находились три иконы въ простыхъ крашеныхъ рамахъ—Св. Иванъ и Марія Магдалина по обѣ стороны серебрянаго распятія, Св. Николай Чудотворецъ и Св. Антоній Падевскій; передъ лѣвымъ алтаремъ, въ такихъ же рамахъ висѣли также три иконы—Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ (алебастровый), Пресв. Богородицы Рожанцовой и Св. Доминика. По срединѣ костела стояли двѣ пары простыхъ скамеекъ въ два ряда, съ 6 прикрѣпленными около нихъ хоругвями, а съ лѣвой стороны простой крашеный амвонъ.

Въ 1863 г. пристроено съ лѣвой стороны каменное отдѣленіе для ризницы, въ 1880 г. всѣ три алтаря замѣнены новыми, въ 1883 г. сооруженъ новый, вызолоченный циборіумъ и 10 новыхъ скамеекъ дубовыхъ, а въ 1885 г. установленъ новый барьеръ изъ рѣзнаго дуба, отдѣляющій пресбиторіумъ отъ церкви.

Въ восьмидесятыхъ годахъ хорошо извѣстный Сибирецъ А. И. Деспотъ—Зеновичъ, бывший въ то время членомъ Совѣта министра внутр. дѣлъ, нехлопоталъ посobie въ 6—7 тысячъ рублей на расширеніе костела. Это ассигнованіе, вмѣстѣ съ собранными пожертвованіями католиковъ въ Томской губ., и дало возможность сдѣлать необходимыя пристройки и дать костелу тотъ видъ, какой онъ имѣетъ теперь. Въ пристройкѣ дѣятельное участіе принималъ инженеръ Шрайеръ. Съ теченіемъ времени костелъ обогащался приношеніями своихъ прихожанъ, заводившихъ мебель, утварь, облаченія, иконы, книги и проч.; первый органъ приобрѣтенъ былъ въ 1862 г. Самымъ усерднымъ и преданнымъ устроителемъ костела, не жалѣвшимъ и собственныхъ средствъ, былъ ксендзь Громадкій.

Пересматривая инвентарь костела (по архивнымъ записямъ), я не нашелъ въ немъ чего-либо замѣчательнаго по своей древности. Самой старой вещью, находящейся въ составѣ походной церкви, является серебряная чаша съ дискосомъ, съ клеймомъ о. о. кармелитовъ въ Вильнѣ 1742 г., и серебряный подноскъ съ кувшинчикомъ, (ampulae для вина и воды) 1792 г., а затѣмъ два серебряныхъ кувшина (ampulki) съ такимъ же подноскомъ и надписью «Ofiar. Anny Czerniak. 1838 r».

Что костелъ былъ очень бѣденъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только его инвентарь, а и «описаніе капитала» по отчету 1844 г. Тамъ записано: «денегъ церковныхъ наличныхъ имѣется 115 р. 73 к., на поселенцу въ долгу по завѣщанію Іосифа Борукевича 100 р., итого 215 р. 73 к.» Не лучше обстояло дѣло и къ 1-му января 1848 г. «1847 г. съ состоявшими въ остаткѣ отъ расхода съ 1846 года было 494 р. 72½ к. Изъ оныхъ на починку ризъ, переставленіе печей, поправленіе церковной ограды, переложеніе опасной въ домѣ стѣны и прочія надобности по церкви расходовано 556 р. 1½ коп., а потому церковь и состоитъ подрядчику должна за матерьялы 61 р. 29 к.»

Въ 1836 г., на пожертвованія прихожанъ, а главнымъ образомъ, А. Ф. Полевскаго—Козелъ, былъ выстроенъ полукаменный двухэтажный домъ для причта со всѣми надворными постройками.

Въ 1837 г., на пожертвованіи прихожанъ, между домомъ и костеломъ выстроена деревянная на столбахъ колокольня, обшита тесомъ, съ дверью, запирающеюся на замокъ. На колокольнѣ висѣли два колокола въ $8\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ пудъвъ. Въмѣсто этой, уже обвѣтшавшей колокольни, въ 1856 г. была выстроена новая, очень красивая, колокольня, изъ кирпича, со стороны подхода къ костелу по взвозу. Колокольня устроена въ видѣ воротъ, съ 3 колоколами надъ ними (третій колоколь въ 2 пуда). Говорятъ, что планъ этой колокольни составленъ 12 іюня 1856 г. Г. С. Батеньковымъ, что не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ Батеньковъ покинулъ Томскъ, какъ отмѣчено ниже, въ октябрѣ 1856 г.

Высочайшимъ повелѣніемъ еще въ декабрѣ 1806 г. утверждено пребываніе римско-католическаго священника въ Томскѣ. Первымъ кураторомъ, т. е. настоятелемъ Томскаго прихода Могилевской епархіи былъ назначенъ съ 1807 г. Маркеллъ Каминскій, суперіоръ Іезуитскаго ордена. Въ 1820 г. его замѣстилъ ксендзь того же ордена Теодоръ Валужиничъ, а съ 1821 г.—ксендзь Бернардинскаго ордена Яковъ Юревичъ. Въ 1825 г. кураторомъ былъ назначенъ названный выше Афонасевичъ, съ 1835 г. по 1862 г.—ксендзь Доминиканскаго ордена Іеронимъ Гринчель, въ 1862 г.—почетный могилевскій каноникъ Іосифъ Энгельгардтъ, въ 1867.—магистръ богословія Устинъ Захаревичъ изъ Вплесской епархіи. Вице-кураторомъ при немъ состоялъ переведенный изъ Омска ксендзь Валеріанъ Громадскій, почетный каноникъ Олинской коллегіаты изъ Луцко-Житомирской епархіи, который въ 1883 г., когда Захаревича перевели въ Петербургъ, вступилъ въ должность курата и исполнялъ ее до 1898 г., пока не уѣхалъ въ Житомиръ. Послѣ него обязанность курата временно исполнялъ ксендзь Скибневскій, пока не пріѣхалъ въ 1900 г. нынѣшній курать, магистръ богословія ксендзь Демичъ.

Передъ кураторомъ стоитъ весьма серьезная задача, требующая безотлагательнаго разрѣшенія. Существующій костель давно уже пересталъ удовлетворять религіозныя потребности католиковъ. Въ Томскѣ, не считая уѣзднаго населенія, католиковъ насчитывается до 4000 человекъ; въ костелѣ же можетъ помѣститься, при условіи нестерпимой духоты и тѣсноты, едва 600—700 челов. При проѣздѣ черезъ Томскъ викарнаго епископа Цепляка былъ разрѣшенъ вопросъ о постройкѣ второго костела въ Томскѣ, проектъ котораго утвержденъ Минъ іеротерствомъ внутр. дѣлъ. Былъ тогда же избранъ, подъ предсѣдательствомъ курата, комитетъ, на обязанность котораго возложено собираніе средствъ, составленіе плана постройки и т. п., но, повидимому, ни курать, ни комитетъ и не думаютъ объ исполненіи порученнаго имъ дѣла.

ТОМИЧИ.

(*Алѣнши, муксунники, бакланы*).

Нечего грѣха таить, старая слава о томичахъ не очень высокой пробы. И началась она, можно сказать, съ самаго основанія Томска, съ легкой руки правителей, ограбившихъ супругу князька Нѣмчи, намѣревавшагося принять подданство. Не устояли они передъ собольей шубой татарской княгини, ободрали ее. Насиліе и самоуправство воеводъ и служилыхъ людей по отношенію къ инородцамъ вошло въ систему—они ихъ облагали двойнымъ ясакомъ, грабили пушнину, подвергали пыткамъ, насилывали женщинъ, обращали ино-

родцевъ въ рабство. Простые обыватели тоже не отставали отъ своего начальства и дружно удобряли почву, на которой воспитывались нравы.

Заѣхавшій въ Томскъ 165 лѣтъ спустя, въ 1770 году, Палласъ, засталъ эти нравы въ полномъ цвѣтѣ. «Ни одинаго мѣста не видалъ я, говорить онъ, такого, въ которомъ бы пьянство было толь обще и толь бы высокой степени, какъ въ Томскѣ; еще къ тому два господствующіе и между собой свойственные пороки суть блудѣніе и французская болѣзнь».

Годомъ позднѣе въ Томскѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ другой путешественникъ—Фалькъ. Поражаясь частыми пожарами, онъ говоритъ: «Причиною этому, по большей части, распутная жизнь обывателей и хотя полиція беретъ съ хозяина дома, гдѣ случился пожаръ, 10 рублей штрафа, но нравовъ не исправляетъ». Полиція нравовъ не исправляетъ! Да когда же наша полиція въ этомъ грѣхѣ была повинна?..

Еще раньше этого, въ 1741 г. прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Томскѣ ученый путешественникъ Гмелинъ. Онъ на самомъ себѣ испыталъ каковы Томичи. Въ теченіе 1741 г. было шесть пожаровъ. На нѣкоторыхъ онъ былъ и убѣдился, что «состояніе противопожарныхъ мѣръ самое плохое: Однажды весь домъ былъ объятъ пламенемъ и однако жъ его не ломали, потому что всѣ багры, лежавшіе на открытомъ воздухѣ, такъ обледенѣли и смерзлись, что большая толпа народа ничего не могла сдѣлать, что бы отодратъ ихъ одинъ отъ другого; спустя нѣсколько недѣль произошелъ новый пожаръ и съ баграми повторилась та же исторія... Возмутительно, что какъ на этотъ разъ, такъ прежде пожары происходили отъ корчемства; виновныхъ однако жъ не преслѣдуютъ и не наказываютъ». Во время одного изъ пожаровъ Гмелинъ пострадалъ и самъ—сгорѣлъ домъ, гдѣ онъ жилъ (гдѣ теперь домъ Пенашева, угловой). При вывозкѣ его имущества, при участіи солдатъ, оказалось, что у него много вещей украли, какъ изъ сѣней и комнаты, такъ и дорогой. «На другой день я отправился посмотрѣть непелище, заглянулъ въ погребъ, и тамъ нашелъ только обѣдненные кости отъ моихъ окороковъ и разнаго копченаго мяса.*)

Итакъ, пьянство, развратъ, безпечность и воровство отмѣчены достоверными свидѣтелями, какъ отличительныя черты томичей. Въ присловьяхъ самаго народа томичи стараго времени рисуются мягкими чертами, выставляются въ смѣшномъ видѣ. На этотъ счетъ учителемъ Томской Гимназіи Д. Я. Кузнецовымъ записанъ такой рассказъ.**)

Въ 18 столѣтіи, когда Томскомъ правили еще коменданты и когда одинъ изъ нихъ, вновь опредѣленный на должность, пріѣхалъ въ городъ, жители разсудили послать къ нему отъ себя представителей и поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ.

— Челомъ бьемъ твоей чести, кормилецъ, заговорили посланные, увидѣвъ коменданта.

— Здравствуйте, отвѣчаетъ онъ. Вотъ я по царской милости присланъ къ вамъ Комендантомъ... Ну, какъ же у васъ здѣсь дѣла-то ведутся?

— Какъ, батюшка, ведутся. Извѣстно какъ... Все, то есть, совершается у насъ какъ быть должно; все теперича по страху божескому дѣлается...

— А кто у васъ здѣсь старше всѣхъ?

— Старше то?.. А вотъ Корнилъ Корниловичъ, что за Ушайкой живетъ; ему, почитай, лѣтъ за сто будетъ.

*) Joh. Georg. Gmelin. Reise durch Sibirien. B. IV, S. 3—10.

**) Д. Кузнецовъ. Сибирскія народныя присловья. „Томск. Губ. Вѣдом.“, 1863 г., № 25.

— Да я не о томъ спрашиваю: кого вы слушаетесь-то?

А-а... слушаемъ то кого... а слушаемъ, батюшка, по праздникамъ Ми-
жонора Стахиича, онъ хоша и слѣпой, а презнатно играетъ на скрипицѣ.

— Эхъ, какіе вы... мнѣ надо знать, видите ли, кого вы болтаете?

— Ну, это быкъ поповскій, кормилецъ. такой бодунъ, что страсть.

— Да вы меня просто не понимаете, любезные... Я спрашиваю, кто у васъ
выше всѣхъ?

— О, это Алѣна изъ-за озера. Она, подитъ-кося, съ сажень будетъ ростомъ..

Комедантъ разсердился на эти не то глупые, не то уклончивые отвѣты,
и прогналъ представителей.

— Вонъ, Алѣнички, вонъ пошли отъ меня!

Названіе муксуновъ произошло потому, что муксуны, поднимаясь
каждую весну изъ Обской губы вверхъ по рѣкѣ, не поворачиваютъ въ Иртышъ,
а идутъ къ устьямъ рѣки Томи. На этомъ участкѣ Оби, въ предѣлахъ Нарым-
скаго края и Томскаго у., муксуны вылавливались въ огромномъ количествѣ
и составляли предметъ обширной торговли на Томскомъ рынкѣ, откуда том-
скіе рыбопромышленники отправляли муксуна цѣлыми обозами въ Красно-
ярскъ, Енисейскъ и даже, кажется, въ Ирбитъ и Екатеринбургъ.

Бакланами или бакланниками жителей Томскаго района на-
зывали просто по массѣ водившихся по нижнему теченію Томи водяныхъ
птицъ—баклановъ.

НЕВОЛЬНЫЕ ЖИТЕЛИ ТОМСКА.

Княжна Е. А. Долгорукая—невѣста Петра II.

Это не красивая легенда, а достовѣрный, историческій фактъ! Обрученная
невѣста Императора Петра II, княжна Е. А. Долгорукая, пробыла въ Том-
скѣ болѣе года, въ заточеніи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Для
тѣхъ, кто этого факта не знаетъ совсѣмъ, или позабылъ его обстановку, сто-
итъ о немъ разсказать*).

Юнаго Петра II окружали интриги его приближенныхъ, боровшихся за
власть. Алексѣй Долгорукій, ставъ воспитателемъ Петра II и членомъ верхов-
наго тайнаго совѣта, добился ссылки въ Березовъ могущественнаго Меньши-

*) А. Сулоцкій. Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая въ ссылкѣ въ Березовѣ
и въ монашествѣ въ Томскѣ. „Русскій Вѣст.“, 1880 г., № 7.

Г. Потанинъ. Матеріалы для исторіи Сибири. „Чтенія въ Обществѣ Любителей
исторіи и древностей російскихъ“ при Московскомъ Университетѣ. Замѣтка о кн. Долго-
рукой основана на выпискѣ изъ архивныхъ дѣлъ Томскаго Алексѣевскаго мужского мона-
стыря, сделанной учителемъ Томской гимназіи Дм. Львовъ Кузнецовымъ. Статья Гр. Н.
Потанина составлялась въ Омской тюрьмѣ, въ общей камерѣ, гдѣ содержалась компанія
сибирскихъ сепаратистовъ, продолжавшая и здѣсь свои занятія литературой. По оплошно-
сти С. С. Шашкова, указаніе на Кузнецова, извлекаемаго изъ архива интересный матеріалъ,
въ статьѣ Г. Потанина опущено, что я и хотѣлъ бы здѣсь отмѣтить. Авт.

кова, готовившаго свою дочь въ замужество съ Петромъ II, и самъ сблизилъ свою дочь Екатерину съ юнымъ императоромъ, развлекая его охотами въ своемъ имѣннн. 18 ноября 1829 г. 17-лѣтняя княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая была помолвлена съ 14-лѣтнимъ Петромъ II, а уже 30 ноября состоялось въ Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ обрученіе, послѣ чего княжну повелѣно вездѣ титуловать и при богослуженіи помянуть ея высочествомъ государыней—невѣстой.

Въ ночь на 19 января 1830 г. Петръ II умеръ. Долгорукіе, Алексѣй и его сынъ Иванъ, когда Петръ II находился въ агоніи, приготовили было къ его подписи подложное завѣщаніе о назначеніи преемницей престола государыни невѣсты, но когда это не удалось, Алексѣй Долгорукій, какъ членъ верховнаго тайнаго совѣта, пытался противодѣйствовать избранію на царство Анны Іоанновны, бывшей герцогини Курляндской. Это также не удалось. Долгорукіе подверглись опалѣ и всей семьей были сосланы въ Березовъ, въ тотъ самый острогъ, куда, по интригамъ Долгорукаго, былъ заключенъ Меншиковъ съ дѣтьми. Года черезъ четыре Алексѣй Долгорукій и его жена умерли. Пхъ дѣти прожили здѣсь еще около 4-хъ лѣтъ; дочери занимались рукодѣльемъ, вышиваньемъ, живописью, оставивъ въ Березовской церкви не мало облачений и иконъ своей работы; братья, заведя дружбу съ гарнизонными офицерами, духовенствомъ и березовскими обывателями, вели разсѣянную и разгульную жизнь. Разъ во время попойки, одинъ изъ пріятелей, таможенный подъячій Тишинъ, увлеченный красотой государыни-невѣсты, высказалъ ей свои грубые желанія, за что былъ жестоко избитъ офицеромъ, которому княжна пожаловалась. Тогда Тишинъ написалъ губернатору доносъ на всю компанію съ Долгорукими во главѣ, будто они дерзко отзывались объ Аннѣ Іоанновнѣ и ея фаворитѣ Виронѣ. Наряжено было слѣдствіе, подтвердившее доносъ. Началась расправа. 19 человекъ изъ числа березовскихъ обывателей были наказаны кнутомъ и разосланы или отданы въ солдаты, а одинъ обезглавленъ. Что касается Долгорукихъ, то Ивана, вслѣдствіе его признанія въ бреду о составленіи подложнаго завѣщанія, предали новому суду и колесовали подъ Новгородомъ, братьевъ его, послѣ урѣзанія языковъ и сбченія кнутомъ, сослали двоихъ въ Камчатку, одного въ Охотскъ, а трехъ сестеръ разослали по дѣвичьимъ монастырямъ—Елену въ Тюмень, Анну въ Верхотурье, а Екатерину, «государыню-невѣсту»—въ Томскъ.

Документъ объ этой послѣдней, находящійся въ архивѣ Алексѣевского мужского монастыря, составленный на основаніи именнаго Ея Величества указа и опредѣленія архіерейской Канцеляріи (впослѣдствіи Тобольск. Духов. Консисторія) гласитъ: «...велѣно изъ вышеупомянутыхъ дѣвку Екатерину, когда она привезена будетъ въ Томскъ, подъ карауломъ, то въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ постричь тебѣ, архимандриту Лаврентію, въ монахини по обыкновенію, при посланномъ за нею изъ сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицерѣ, и по постриженіи содержать ее въ ономъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ накрѣпчайшимъ карауломъ и никуда ея изъ того монастыря не выпускать, и писемъ писать не давать ей, и постороннихъ никого для сообщенія не допускать, и чтобы никакихъ шалостей и неотребства отъ нея не происходило, пищею и одеждою содержать ее по обыкновенію того монастыря, равномѣрно противъ прочихъ монахинь, безо всякой отмѣны. И чтобы оная Долгорукова дочь дѣвка Екатерина въ помянутомъ монастырѣ содержана была послѣ объявленнаго высочайшаго именнаго е. и. в. указа непремѣнно, велѣно по опредѣленію сей губернской канцеляріи объявленному оберъ-офицеру въ помянутомъ монастырѣ для караула оставить при оной Долгорукова

дочери двухъ человекъ до указа. И архимандриту Лаврентію о вышеописанномъ объявленной Долгорукова дочери постриженіи и о содержаніи ея подъ крѣпкимъ надзоромъ по силѣ указа, непременно чинить по сему е. и. в. указу и о томъ въ архіерейскую канцелярію рапортовать секретно. 1740 г. ноября 9 дня. Знаменскаго Тобольскаго монастыря архимандритъ Геннадій. Тобольскому архіерейскому дому казначей іеродіаконъ Іоаннъ Павлуцкій».

Указъ этотъ былъ полученъ въ Томскѣ 21 декабря 1740 г., а уже 24 декабря былъ посланъ, на имя митрополита Тобольскаго и сибирскаго Никона, рапортъ объ исполненіи, о чемъ доносилъ «Вашего преосвященства низжайшій рабъ-богомольецъ Моисей» такъ: «По силѣ вышеписаннаго е. и. в. указу оная дѣвка Екатерина въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ небытность архимандрита Лаврентія, мною, низжайшимъ богомольцемъ ваимств., іеромонахомъ Моисеемъ, пострижена въ монахини декабря 22 числа 1740 г., при посланномъ за нею карауломъ оберъ-офицеръ Петръ Егоровъ».

Мѣстомъ постриженія княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой послужилъ Рождественскій дѣвичій монастырь, построенный въ 1661 г. Томскимъ казачьимъ головой Зиновьемъ Литосовымъ, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ Никольской церковью. Монастырь былъ очень бѣдный. Въ 1740 г. въ составѣ его были: церковь во имя Рождества Богородицы, ограда, 6 келій и больница; все деревянное и ветхое. При монастырѣ состояли одинъ вдовый священникъ и семь старыхъ, дряхлыхъ монахинь. Въ такую обстановку пошла княжна Долгорукая, съ постриженіемъ которой, точно чужь бѣду, такъ торопились, что въ рапортъ митрополиту о совершеніи обряда даже не сообщили, какое нарекли ей имя и какъ она отнеслась къ насильію, что отвѣчала на установленные при постригѣ вопросы.

О жизни Долгорукой въ монастырѣ записаны рассказы со словъ старожиловъ Томска. Келья, въ которой она жила, представляла небольшую бревенчатую избушку, вродѣ крестьянской бани, съ голыми не обтесанными стѣнами, съ маленькими окнами. Мебель состояла изъ некрашеннаго, грубой работы, стола, лавокъ вдоль стѣнъ и 2—3-хъ стульевъ или скамейки, приставлявшейся къ лавкѣ, чтобъ служить кроватью. Въ той же кельѣ помѣщалась старуха-надзирательница, а нерѣдко и караульный солдатъ. Содержаніе было скудное, оно состояло изъ подавій, собираемыхъ ходившими по домамъ старухами монахинями или приносимыхъ сострадательными жителями Томска. Такъ питалась бывшая невѣста императора Петра II!

Караулъ былъ строгій, не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью; безъ посторонняго лица княжнѣ не дозволялось даже перемѣнить бѣлье. Иногда, въ видѣ развлеченія, Долгорукой дозволяли взойти на монастырскую колокольню—полюбоваться открывавшимся видомъ Томска.

Съ восшествіемъ на престолъ, 25 ноября 1741 г., Елизаветы Петровны, повелѣно было возвратити изъ ссылки всѣхъ жертвъ злобы временщика Вирона. 29 декабря 1741 г. Тобольская архіерейская канцелярія послала указъ объ этомъ Настоятелю Томскаго Алексѣевскаго монастыря архимандриту Лаврентію. Указъ полученъ имъ 10 января 1742 г. (умѣли же и въ ту пору устанавливать быстро сообщеніе!) и того же числа она сняла насильственно надѣтое на нее платье, пробывъ въ постригѣ 1 годъ и 20 дней. Всѣ сестры вернулись въ томъ же 1742 г. въ Россію и получили свои фамиліальные права и родовыя имѣнья. Всего въ ссылкѣ въ Сибири онѣ провели 11½ лѣтъ.

Княжна Екатерина Алексѣевна въ 1745 г., уже 33-лѣтней женщиной, вышла замужъ за генералъ-лейтенанта графа А. Бор. Брюса, но жила не долго.

Во время поѣздки въ Новгородъ—поклониться праху казенныхъ брата и др. родственниковъ, она простудилась, заболѣла и умерла.

Томскій Рождественскій монастырь продолжалъ оставаться мѣстомъ ссылки и заточенія до самаго его закрытія въ 1776 г. Сюда, напримѣръ, въ 1745 году было прислано «20 колодницъ квакерской ереси». Ко времени закрытія монастыря 18 изъ нихъ перемерли, а двѣ продолжали влечь свое существованіе въ келейкѣ при приходской Никольской церкви.

Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

«Красивая легенда»—такъ характеризовалъ Л. Н. Толстой рассказы, циркулировавшіе въ народѣ о мнимой смерти Императора Александра I и о его дошлой жизни въ Сибири, въ образѣ старца Ѳеодора Кузьмича.

Л. Н. Толстой использовалъ этотъ матеріалъ, какъ художникъ, и не дальше какъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ, это посмертное произведеніе великаго писателя земли русской должно было увидѣть свѣтъ, но книжка конфискована и «красивой легендѣ» не суждено стать общимъ достояніемъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время.

Неожиданная смерть Императора Александра I породила «самые нелѣпые толки и слухи, которые распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, благопріятствовавшей ихъ развитію среди невѣжественныхъ народныхъ массъ», говоритъ Шильдеръ. Но эти рассказы заслуживаютъ вниманія историка, «какъ несомнѣнное прозведеніе народной фантазіи, старавшейся по своему объяснить событія этой смутной эпохи». Съ теченіемъ времени эти слухи и рассказы стали замирать и забываться, но во второй половинѣ XIX столѣтія они вдругъ ожили въ Сибири, связанные съ реальной личностью Ѳеодора Кузьмича.

Мнѣ бы не хотѣлось разрушать этой «красивой легенды», такъ какъ она живетъ въ сердцахъ многихъ, какъ дорогое воспоминаніе еще живыхъ современниковъ старца, но я боюсь, что неумолимый законъ прогресса, разливающееся въ широкихъ массахъ народа просвѣщеніе сдѣлаютъ свое дѣло и разрушатъ легенду.

Мѣсто, гдѣ она еще крѣпко держится и живетъ во всей ея свѣжести, это—Томскъ. Естественно поэтому отвести этой легендѣ соответствующее мѣсто въ «Томской Старинѣ», тѣмъ болѣе, что я располагаю кой-какимъ матеріаломъ о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, никогда не использованномъ для печати.

Исторія старца Ѳеодора Кузьмича чрезвычайно проста. Сибирь была неконнымъ мѣстомъ ссылки и убѣжищемъ для всѣхъ чѣмъ либо обиженныхъ, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Но необъятнымъ пустыннымъ пространствамъ старой Сибири постоянно сновали бродяги и бѣглецы, скрывавшіе свое роднопроисхожденіе, имя и прошлое и подъ кличками Ивановъ Непомнящихъ, Безпрозванныхъ, Безотчества и т. п. смѣло заходили въ деревни къ сибирякамъ-старожителямъ и находили у нихъ теплый уголь, одежку и пропитаніе. Сибирякъ охотно давалъ пріютъ такому человѣку, особенно если онъ былъ грамотный, выдавшій виды, знающій, толковый, интересный рассказчикъ, и пользовался его совѣтами и услугами, не справляясь о его прошломъ.

Къ категоріи такихъ людей принадлежалъ и назвавшійся Ѳеодоромъ Кузьмичемъ. Рассказываютъ, что въ 1836 г. онъ былъ задержанъ въ Красноуфимскѣ, какъ бродяга, скрывающій свое происхожденіе и, наказанный плетью,

сосланъ на причисленіе въ Боготольскую волость, Маринскаго уѣзда, Томской губерніи. Сначала его водворили на казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ (теперь Елизаветинскій винокуренный зав. Королевой на Чулымѣ). Проживъ на заводѣ пять лѣтъ, онъ затѣмъ поселился въ сосѣдней деревнѣ Бѣлоярской у одного казака. Въ теченіе 15 слѣдующихъ лѣтъ, онъ бродилъ по окрестнымъ деревнямъ и занимался обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. За свою аскетическую жизнь, бесѣды на религіозныя темы и о разныхъ событіяхъ русской жизни, за добрыя совѣты въ горѣ и болѣзни онъ пользовался расположеніемъ простыхъ людей, охотно предоставлявшихъ ему кровъ и пропитаніе. Особенно долго онъ зажилъ въ упомянутой деревнѣ Бѣлоярской, затѣмъ въ Зирцахъ и въ с. Краснорѣченскомъ, пока не переселился въ 1858 г. въ Томскъ, къ вунцу С. Ѡ. Хромову, по настоятельной его просьбѣ. Здѣсь онъ жилъ то въ городѣ, то на землѣ Хромова, въ специально выстроенныхъ для старика домикахъ-кельяхъ. Въ одной изъ нихъ въ городѣ онъ и скончался 20 января 1864 года. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ Сибири 27 лѣтъ, старческихъ лѣтъ, въ возрастѣ, какъ полагаютъ, 60—87 лѣтъ.

Несмотря на это долгое пребываніе, никакихъ слѣдовъ своей жизни старецъ не оставилъ и ничѣмъ сколько нибудь замѣтнымъ, стоящимъ вниманія себя не проявилъ. Въ Томскѣ онъ прожилъ около 5 лѣтъ въ такое время, когда тутъ жили Бакунинъ, Кузнецовъ, Ананьинъ, Потанинъ и др., интересовавшіеся каждымъ сколько нибудь замѣтнымъ явленіемъ мѣстной жизни, и однако, они даже и не подозрѣвали существованія въ Томскѣ Ѡедора Кузьмича. И это потому, что самъ по себѣ старецъ былъ незамѣтной, незначительной фигурой. Несомнѣнно, это былъ рядовой среди сибирскихъ поселенцевъ, какихъ были разсыяны по громадной странѣ сотни. Все его значеніе, весь ореолъ, какимъ окружили его почитатели, заключался въ томъ, что въ старикѣ хотѣли видѣть Императора Александра I и такъ загнипотизировали и себя, и другихъ этой мыслью, что послѣ смерти старца создала настоящій культъ его, продолжающійся и до сего дня. Особенно ревниво и настойчиво дѣйствовалъ въ этомъ направленіи самъ Хромовъ, которому, конечно, лестно было добиться признанія, что это онъ приютить у себя и окружилъ такимъ почитаніемъ бывшаго Императора Всероссийскаго, счастливаго соперника Наполеона, сыгравшаго такую крупную роль въ историческихъ судьбахъ своей державы. Въ этихъ домогательствахъ Хромовъ не былъ одинокимъ,—у него были дѣятельные сотрудники, постоянные или случайные.

Со смертью Хромова и его ближайшихъ сотрудниковъ, ту же миссію взялъ на себя образовавшійся кружокъ почитателей Ѡедора Кузьмича, продолжающій собирать и издавать матеріалъ, нанизывая и нужнымъ образомъ освѣщая разные мелочи изъ жизни старца. Конечно, самымъ надежнымъ и вѣрнымъ помощникомъ почитателей является та тайна, которой окружилъ свое происхожденіе и прошлое Ѡедоръ Кузьмичъ при жизни и которую онъ унесъ съ собой въ могилу.

Какъ келья старца въ Томскѣ, такъ и его могила служатъ до сихъ поръ мѣстомъ поклоненія и даже нѣкотораго паломничества.

Келья-домикъ находится на усадьбѣ Хромова и его зятя Чистякова, на углу Монастырской и Нечаевской улицъ. Бревенчатый домикъ стоитъ въ глубинѣ усадьбы отъ угла указанныхъ улицъ и состоитъ изъ наибольшей комнаты около $1\frac{1}{4}$ —квадратной сажени, съ двумя небольшими оконцами на противоположныхъ стѣнахъ, и узкихъ сѣней, оканчивающихся маленькой кладовой и отхожимъ мѣстомъ. Четверть комнаты занята русской печью съ лежанкой. Меблировка ея, сохраняемая и до сихъ поръ, состояла изъ простого небольшого стола,

стула и простой кровати и лавокъ и вдоль двухъ стѣнъ. Въ переднемъ углу стояло рѣзное распятіе изъ кости и 5—6 старинныхъ литографированныхъ въ одну краску изображеній святыхъ. Въ настоящее время вся передняя стѣна и часть боковыхъ увѣшаны и заставлены различными иконами, числомъ около 80, пожертвованными почитателями старца. Среди нихъ находятся портреты Александра I, карандашный рисунокъ, по видимому, съ натуры, старца на смертномъ одрѣ и литографированные портреты старца въ распространенномъ изданіи, гдѣ онъ изображенъ высокимъ старикомъ съ длинной бородой, въ бѣлой холщевой рубахѣ ниже колѣнъ, охваченной пояскомъ. Происхождение этого снимка такое. Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Томскѣ содержалъ фотографію Совѣтникъ Губерн. Правленія Ефимовъ.

Какъ то заходить въ фотографію господинъ съ маслянымъ портретомъ, изображавшимъ старца, и просить сдѣлать съ него снимокъ. Заказъ былъ принятъ и исполненъ. Вотъ эта-то фотографія, по удостовѣренію Ивана Владиміровича Ефимова, родного брата фотографа, и явилась тѣмъ оригиналомъ, съ котораго впоследствии стали размножать снимки со старца Федора Кузьмича, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ изображенъ на цинкографіи, приложенной къ настоящей книгѣ. Проѣзжавшій въ 80-хъ годахъ, для ревизіи тюремъ въ Сибирь, Галкинъ-Враскій, во время остановки въ Томскѣ былъ въ кельи старца и слушалъ панихиду. Онъ пожелалъ предохранить домикъ отъ разрушенія и распорядился устроить надъ нимъ за свой счетъ навѣсъ. Въ настоящей книгѣ помѣщена цинкографія съ домика и навѣса надъ нимъ.

Въ домикѣ постоянно горитъ передъ образами лампада и еженедѣльно по пятницамъ вечеромъ служатся панихиды, на которыя собираются почитатели старца.

Изъ иконъ, коими увѣшана передняя стѣна, мое вниманіе обратилъ на себя образъ, въ кіотѣ котораго лежали вѣнчальные свѣчи. Оказывается, молодой супругъ, овдовѣвшій вскорѣ послѣ женитьбы, утолялъ свое горе приношеніемъ этой иконы въ келью старца.

Сопровождающая посѣтителей кельи женщина рассказываетъ, что въ находящемся здѣсь небольшомъ сундукѣ старецъ хранилъ принадлежности своего незатѣйливаго костюма—рубахи, штаны и проч. Однажды обнаружили, что содержимое сундука исчезло—кто то изъ посѣтителей выкралъ вещи, хотя не тронулъ лежавшихъ открыто на столѣ денегъ, въ количествѣ нѣсколькихъ рублей... Но по поводу этой кражи рассказываютъ, что украденныя вещи увезены за границу, гдѣ исторіей старца интересовались, въ расчетѣ на хороший сбытъ этихъ вещей любителямъ всякихъ униквовъ.

Могила Федора Кузьмича находится на кладбищѣ мужского Алексѣевского монастыря, влѣво отъ алтаря церкви и нѣсколько вглубь кладбища. Первоначально она была обнесена желѣзною рѣшеткою, а сверху закрыта желѣзною крышею, подъ которой, въ изголовьи могильнаго холмика, стоялъ большой деревянный крестъ съ надписью: «На семь мѣстѣхъ погребено тѣло великаго и благословеннаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года». Впоследствии эта надпись была закраснена и замѣнена болѣе краткою: «Старецъ Федоръ Кузьмичъ скончался 20 января 1864 г.»

Самымъ дѣятельнымъ среди почитателей старца позднѣйшаго періода былъ настоятель Алексѣевского монастыря архимандритъ Іона. Онъ собиралъ о старцѣ различныя свѣдѣнія, тщательно записывалъ рассказы о немъ, какъ о прозорливцѣ и цѣлителѣ недуговъ, какъ о великомъ подвижникѣ, отъ котораго исходила благодать Божія, проявлявшаяся разными чудесами. Втайнѣ архимандритъ Іона мечталъ объ украшеніи монастыря мощами старца, о грядущей

славѣ обители и умноженіи ея богатствъ. «Вотъ какая кипа записей о чудесахъ старца накопилась у меня», разводя руки, восторженно говорилъ Іона П. И. Макушину, навѣстивъ его какъ то во время болѣзни.

Іона сталъ хлопотать объ украшеніи могилы старца болѣе приличнымъ памятникомъ и привлечь къ этому дѣлу жертвователей. Къ 1903 г. ему удалось собрать на этотъ предметъ около тысячи рублей. Проектъ часовни на могилѣ былъ порученъ молодому, только что передъ этимъ окончившему Академію Художествъ архитектору В. Ф. Орженшко. Эта часовня, по времени, едва ли не первое произведеніе этого художника. Она представляетъ собою каменное зданіе около 3½ саж. высотой и около 16 квадратныхъ аршинъ площадью, съ лѣпными украшениями снаружи, увѣнчанное куполомъ. Въ боковыхъ стѣнахъ ся имѣется по одному большому окну. Передняя стѣна противъ входной двери сплошь обдѣлана ввидѣ иконостаса, съ иконами въ 3 яруса. Центральная икона изображаетъ Александра Невского и Феодора Стратилата. Среди часовенки возвышается гробница, накрытая мраморной доской, съ вырѣзаннымъ на ней восьмиконечнымъ крестомъ и надписью въ немъ: «Здѣсь погребено тѣло великаго и Благословеннаго старца Феодора Кузьмича 20 января 1864 г.». Въ нижней части мраморной плиты вырѣзана четырехстрочная надпись: «Часовня сія устроена при Архимандритѣ Іонѣ средствами Пелагеи Діомидовны Бутѣевой, Ивана Максимовича Некрасова и др. почитателей старца. А камень сей положенъ М. Д. Кочерженко 1904 г.». На камнѣ, на большой металлической подставкѣ горитъ неугасимая лампада. На одномъ изъ подоконниковъ разложены десятки фотографій, относящихся къ старцу и брошюръ, продаваемыхъ желающимъ. Раньше въ часовнѣ ежедневно служились литіи, а теперь, за отсутствіемъ посѣтителей, служба совершается гораздо рѣже и только въ годовщину смерти Феодора Кузьмича, 20 января, совершается особенно торжественное служеніе, въ присутствіи значительнаго числа почитателей.

Часовня эта обыкновенно держится запертой на ключъ, но къ ней и въ неуточное время заходятъ почитатели старца и, стоя у большого окна, могутъ видѣть всю ея внутренность до мельчайшихъ подробностей, настраивающихъ на молитвенный ладъ. Вѣроятно, одинъ изъ такихъ почитателей, стоя у окна, сдѣлалъ карандашемъ на бѣлой оконной рамѣ надпись, въ которой передать волнованную его мысль словами: «Покой Господи много Уроднаго раба Твоего Императора Александра».

При постройкѣ этой часовни имѣлъ мѣсто любопытный эпизодъ. При кладкѣ фундамента, въ предупрежденіе промерзанія стѣнъ, вся могила была охвачена канавой на глубинѣ 3 аршинъ. Когда фундаментъ былъ уже выведенъ почти въ уровень съ землей, замѣтили, что могила стала западать и проваливаться. Архим. Іона распорядился исправить могилу, для чего вся земля изъ нея была вынута. Тогда выяснилась и причина осадки. Доски, закрывавшія сѣлепъ, сгнили и провалились въ камеру, гдѣ стоялъ гробъ. Когда выбрали гнилушки и очистили землю, оказалось, что и крышка гроба сгнила и провалилась. Стали очищать и ее, чтобъ замѣнить дѣлыми досками. В. Ф. Орженшко рассказываетъ, что стоя на днѣ могилы между гробомъ и стѣной, онъ увидѣлъ, что одежда и тѣло старца совершенно сгнили и вдоль гроба лежали коричневато цвѣта кости ногъ, обутыхъ въ кожаные башмаки. Голова представляла безформенную ослизлую массу, лежавшую на какомъ то подобіи подушки; костей черепа нельзя было рассмотреть, но длинная сѣдая борода явственно обрисовывалась на груди. Когда В. Ф. Орженшко наклонился надъ гробомъ, что-бы рассмотреть ближе его содержимое, у него выкатились изъ боковыхъ кармановъ сюртука бумажникъ, визитныя карточки и разныя бумаги и упали въ

гробъ. Выбравъ ихъ оттуда, онъ сталъ закрывать гробъ новыми досками, но при этомъ замѣтилъ, что въ гробу еще осталась одна его визитная карточка. Пришлось снова наклоняться и убирать не по адресу застрявшій документъ. Все это происходило на глазахъ архимандрита Ионы, стоявшаго на борту могилы и сокрушавшагося о томъ, что пришлось потревожить прахъ старца, но Иона въ сущности былъ чрезвычайно радъ случаю вскрыть могилу старца, такъ какъ онъ предоставлялъ ему возможность вочію убѣдиться въ нетронутости могилы и въ состояніи останковъ, въ связи съ его мечтами, о которыхъ выше упомянуто. Желаніе убѣдиться въ цѣлости могилы будетъ понятнымъ, если принять въ соображеніе ходившіе въ народѣ разсказы о томъ, будто бы, въ Томскѣ пріѣзжалъ, по одной версіи, генераль, посланный Великимъ Княземъ, а по другой—цѣлая комиссія, которая, по соглашенію съ мѣстной жандармской властью, разрыла ночью могилу старца, вынула его останки и уложила въ заготовленный гробъ, который и увезла съ собою въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 40 лѣтъ въ почвѣ монастырскаго кладбища тѣло человѣка подверглось почти полному ислѣвію. Выводъ, не лишенный своего значенія въ вопросѣ о смѣнѣ населенія кладбища.

О старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ накопилась уже значительная литература, но она отличается односторонностью, такъ какъ всѣ авторы проникнуты однимъ стремленіемъ установить тожество между Федоромъ Кузьмичемъ и Александромъ I. Для интересующихся предметомъ приведемъ перечень относящихся сюда сочиненій, *) хотя не ручаемся за то, что онѣ приведены здѣсь съ исчерпывающей полнотой.

*) В. Долгорукой. Отшельникъ Александръ (Федоръ) въ Сибири. „Русс. Старина“ 1887 г., № 10, стр. 217—220; № 11, стр. 529—530.

— Сильно поселенецъ Федоръ Кузьмичъ. „Сибир. Газета“, 1887 г., стр. 247.

— „Русс. Старина“, 1892 г., Январь

— „Сибир. Вѣстн.“. 1891 г., № 98.

— Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія старца Федора Кузьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1897 г. по 1864 г.—С.-Пб., 1891 г. Монографія подъ тѣмъ же заглавіемъ выпущена 3-мъ изданіемъ въ Москвѣ, въ 1894 г., въ объемѣ 1—56 стран.

— „Русскій Листокъ“, 1898 г., №№ 64, 73 и 77, статья Н. Я.—ва.

— Загадочный старецъ Федоръ Кузьмичъ. Брошюра въ 1—23 странъ невѣстнаго автора—Москва, 1898 г., изд. Коноваловой.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. С.-Пб. 1897—1898 г.—Т. IV, стр.

Адриановъ. Тайственный старецъ. „Сибир. Заря“, 1908 г., № 118.

— Тайственный старецъ Федоръ Кузьмичъ въ Сибири и Императоръ Александръ Благословенный. (Легенды и преданія, собранныя въ Томскѣ кружкомъ почитателей Старца Федора Кузьмича). Изд. Д. Г. Романова. Саратовъ. 1908 г. (брошюра 1—16 стр.).

Тѣмъ же кружкомъ готовится къ выпуску въ юнѣ 1912 г., подъ тѣмъ же заглавіемъ, книга объемомъ болѣе 200 стран., съ 26 рисунками.

Кромѣ того Шильдеръ указываетъ на рукописи „Жизнеописаніе великаго старца Федора Космыча“, составленное С. О. Хромовымъ.

Есть еще брошюра, изданная Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Матеріалъ для нея собирався, по порученію Великаго Князя, Н. П. Лашковымъ, мѣстнымъ уроженцемъ, нарочито пріѣзжавшимъ изъ Петербурга въ Томскъ для этого. Г. Лашковъ не ограничился собираніемъ матеріала въ Томскѣ, а ѣздилъ и въ с. Красноярченское и въ тѣ мѣста, гдѣ Федоръ Кузьмичъ прожилъ первые годы своей ссылки.

М. А. Бакунинъ.

Крупнѣйшая фигура въ политической жизни западной Европы конца сороковыхъ годовъ, хорошо знакомая всемъ государямъ Европы и политическимъ дѣятелямъ того времени, М. А. Бакунинъ былъ невольнымъ жителемъ г. Томска въ 1858 и 1859 г.г. Съ пребываніемъ его въ Томскѣ связанъ важнѣйшій фактъ въ его личной жизни, настолько оригинальный, что его стоитъ отмѣтить, тѣмъ болѣе, что въ довольно обширной литературѣ о Бакунинѣ, онъ не отмѣченъ.^{*)} Прежде чѣмъ рассказать объ этомъ фактѣ и о жизни Бакунина въ Томскѣ, необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомить съ этой крупной, выходящей изъ ряда вонъ фигурой, такъ какъ многіе изъ читателей настоящей книги, вѣроятно, Бакунина не знаютъ.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ—потомокъ стариннаго дворянскаго рода XVI ст. изъ Тверской губ. Родился въ 1814 г. Его мать—урожденная Мурявьева, изъ известной старинной дворянской фамиліи. Его отецъ всю службу провелъ при носольтвахъ, главнымъ образомъ въ Италіи. 15-ти лѣтъ Бакунинъ былъ отданъ въ артиллерійскую школу, а 18 л., въ чинѣ поручика, посланъ въ батарею въ Минскую губ. После духъ лѣтъ службы офицеромъ въ Польшѣ, переживавшей кризисъ послѣ подавленія революціи 30 года, Бакунинъ подалъ въ отставку, навсегда отказавшись отъ военной карьеры, и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ, въ кружкѣ своихъ друзей, со Станкевичемъ и Бѣлинскимъ во главѣ, занялся изученіемъ философіи и сталъ готовиться къ кафедрѣ въ Московскомъ Университетѣ. Ставъ послѣдователемъ гегелевской системы, онъ переехалъ въ 1840 г. въ Берлинъ съ цѣлью изученія нѣмецкаго философскаго движенія. Философія Гегеля превратилась для него въ революціонную теорію, а знакомства съ писателями и политическими дѣятелями Руге, Гервегомъ, Рейкелемъ, Фогтами, Жоржъ-Зандъ, Марксомъ, Прудономъ и мн. др., во время его побѣдокъ въ Саксоніи, Швейцаріи и Франціи, заставили его выступить на путь практической революціонной дѣятельности и сдѣлали изъ него выдающагося агитатора, отовсюду гонимаго и въ тоже время желаннаго. Это было время общаго броженія въ европейскіихъ государствахъ, время возстаній, приведшихъ къ революціи 48 года. Увлечшись идеей освобожденія всѣхъ славянъ, съ цѣлью образованія свободной федераціи славянскихъ народовъ, за что, кажется, Марксъ называлъ его сентиментальнымъ идеалистомъ, Бакунинъ явился въ 1849 г. въ Дрезденъ и здѣсь сталъ однимъ изъ вождей возстанія. Слабыя силы инсургентовъ были сломлены, бѣжавшій Бакунинъ былъ арестованъ и выданъ пруссакамъ. После нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости въ Саксоніи его приговорили къ отсѣченію головы, но замѣнили казнь пожизненнымъ заключеніемъ, а потомъ выдали его Австріи, по требованію послѣдней. Продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпостяхъ въ Прагѣ и Ольмюцѣ, Бакунина въ 1851 г. судили и приговорили къ повѣшанію, но и на этотъ разъ замѣнили смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ, но чрезвычайно суровымъ—Бакунина держали въ ручныхъ и пожныхъ кандалахъ, прикованнымъ на цѣпь къ стѣнѣ. Затѣмъ Австрія выдала его Россіи, гдѣ онъ былъ посаженъ сначала въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, а потомъ переведенъ въ Шлиссельбургъ.—Здѣсь на переданное ему желаніе императора Николая имѣть его исповѣдь, Бакунинъ отвѣтилъ письмомъ, въ ко-

*) Биографія Бакунина Максъ Реглау посвятилъ монументальный трудъ, изданный въ трехъ томахъ, in-folio, подъ заглавіемъ: «Michel Bakounine, eine Biographie», London, 1896 - 1900.

торомъ, между прочимъ, пишетъ (въ 1851 г.): «Вы желаете имѣть мою исповѣдь, но Вы не должны игнорировать, что заключенный не обязанъ предоставлять грѣховъ другихъ. Мои честь и совѣсть никогда не дозволятъ мнѣ измѣнить кому бы то ни было доверенности мнѣ, и къ тому я не способенъ. Вамъ какихъ либо именъ». Какъ передавалъ Н. Г. Чернышевскій Гр. Н. Потанину, со словъ Н. П. Костомарова, Бакунинъ написалъ при этомъ цѣлый трактатъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ, съ такимъ замѣчательнымъ выясненіемъ его значенія и отрицательныхъ сторонъ, какого не было у другихъ авторовъ по этому вопросу въ то время.

Долго Александръ II не соглашался на помилованіе Бакунина, несмотря на многократныя о томъ ходатайства, но, наконецъ, въ 1857 г., послѣ одобренія врачей, что начавшееся у Бакунина ожиреніе сердца можетъ скоро привести къ роковому концу, согласился замѣнить ему вѣчное заключеніе ссылкой въ Сибирь.

И вотъ въ 1857 году, болѣе точной даты я не знаю, М. А. Бакунинъ, облюбованный народомъ въ Дрезденѣ въ качествѣ вице-президента Саксонской республики, водворяется на жительство въ Томскѣ. Здѣсь онъ поселился въ семьѣ мѣщанина Бардакова, у котораго пользовался и столомъ. Небольшой деревянный двухэтажный домъ Бардакова находился на Магнетратской улицѣ, возлѣ дома Самохвалова, гдѣ теперь стоитъ домъ купца П. П. Смирнова. Здѣсь было нѣчто въ родѣ забѣгаго дома, гдѣ останавливались проѣзжіе, гдѣ жили временно или постоянно холостяки и бабыли.

Старикъ очень полюбилъ своего квартиранта, пользовавшагося неизмѣнно ихъ симпатіями за все время его пребыванія въ Томскѣ. «Вотъ ума палата, былъ бы генераломъ», говорилъ о немъ старикъ. Сколько времени прожилъ у Бардаковыхъ Бакунинъ—неизвѣстно, но только въ слѣдующемъ 1858 году онъ обзавелся уже собственнымъ домомъ, а вслѣдъ затѣмъ и молодой женой.

Видно, этотъ ветеранъ сороковыхъ годовъ, крутившійся въ революціонномъ вихрѣ Западной Европы, перенесшій всѣ ужасы десятилѣтняго заточенія въ крѣпостяхъ Германіи, Австріи и Россіи, дважды приговоренный къ смерти, видно, онъ, попавши въ Томскъ, угмонился и захотѣлъ, наконецъ, подумать о своей личной жизни, объ устройствѣ своего гнѣзда. Заживши онъ здѣсь, онъ, несомнѣнно, при его умѣ, широкое образованіи и необычайной энергіи, оставилъ бы въ жизни захолустнаго въ то время Томска крупный слѣдъ своего пребыванія. Бакунинъ былъ чрезвычайно наблюдателенъ и пророзливъ; онъ наприм., Потанину высказалъ свое замѣчаніе о сибирякахъ, что это—индивидуалисты; замѣчаніе весьма мѣткое. При болѣе продолжительномъ знакомствѣ съ Сибирью, сколько бы онъ сдѣлалъ еще наблюденій, цѣнныхъ выводовъ и мѣкихъ замѣчаній. Но случилось иначе. Пребываніе Бакунина въ Томскѣ носитъ характеръ лишь эпизода изъ его личной жизни, безъ особенно замѣтнаго значенія въ общественномъ смыслѣ.

Домъ, который приобрѣлъ Бакунинъ, находился на Воскресенской горѣ, по Ефремовской улицѣ, на лѣвой рукѣ, если идти отъ костела, вслѣдъ за домомъ Охачинскихъ. Деревянный, одноэтажный, длинный, низкій, онъ какъ бы вросъ въ землю со своими низко спущенными большими окнами. Раздѣленный внутри на нѣсколько небольшихъ комнатъ, онъ, кажется, никогда не освѣщался солнцемъ и потому въ его низкихъ комнатахъ стоялъ постоянный полумракъ. Это же было причиной долго непрорыхавшей грязи на этой сторонѣ совершенно неустроенной улицы. Тѣмъ не менѣе хозяинъ очень хлопоталъ о томъ, какъ бы получше ухитить свой уголокъ. Противоположная улицѣ сторона усадьбы кончалась высокимъ и крутымъ обрывомъ Воскресенской горы. Этотъ крутой

склонъ усадьбы Бакунина рѣшилъ одѣть и украсить и пригласилъ для этого садовника, который устроилъ ему въ верхней части цвѣтникъ, дорожки, а нижнюю часть засадилъ деревьями. Теперь все это заброшено и находится въ первобытномъ состояніи; отъ всѣхъ трудовъ и затратъ Бакунина здѣсь не осталось и слѣда.

Въ какія руки переходилъ домъ Бакунина тотчасъ послѣ его отъѣзда изъ Томска, я не знаю; въ 80-мъ году я засталъ уже этотъ домъ во владѣніи Орловыхъ, потомъ онъ перешелъ къ Силеріусу и наконецъ, нынѣшнему владѣльцу Богаткину, который старый Бакунинскій домъ снесъ и на его мѣстѣ выстроилъ каменный, въ которомъ теперь квартируетъ, по злой прони судьбы, Губернское Жанлармское Управление. Старый же флигелекъ внутри двора существуетъ и теперь.

Новидимому, покункѣ Бакунинымъ дома предшествовало его рѣшеніе жениться и перейти на полженіе семьянина.

Въ Томскѣ жилъ въ то время два брата Квятковскихъ. Одинъ—Александръ, православный, жилъ на углу Подгорнаго пер. и Почтамтской; другой братъ, Ксаверій, католикъ, жилъ за Истокомъ, гдѣ то по дорогѣ къ Верхнему перевозу. У Ксаверія Квятковского было двѣ дочери и два сына.

По воспоминаніямъ недавно опубликованнымъ, Ксаверій Квятковскій рисуется человѣкомъ небольшого роста, коренастый, съ незначительнымъ лицомъ отставнаго лица дореформеннаго учрежденія, говорилъ онъ мало и все такое, чего никакъ не запомнишь. Жена его особыхъ симпатій также не вызывала; застывленное неудовольствіе и мѣщанская надменность лежали на ея лицѣ и пропикали все ея существо. Самъ Бакунинъ характеризовалъ стариковъ, какъ «незамысловатыхъ», но хорошихъ людей. Самой симпатичной въ семьѣ была дочь Квятковскихъ Софія, какъ по отзывамъ ее знавшихъ, такъ и самого Бакунина; онъ цѣнилъ ее за доброе сердце, умъ, за прямоту, задушевность. Старшая дочь, Антонина... но не будемъ забѣгать. Антонина Ксаверьевна вызвала въ Бакунина особыя чувства и отвѣтила на нихъ такою взаимностью, что Бакунинъ заявилъ ея родителямъ о своемъ намѣреніи жениться. Но со стороны Ксаверія Квятковского онъ встрѣтилъ самый рѣшительный отказъ. Отецъ ни какъ не могъ примириться съ мыслью о выдачѣ своей дочери замужъ за сельскаго, лишеннаго всѣхъ правъ. Случай помогъ Бакунину въ осуществленіи его желанія. Графъ Муравьевъ-Амурскій, бывший въ то время генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, проѣзжая въ тотъ годъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, остановился въ Томскѣ, чтобы повидаться со своимъ родственникомъ и землякомъ М. А. Бакунинымъ. Узнавъ о его сердечныхъ дѣлахъ и постигшей его неудачѣ, графъ энергично вступился за интересы племянника, онъ отправился самъ къ Ксаверію Квятковскому съ визитомъ и нарисовалъ ему картину скорого возвращенія правъ Бакунину и открывавшейся ему вслѣдъ за тѣмъ блестящей будущности. Упорство Квятковского было сломлено и онъ далъ согласіе на бракъ. Такъ какъ гр. Муравьевъ выразилъ желаніе быть посаженнымъ отцомъ и присутствовать на свадьбѣ, то къ этому торжеству тотчасъ же начались приготовления. Въ качествѣ посаженной матери Бакунинъ пригласилъ старушку Бардакову, такъ тепло его принявшую по пріѣздѣ въ Томскъ. Какая поразительная картина, какая необыкновенная группа, возможная только на сибирской почвѣ! Образованнѣйшій человекъ, извѣстный всей Европѣ «агностъ разрушенія», Бакунинъ, блестящій графъ, представитель громкаго, стариннаго дворянскаго рода Муравьевъ и Томская мѣщанка Бардакова!...

Свадьба была отпразднована на славу. Балъ происходилъ въ домѣ Бакунина. Залитый свѣтомъ огней внутри и обставленный плочками на улицѣ вдоль тротуара, домъ привлекеъ вниманіе толпы, также принимавшей участіе въ торжествѣ. Внимательно слѣдя за всѣмъ происходящимъ въ освѣщенномъ домѣ, за оживленно двигавшимися фигурами, толпа время отъ времени оглашала улицу дружными криками «ура». Можно представить себѣ, какъ импонировала окружающимъ, даже съ чисто внѣшней стороны, монументальная фигура статнаго, красиваго и энергичнаго Бакунина.

Мѣстныхъ преданій объ этой недолгой жизни Бакунинныхъ въ Томскѣ не сохранилось, да они едва ли и могли быть, такъ какъ въ общественной жизни города Бакунины не принимали никакого участія. Но они не жили замкнутой жизнью, ихъ домъ всегда былъ открытъ для избранныхъ. Г. Н. Потанинъ, заѣхавшій въ 1858 г. въ Томскъ, рассказываетъ, что онъ часто бывалъ у Бакунинныхъ, обѣдалъ у нихъ и за общимъ столомъ встрѣчалъ всегда кого либо изъ этихъ избранныхъ. Особенно частымъ посѣтителемъ былъ Ананьинъ, котораго Бакунинъ, любившій давать клочки, звалъ «Шехеразадой» за его неистощимый запасъ анекдотовъ и остроумныхъ разсказовъ. Между прочимъ, этотъ Ананьинъ первый сообщилъ въ печати о лицѣ въ Кузнецкомъ уѣздѣ, единственномъ въ Сибири мѣстѣ, гдѣ этой породой былъ занятъ обширный участокъ.

Интересно отмѣтить роль Бакунина въ жизни Г. Н. Потанина. У Потанина былъ родственникъ, нѣмецъ Гильзенъ фонъ Мершейдъ, занимавшійся дѣлами по золотопромышленности и жившій въ тайгѣ. Когда Г. Н. Потанинъ пріѣхалъ къ нему въ 1858 г. изъ Омска погостить и въ тоже время попросить его о матеріальной поддержкѣ для задуманной имъ поѣздки въ Петербургъ, съ цѣлью поступленія въ Университетъ, Гильзенъ, дѣла котораго въ то время сильно пошатнулось, далъ ему письмо къ своему знакомому М. А. Бакунину. Бакунинъ принялъ молодого сибиряка ласково, вслѣдствіе поощрялъ его намѣреніе ѣхать въ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе въ снаряженіи бѣдняка, который рѣшился было пѣшкомъ отправиться въ Петербургъ, въ азиатѣ и лаптяхъ. У Ив. Д. Асташева Бакунинъ добылъ для Потанина 100 руб., а черезъ Ананьина выхлопоталъ ему у Начальника Алтайскаго Горнаго Округа Фрезе разрѣшеніе доѣхать до Петербурга съ караваномъ золота. Напутствуя Г. Н. Потанина передъ отбѣздомъ, Бакунинъ далъ ему большое письмо къ своему Московскому пріятелю М. Н. Каткову. По разсказамъ Г. Н.—ча, Катковъ былъ чрезвычайно обрадованъ письмомъ и вѣстью о Бакунинѣ; онъ пригласилъ Г. Н.—ча обѣдать и созвалъ своихъ друзей, которые одновременно съ Бакуниннымъ и Катковымъ слушали лекціи въ Берлинѣ; Катковъ имъ говорилъ, что Мишель остался все тѣмъ же, крѣпкимъ духомъ, человекомъ. «А что, у него все такая же грива», интересовался Катковъ разными подробностями.— Нѣтъ, у него теперь лысна до половины головы, огорчалъ своимъ сообщеніемъ собесѣдниковъ Потанинъ.

Въ мартѣ 1859 г. Бакунинъ, благодаря вмѣшательству Муравьева, былъ переведенъ въ Иркутскъ, гдѣ поступилъ на службу въ Амурскую компанію, а потомъ въ золотопромышленное предпріятіе и жилъ надеждой на скорое освобожденіе и возвратъ въ Россію. Но когда въ 1861 г. выяснилось, что гр. Муравьевъ долженъ оставить свой постъ и уѣхать изъ Сибири, Бакунинъ увидѣлъ, что свободы ему не дожидаться и рѣшился на побѣгъ. Въ качествѣ представителя фирмы Сабашниковыхъ, онъ получилъ разрѣшеніе на поѣздки по торговымъ дѣламъ и для изученія края и, воспользовавшись этимъ, на суднѣ добрался до порта Де-Кастри, а оттуда въ Токогаму, Санъ-Франциско и Нью-Йоркъ и затѣмъ въ Лондонъ, къ Герцену.

Перебывая съ мѣста на мѣсто по Западной Европѣ, онъ сталъ развивать прежнюю кипучую дѣятельность и затѣмъ долго жилъ въ Италіи и въ Швейцаріи, гдѣ 1-го іюля 1876 г. и скончался (въ Бернѣ).

Женитьба Бакунина не дала ему личнаго счастья—онъ остался по прежнему одинокимъ. Одна изъ его почитательницъ замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Психологія его брака, его интимныхъ отношеній къ женѣ останутся навсегда загадочными. Въ этомъ было, несомнѣнно, нѣчто патологическое». Въ самомъ дѣлѣ, что могло связывать 44-хъ лѣтняго некалѣбченнаго крѣпостью Бакунина съ молодой дѣвушкой; философа и революціонера съ квиничимъ темпераментомъ съ барышней Томскаго захолустья, ни мало не проникавшейся умственными интересами? Полагають, что врожденная чуткость Антонины къ внѣшней красотѣ всякаго положенія, ея любовь къ красивой роли объясняютъ, почему она вышла замужъ, почему она жила съ Бакунинымъ перазлучно, переносила нужду, лишенія и непосильную работу. Ни въ умственной жизни, ни въ дѣятельности Бакунина не было ничего общаго съ женой и тѣмъ не менѣе онъ любилъ свою Антосю, сообразовалъ даже свои поступки съ ея желаніями и весьма толерантно относился къ тому, что въ ихъ виллѣ была отдѣльная комната «del'amico della Vasupina» и страстно любилъ дѣтей Антоси и баловалъ ихъ.

Не могу не отмѣтить одного маленькаго эпизода. Послѣ выхода замужъ Антонины и младшая сестра ея Софья скоро вышла замужъ за какого то Красноярскаго прокурора. Въ противоположность сестрѣ, она жила умственными интересами, слѣдила за движеніемъ въ Европѣ, питала большую дружбу къ Бакунину и увлекалась и восхищалась Гарибальди.

Когда Бакунины пріѣхали въ Италію, Антонина Кеверьевна, познакомившись съ Гарибальди, сказала ему, что, въ лицѣ ея сестры, онъ имѣетъ и въ далекой Сибири большую почитательницу. Гарибальди былъ очень обрадованъ, досталъ свой портретъ и сдѣлавъ на немъ надпись, просилъ переслать по принадлежности. Софья Кеверьевна, получивъ такой драгоценный знакъ вниманія большаго человѣка, показывала карточку своимъ знакомымъ въ Красноярскѣ.

Г. С. Батеньковъ.

Г. С. Батеньковъ—декабристъ, прожившій въ Томскѣ болѣе десяти лѣтъ въ ссылки.

На этой фигурѣ мнѣ хотѣлось бы остановиться нѣсколько дольше, слишкомъ интересна она для Сибири вообще, а для Томска въ частности. Попутно хотѣлось бы внести въ существующую о Батеньковѣ литературу поправки и дополненія.

Долгая жизнь этого умнаго, образованнаго и кипѣвшаго дѣятельностью человѣка способна приковать къ себѣ вниманіе, возбудить любознательность, а между тѣмъ для удовлетворенія послѣдней оставленное Батеньковымъ литературное наслѣдство ничтожно.*) Писать онъ вообще не любилъ, а отъ раз-

*) Записки Г. С. Батенькова. Данныя. Повѣсть собственной жизни. „Русс. Архивъ“, 1881, т. 2, стр. 251—276.

— Массонскія воспоминанія Батенькова—въ статьѣ А. Н. Пыпина „Матеріалы для исторіи масонства въ Россіи“, „Вѣстн. Европы“, 1872, кн. 7.

— „Одичалый“, стихотвор., написанное во время заключенія въ Свартгольмѣ.

— Нѣсколько статей о Сибири въ „Сынѣ Отечества“, 20-хъ годовъ.

— Нѣсколько писемъ къ А. Н. Бесужеву и барону В. И. Штейнгейлю изъ Томска и къ О. Н. Муратову изъ Калуги и др. лицамъ.

сказовъ о своей богатой опытности и превратностями жизни, всегда уклонялся. То немногое, что пмѣ написано, не предназначалось для печати; его «Повѣсть собственной жизни» составлена по настоятельной просьбѣ Елагина, сына закадычнаго друга Батенькова, а «Масонскія воспоминанія» опять таки составлены по настоянню проф. Ешевскаго, съ которымъ Батеньковъ встрѣчался въ Казани, по окончаніи сибирской ссылки, и составлялъ эти замѣтки для Ешевскаго, какъ матеріалъ по интересовавшему того вопросу. Ничего другого, принадлежащаго перу Батенькова, въ литературѣ нѣтъ.

Да и самая автобіографія такъ составлена, что меньше всего говоритъ о ея авторѣ, а главное не касается самаго интереснаго и большого періода его жизни—событій предшествовавшихъ и сопровождавшихъ 14 декабря 1825 г., періода заключенія и ссылки. Онъ говоритъ лишь о годахъ ранняго дѣтства и юности. Но за то друзьями и др. лицами Батенькову и рассказамъ о немъ посвящено не мало статей.*)

Изъ всего этого матеріала прежде всего выяняется неправильное написание его фамиліи и неопредѣленность мѣста его рожденія.

Вездѣ фамилія пишется «Батеньковъ» и лишь кое у кого прибавляется къ этому «или Батеньковъ». Вопросъ этотъ разрѣшается факсимиле подписи Батенькова, воспроизведенной въ сочиненіи В. Вагина «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири, съ 1819 по 1821 г.», въ приложеніи ко второму тому, гдѣ стоитъ вполне отчетливо «Инженеръ-капитанъ Батеньковъ».

Мѣстомъ рожденія Батенькова обычно указывается г. Томскъ, а въ нѣкоторыхъ рассказахъ—«Томскъ или Тобольскъ» (наприм., въ словарь Венгерова, въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза). Произошло это вслѣдствіе не любви Батенькова останавливаться на своей личности. А между тѣмъ и этотъ вопросъ разрѣшается положительно на основаніи его собственной автобіографіи. Для меня, какъ тобоюяка, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разныя указанія мѣсяцестей и частей города, котораго самъ Батеньковъ не называетъ, относятся Тобольскъ. Напримѣръ, описывая раннее дѣтство и первыя впечатлѣнія

* Г. С. Батеньковъ. Некрологи въ газетахъ „День“, 1863, № 45, въ „С.-Петербург. Вѣдом.“, 1863, № 252 и журн. „Библиотека для чтенія“, 1863, № 10.

Эразмъ Ив. Стоговъ. Очерки, рассказы и воспоминанія. „Русс. Старина“, 1878, № 6, 8 и 11 и 1879, № 24.

— „О запискахъ Г. С. Батенькова“. „Русс. Архивъ“, 1881, т. 2, стр. 505.

— Рассказы о Г. С. Батеньковѣ. „Русс. Архивъ“, 1881, т. 3, кн. 2, стр. 436—441.

А. Лучшевъ. Еще нѣсколько словъ о Г. С. Батеньковѣ. „Сибирь“, 1883, № 5.

Д. Бутковскій. Рассказы изъ сибирской старины. (Глава IV въ нихъ „О декабристѣ Батеньковѣ“). „Колосъ“, 1884, № 12.

А. Л. Лучшевъ. Декабристъ Г. С. Батеньковъ. „Русс. Архивъ“, 1886, № 6, стр. 269—280.

А. Лучшевъ. Декабристъ Г. С. Батеньковъ. „Спб. Вѣстн.“, 1886, № 25.

А. И. Янъ. Г. С. Батеньковъ. Къ матеріаламъ для его біографіи. „Русс. Старина“, 1887, № 6.

Статья К. М. С. В.—Г. С. Батеньковъ. „Русс. Старина“, 1887, № 10.

Д. С. Сибирскія воспоминанія. „Вост. Обзоръ“, 1887, № 26.

Г. С. Батеньковъ. Историко-біографическій очеркъ. „Русс. Стар.“, 1889, № 8, стр. 301—362 (самая подробная статья).

— Декабристъ Г. С. Батеньковъ. „Критико біографическій словарь русскихъ писателей“. А. С. Венгерова, вып. 26, стр. 224—227.

— Батеньковъ. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. Кіевъ. 1906 г.—глава „Изъ бумагъ Батенькова“, стр. 137—216.

ребенка, выведенного из дому прогуляться впервые по городу, онъ пишетъ: «Никоноцы, дошли мы до дальняго пункта, до горы, которая окаймлена была большими каменными зданіями. Подъемъ на гору сдѣланъ былъ въ ущельи, одѣтомъ каменными стѣнами; проходя его, я оглядывался на ту часть города, которая съ каждымъ шагомъ понижалась и разстиралась по равнинѣ». Очевидно, рѣчи идетъ о такъ называемомъ «Прямскомъ взвозѣ» для пѣшеходовъ, между громадными каменными стѣнами, сложенными плѣнными шведами. На краю горы расположенъ рядъ каменныхъ зданій—архива, архіерейскаго дома, собора и др.—Затѣмъ Батеньковъ говоритъ о тысяче-пудовомъ колоколѣ, обь «образѣ Спаса непомѣрной величины», о «высокомъ Николѣ рѣзномъ», о «знаменитой обители» въ 25 верстахъ, о «громадной, глубокой рѣкѣ, горде огибающей круговыя дуги, то вогнутыя, то выгнутыя», вспоминаетъ Сейфулина, «страстнаго охотника къ преподаванію своего родногo языка» и т. п. Всѣ эти мелочи относятся къ Тобольску. Кажется, и до сихъ поръ ни въ одной изъ сибирскихъ церквей нѣтъ, кромѣ Тобольска, колокола въ 1000 пуд. вѣсомъ. Точно также нигдѣ я не видалъ кромѣ Тобольскаго собора образа Спаса, площадью почти въ квадратную сажень, носимаго на особомъ приспособленіи во время крестнаго хода. Батеньковъ рассказываетъ, что его «повели слушать первый звонъ огромнаго колокола и когда ударили въ него, онъ совершенно оглушилъ меня и навсегда разстроилъ мой слухъ. Бѣда тѣмъ не кончилась. Когда подвели меня къ Спасу, онъ показался мнѣ такимъ страшнымъ, что я лишился чувствъ отъ испуга и изъ церкви вынесли меня на рукахъ. Это сдѣлало меня черезъ мѣру робкимъ и пугливымъ». — «Знаменитая обитель» въ 25 верстахъ отъ города, это, конечно, Абалакскій монастырь со знаменитой иконой Абалакской Божьей Матери. «Громадная, глубокая рѣка», разумѣется, Иртышъ, омывающій подшвы горы, описываемыхъ Батеньковымъ, и достигающій у Тобольска ширины около версты. Сейфулинъ, это опять такъ хорошо знакомая всѣмъ тоболякамъ фамилія учителя татарскаго языка въ Главномъ Народномъ Училищѣ. Онъ такъ былъ преданъ своему дѣлу, такую любовь сумѣлъ внушить своимъ ученикамъ къ предмету, что многіе изъ нихъ уѣзжали во время каникулъ въ юрты къ татарамъ практиковаться въ разговорномъ языкѣ. Приѣхавъ въ Тобольскъ и поступивъ въ гимназію, я еще встрѣчалъ у своихъ родственниковъ и сверстниковъ тетрадки съ татарскими словами и упражненіями и всегда съ фамиліей Сейфулина.

Итакъ, Гавриилъ Степановичъ Батеньковъ уроженецъ Тобольска, гдѣ онъ провелъ свои дѣтскіе годы и годы ученья въ Народномъ Училищѣ и Военно-Сиротскомъ отдѣленіи.

Родился онъ 25 марта 1793 года отъ 60-лѣтняго старика отца отставнаго оберъ-офицера. Это былъ послѣдній его ребенокъ, по счету 20-й. Родился онъ «почти мертвымъ» (рассказываютъ, что только въ гробикѣ обнаружилъ признаки жизни) и въ раннемъ дѣтствѣ отличался чрезвычайно нервной, хрупкой организаціей. Онъ былъ близорукъ, хоть до старости обходился безъ очковъ; обладалъ слабымъ голосомъ; звукъ большого колокола навсегда разстроилъ его слухъ; былъ пугливъ, робокъ и жалостливъ; «когда нечаянно на глаза мои, я рѣшительно сталъ бояться желѣза, и одинъ видъ въблизи острожныхъ башенъ ввергалъ меня въ безпамятство». Онъ «мучительно скорбѣлъ, видя птичекъ въ клеткахъ и рѣшительно не могъ выносить зрѣлища кухонныхъ операций съ самаго того часа, когда еще въ первомъ младенствѣ увидѣлъ шѣтуха, которому отрѣзали голову, и онъ окровавленный сдѣлалъ нѣсколько круговъ по двору, пока упалъ. Поэтому я ничего не могу ѣсть, что

было живъ и чувствую спазмы даже и тогда, когда посуда служила прежде для мясной или рыбной пищи». И онъ, дѣйствительно, всю жизнь питался только овощами, молочными продуктами и т. п.

«Я не учился грамотѣ, ни читать, ни писать. Приступилъ къ наукѣ съ арифметики и татарской грамматики». Выучился читать и писать самъ, «вдругъ», какъ онъ пишетъ.

Страшно впечатлительный, религиозный, вдумчивый и любознательный, онъ непрестанно занимался самообразованиемъ и эти качества, вмѣстѣ съ выдающимся трудолюбиемъ и строгой честностью, остались характерными чертами его жизни до самаго конца. Впослѣдствіи здоровье его окрѣпло и закалилось такъ, что онъ выдержалъ самыя тяжкія испытанія.

Вывезенный изъ Тобольска въ Петербургъ, Батеньковъ былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, изъ котораго въ 1812 г. выпущенъ прапорщикомъ въ артиллерійскую бригаду. Съ 1813 г. до конца 1815 г. онъ провелъ въ походахъ и бояхъ во время отечественной войны, большею частью въ предѣлахъ Франціи, заявивъ себя отменно храбрымъ офицеромъ, неоднократно раненымъ. Батеньковъ три раза былъ въ рукахъ у смерти. Въ сраженіи при Монмралѣ онъ получилъ десять штыковыхъ ранъ и когда французскіе солдаты убрали трупы на полѣ сраженія, то, замѣтивъ, что Батеньковъ живъ, доложили своему офицеру. «Кто такой», спросилъ тотъ солдата. «Офицеръ», отвѣтили ему. «Massacrer» (т. е. изрубить)—приказалъ офицеръ. Неизвѣстно, почему это приказаніе осталось неисполненнымъ. Батеньковъ былъ отвезенъ въ госпиталь, гдѣ поправился и снова участвовалъ въ дѣлѣ. Состоя на военной службѣ, Батеньковъ былъ уже членомъ масонскаго общества и состоялъ въ Петербургской ложѣ «Избраннаго Михаила».*)

Вращаясь въ кругу масоновъ и военной молодежи и хорошо познакомившись съ порядками и строемъ жизни западно-европейскихъ государствъ, Батеньковъ, при его умѣ и пылкомъ воображеніи, былъ охваченъ волною этихъ вліяній.

Въ 1816 г. онъ оставилъ военную службу и поступилъ во вновь учрежденное вѣдомство инженерсовъ путей сообщенія. Его прямота и честность явились помѣхой для нѣкоторыхъ лицъ и Батенькова, какъ «безпокойнаго человѣка», назначили на службу въ Сибирь управляющимъ вновь открываемымъ X округомъ путей сообщенія, съ резиденціей въ Томскѣ. — Объ этомъ періодѣ жизни Батенькова свѣдѣнія отличаются большою скудостью. Извѣстно только, что прямого дѣла по службѣ у него было очень мало и онъ занялся устройствомъ масонской логи, въ которой былъ секретаремъ. Но репутацію «безпокойнаго человѣка» онъ сумѣлъ и здѣсь оправдать. Проектировалась постройка моста черезъ Ушайку у Магистратской улицы. Томскій Губернаторъ представилъ вышему начальству смѣту на это сооруженіе. Молодой инженерный капитанъ Батеньковъ отнесся къ этой смѣтѣ критически и вызвался построить мостъ за половину цѣны противъ губернаторской смѣты, что потомъ и выполнилъ, кажется, въ 1818 г. Мостъ этотъ у насъ носитъ названіе «Думскаго», такъ какъ находится у зданія Мѣщанскаго Общества, гдѣ помѣщалась прежде Городская Управа и проходили засѣданія Думы. Теперь названіе это стало анахронизмомъ и потому было бы цѣлесообразнымъ присвоить ему названіе «Моста Батенькова», въ честь его строителя.

*) А. Н. Пыпинъ въ упомянутой выше статьѣ предполагаетъ, что Батеньковъ былъ членомъ какой либо логи еще до 1814 г., до вступленія въ ложу «Избраннаго Михаила».

Не прошло бы для него безнаказанным это вмешательство, если бы не приезд в Сибирь на ревизию М. М. Сперанского. Вопиющія злоупотребленія сибирских властей и отсутствіе образованных и честныхъ людей на мѣстѣ дѣлали задачу Сперанскаго особенно трудной. — Получивъ отъ Батенькова записку о путяхъ сообщенія, новый генералъ-губернаторъ оцѣнилъ его дарованія и пригласилъ къ себѣ на службу. Принадлежность Сперанскаго и Батенькова къ масонскому союзу и рекомендація мастера Томской ложи генералъ-майора Трейблмута помогли ихъ сближенію настолько, что Батеньковъ сталъ для Сперанскаго незамѣнимымъ человѣкомъ, ѣздилъ съ нимъ по Сибири и жилъ въ Иркутскѣ: зная край и располагая большими въ немъ связями, онъ собиралъ, по порученію Сперанскаго, матеріалъ и составлялъ записки: о сухопутныхъ сообщеніяхъ, объ учрежденіи этаповъ, о ссыльныхъ, объ инородцахъ, о сибирскихъ казакахъ, о занятіи киргизской степи Средней орды, о приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири (записка эта послужила впоследствии основой для производства съемокъ). Кромѣ того, Батеньковъ работалъ по изысканію пути около Байкала, дороги къ восточному океану, надъ учрежденіемъ первой въ Сибири ланкастерской школы, для которой составилъ и учебники. Всѣ эти матеріалы, при обработкѣ ихъ въ Тобольскѣ, во второй половинѣ 1820 г., легли въ основу «Сибирскаго Учрежденія». Возвратившись въ Петербургъ, Сперанскій увезъ съ собой и Батенькова, и поселилъ его у себя въ домѣ, ежедневно съ нимъ видаясь и обѣдая, какъ со своимъ близкимъ человѣкомъ. По учрежденіи здѣсь Сибирскаго Комитета для окончательной обработки «Учрежденія», Батенькова назначили дѣлопроизводителемъ Комитета, предсѣдателемъ котораго былъ Аракчеевъ. Последний такъ облюбовалъ Батенькова, что предложилъ ему, въ концѣ 1822 г., должность члена совѣта военныхъ поселеній и редактора его постановленій, съ окладомъ въ 10 тысячъ руб. ассигнаціями. Въ 1825 г., когда Аракчеевъ заболѣлъ и началось его душевное расстройство, а завистливый начальникъ штаба военныхъ поселеній Клейнмихель проявилъ свое недоброжелательство, Батеньковъ ушелъ въ отставку.

Живя въ Петербургѣ, онъ сблизился съ членами тайнаго общества Ал. Бестужевымъ и Рылѣвымъ и раздѣлялъ ихъ мысль о неудовлетворительности существующаго порядка и необходимости введенія въ Россію конституціи. Многие изъ членовъ тайнаго общества такъ высоко цѣнили Батенькова, что хотѣли избрать его членомъ предполагавшагося временнаго правленія или такъ называемой «Верховной Думы», если бы Сперанскій не согласился принять эту должность. Батеньковъ же составилъ и планъ учрежденія конституціонной монархіи и будущаго образованія государства.

Совершилось событіе 14 декабря 1825 г. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Батеньковъ былъ арестованъ. Приговоромъ верховнаго уголовного суда онъ занесенъ былъ въ 3-й разрядъ (вмѣстѣ съ барономъ Штейнгелемъ) государств. преступниковъ, обвиняемыхъ въ томъ, что «знали объ умыслѣ на царубійство, соглашались на умыселъ бунта и приготовляячъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами». Вѣчная каторга для 3-го разряда была замѣнена 20-лѣтней, но Батеньковъ, какъ сибирякъ, былъ сначала отвезенъ въ фортъ Свартгольмъ на Аландскихъ островахъ, гдѣ просидѣлъ полгода, а потомъ перемѣщенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, пробывъ въ Ядникъ въ 10 шаговъ длиной и 6 ширинной сталъ его жилищемъ. Всякое общеніе съ людьми было прервано. Время для него остановилось и онъ утратилъ представление о смѣнѣ дня и ночи, дней недѣль, мѣсяцевъ и лѣтъ, такъ что «множочномъ заключеніи около 20-ти лѣтъ, до 1846 г.

въ организмѣ его выработались свои привычки, иной порядокъ дня и ночи. Эти привычки онъ сохранилъ и послѣ выхода на волю, во время ссылки въ Томскъ. Рассказываютъ, что днемъ онъ ложился спать, а ночью отправлялся гулять, пищу принималъ также въ необычное для другихъ время и т. д.

Для живого, воспримчиваго, привыкшаго къ напряженной умственной дѣятельности Батенькова одиночное заключеніе въ рavelинѣ грозило гибелью. Владѣя древними языками—еврейскимъ, латинскимъ и греческимъ, а изъ новыхъ—французскимъ и нѣмецкимъ, онъ занялся слпченіемъ переводовъ Библии, такъ какъ ничего другого ему не давали читать; его другъ и боевой товарищъ Елагинъ доставлялъ ему библию на всѣхъ языкахъ.

По словамъ П. Л. Фуксмана, знавшаго Батенькова и его Томскую обстановку и имѣвшаго случай читать его записки, такъ удивительно погибшія, о чемъ будетъ сказано ниже, Батеньковъ, сидя въ рavelинѣ, постоянно занимался гимнастикой, выучился ходить на рукахъ. Однажды въ камерѣ появился мышенокъ. Батеньковъ ему обрадовался, сталъ его кормить и такъ приучилъ къ себѣ, что мышенокъ забирался къ нему на ладонь, а Батеньковъ съ нимъ велъ нескончаемыя бесѣды. Эта дружба съ единственнымъ живымъ существомъ продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Но всѣ эти занятія чтеніемъ, письмомъ, гимнастикой и пр. не могли замѣнить живого общенія съ людьми и умъ Батенькова сталъ мутиться.— По разсказу П. Л. Фуксмана, Батеньковъ въ концѣ своего заточенія написалъ Императору Николаю прошеніе, изъ котораго Фуксманъ помнитъ такую фразу: «Наконецъ, . . . сжался надъ бѣднымъ старикомъ, силы котораго начинаютъ слабѣть». Прошеніе было доставлено по назначенію съ докладомъ о томъ, что Батеньковъ помѣшался, что удостоверить и комендантъ крѣпости. Николай приказалъ спросить у Батенькова, въ какой изъ городовъ Сибири онъ желаетъ ѣхать на поселеніе. Батеньковъ назвалъ Томскъ.

Снабдивъ Батенькова волчьей, крытой сукномъ шубой и всѣмъ необходимымъ на дорогу, его отправили изъ крѣпости въ началѣ 1846 г., въ сопровожденіи жандарма, при бумагѣ Губернатору, въ которой было написано: «По высочайшему повелѣнію препровождается Гавриилъ Батеньковъ на жительство въ Томскъ; на обзаведеніе ему назначено 500 руб., которые онъ и получить здѣсь, вскорѣ по прибытіи».—Батеньковъ разсказывалъ, что на второй станціи отъ Петербурга онъ встрѣтилъ какую то женщину; не выдавъ въ теченіе 20 лѣтъ живого женскаго лица, онъ обрадовался ей, какъ малый ребенокъ, обнялъ ее и расцѣловалъ. «Вѣроятно, прибавлялъ Б., эта женщина приняла меня за пьянаго пана сумасшедшаго».

Въ началѣ марта 1846 г. Батеньковъ прибылъ въ Томскъ. Жандармъ, помѣстивъ его въ единственной въ то время гостинницѣ «Лондонъ», содержавшейся англичаниномъ Краулемъ, на другой день уѣхалъ въ Петербургъ. Краулей, не имѣя конкурентовъ, поставилъ новому квартиранту очень тяжелыя условія. Изъ этого положенія Батенькова выручили люди, когда то его знавшие или о немъ слышавшіе. Уже на другой день, когда разнеслась вѣсть о его приѣздѣ въ Томскъ, его помѣстили въ семьѣ Николая Лучшева, бывшаго въ то время, кажется, Исправникомъ. По словамъ Алекс. Лучшева, Батеньковъ прожилъ первые два мѣсяца въ одной съ нимъ комнатѣ, а вообще все время пребыванія своего въ Томскѣ, въ теченіе 10 съ половиной лѣтъ, жилъ въ ихъ семьѣ.

Но, странное дѣло, за такой, сравнительно, большой періодъ времени его жизни въ Томскѣ не осталось сколько нибудь значительныхъ слѣдовъ пребы-

ванія такого крупнаго человѣка, какъ Батеньковъ. Не осталось даже достаточ-но полныхъ записей о его жизни. точно онъ старался вычеркнуть себя изъ нея.

Батеньковъ не сразу вошелъ въ мѣстное общество, которое его не понима-ло, считая даже помѣшаннымъ. И не мудрено. Въ обществѣ появился чело-вѣкъ, у котораго было, въ буквальный смыслъ слова, вычеркнуто 20 лѣтъ предшествующей жизни. Онъ говорилъ исключительно о высокихъ, нравствен-но-религіозныхъ и философскихъ предметахъ, пересылая свою рѣчь научными терминами и латинскими фразами. О политикѣ же и общественныхъ дѣлахъ говорилъ неохотно, а о событіяхъ 1825 г. и своемъ заточеніи совершенно избѣгалъ разговоръ. Впослѣдствіи отношенія эти сгладились, установилось взаимное пониманіе и Батеньковъ пользовался общимъ уваженіемъ за свой умъ, высокую нравственность, простоту и доброту. Губернаторы Аносовъ и Бекманъ, съ которыми Б. былъ особенно друженъ, архіерей, крупные капита-листы, какъ Асташевъ, Гороховъ, Поповы и мн. др., принимали Батенькова радушно, и сами бывая у него запросто.

Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и чувствуя себя обязаннымъ за го-степрѣимство Лучшевымъ, онъ велъ до крайности скромную жизнь, училъ гра-мотѣ дѣтей Лучшевыхъ, помогалъ имъ въ домашнихъ постройкахъ и въ веденіи сельскаго хозяйства на дачѣ въ «Соломенномъ», гдѣ проводилъ боль-шую часть лѣта. Вставалъ онъ рано и не смотря ни на какую погоду шелъ купаться на Томь, что продолжалось до морозовъ; почти весь день проводилъ на ногахъ, спалъ мало. По праздникамъ, а иногда и по буднямъ ходилъ въ церковь, послѣ чего шелъ къ знакомымъ. Любилъ читать газеты, особенно французскія, выписывавшіяся Асташевымъ, и дѣлалъ изъ нихъ извлеченія.

Попавъ въ общество, Батеньковъ любилъ заводить горячіе споры, особенно съ дамами. Приведу одно характерное на этотъ счетъ мѣсто изъ его письма къ Ник. Алекс. Вестужеву, декабристу и писателю, отъ 17 марта 1855 г.: «Самъ я здѣсь типически одинъ. Дня два-три въ недѣлю живу совершеннымъ аске-томъ, на дачѣ, версты за четыре; остальные дни въ городѣ, семьяниномъ, и всегда съ людьми, между которыми примѣтно составляю какую то притчу во языцѣхъ. Дряхлѣть еще не начиналъ, и потому увиваюсь около женщинъ. Я и въ самомъ дѣлѣ ихъ люблю, даже единично кое-кого; но honny soit qui mal у pense!—все это въ качествѣ дѣда». И. Л. Фуксманъ говорилъ мнѣ, что дѣ-вицы Засухины, Кобылны, Сосулины были воспитанницами Батенькова, по-стоянно у него бывали и находились подъ его вліяніемъ.

Столъ его отличался большой умѣренностью и состоялъ изъ яичницы, пк-ры, зелени, плодовъ и ягодъ; водки онъ не пилъ вовсе, изрѣдка употребляя ви-ноградное вино. Въ одномъ письмѣ къ своему другу «и брату», барону Вас. Ив. Штейнгию Батеньковъ по этому поводу пишетъ: «...Я даже не кормлю себя; мяса и рыбы не ѣмъ слишкомъ 30 лѣтъ и хотя дома непрерывно столъ на 5, на 6 человѣкъ, но я обѣдаю всегда въ гостяхъ, а ужинать не привыкъ».

Своихъ большихъ знаній и опыта, какъ инженера и строителя, Батеньковъ почти не примѣнялъ за этотъ періодъ жизни въ Томскѣ. Единственной боль-шой работой его такого рода остается «Степановка», гдѣ всѣ первыя построй-ки, какъ церковь, дача Сосулина и всѣ другія его постройки возведены по пла-ну Батенькова и подъ его руководствомъ. Сосулинъ, очевидно, удовлетворен-ный работой Батенькова, подарилъ ему участокъ земли въ 55 десятинъ, ря-домъ со Степановкой, который принадлежит теперь П. Л. Фуксману. Сюда то Лучшевы и перенесли свой старый домъ изъ Томска и при дѣятельномъ сотруд-ничествѣ Батенькова завели небольшое хозяйство—куръ, огородъ, са-дище, цвѣтникъ и пр. Эту дачу Батеньковъ называлъ «Соломеннымъ Хуторомъ»

и любилъ въ уединеніи проводить здѣсь время. «Я гощу теперь у себя, пишетъ онъ Штейнгелю 24 мая 1856 г., съ недѣлю еще не загляну въ городъ. Эта мѣна уединенія и общечитія стала для меня порядкомъ; но если нужно будетъ его измѣнить, то уже, конечно, въ пользу уединенія».

Старый холостякъ, безсребреникъ, до послѣдней степени скромный въ своихъ привычкахъ, онъ все, что имѣлъ, отдавалъ Лучшевымъ, считая себя членомъ этой семьи. Въ письмѣ къ тому же другу 16 мая 1856 г. онъ пишетъ: «Я бы продалъ что нибудъ, еслибъ имѣлъ хоть нитку не общую и не строго потребную для обыденнаго употребленія. А знаешь ли ты, что я во всю жизнь мою ничего не продавалъ? Въ старой Греціи это сдѣлало бы меня основателемъ школы. Все купленное и не вошедшее въ употребленіе, или вышедшее изъ него — я раздаю; вообще покупаю не для себя, а въ общину. Такъ и мысль стоитъ: завожу, чего домъ и семья требуютъ. Сапоги ношу дотолѣ, пока всѣ мастеровые откажутся ихъ починивать; новые часто переходятъ къ другимъ, не бывши и надеваны. Не люблю обновъ, особливо на головѣ и на ногахъ. Прочаго платья много; нѣтъ только шинели и болно состарѣлась шубы. Вѣлье — моя главная роскошь. А домъ требуетъ сажень 150 дровъ, коненъ тысячу сѣна, пудовъ 700 овса и проч. по соразмѣрности; да одной услуги 10 человекъ на жалованьи и содержаніи; хотя насъ и двое, но въ прошломъ году была моя главная часть. Худо и понимаю, какъ Богъ помогалъ доселѣ»... Ясно, что это меньше всего было нужно Батенькову и благодѣтелемъ являлся онъ для Лучшевыхъ, а не наоборотъ.

На мѣсто вывезеннаго изъ Томска на Соломенный дома Лучшевы построили, какъ пишетъ А. Лучшевъ, три флигеля, на угловомъ мѣстѣ противъ стараго собора, которое теперь принадлежитъ П. И. Макушину, сломавшему старыя Лучшевскія постройки. Собственно здѣсь стояли не «три флигеля», а двухэтажный домъ на углу и два маленькихъ флигелька по три комнаты, одинъ изъ которыхъ стоялъ по Протопоновскому переулку, а другой — въ глубинѣ двора. Возможно, что этотъ флигелькъ и былъ жилищемъ Батенькова. П. И. Макушинъ подарилъ его Обществу сод. физич. развитію, перенесшему его на свой катокъ. Можно не сомнѣваться въ томъ, что планъ этихъ зданій составлялъ и постройкой руководилъ Батеньковъ.

Жизнь въ Томскѣ не удовлетворяла Батенькова, несмотря на общую къ нему любовь и уваженіе окружавшихъ его людей, — онъ стоялъ цѣлой головой выше ихъ всѣхъ; его умственные и нравственные интересы были имъ чужды.

Съ переменной царствованія, въ немъ просыпается надежда на свободу, мечта о которой сквозитъ чуть не въ каждомъ письмѣ его къ друзьямъ. 4 іюля 1856 г. онъ пишетъ Штейнгелю: «Что бы ни было, я употреблю все старанія отсюда выѣхать, по крайней мѣрѣ на Пртышь или Тоболь. Тяжко жить здѣсь, хотя болышинство и не отказывается въ доброй пріязни. Меня ужасно тяготитъ отдаленіе; кажется, живу на самомъ краю свѣта, а если еще воображу Иркутскъ, то кровь леденѣетъ. И за 10 верстъ нестерпимо подвинуться на востокъ»... А въ письмѣ отъ 27 іюля къ нему же пишетъ: «Востокъ былъ мнѣ ласковъ и тепелъ, но я все въ немъ исчерпалъ, что только было моего. Неотразимо хочется приблизиться къ другой стпхи. Между прочимъ, мнѣ сильно здѣсь надобла жадность къ деньгамъ простаго народа, оставляющаго всякое дѣло въ сторонѣ и погубившаго въ себѣ все нравственныя начала... Орелъ, блиставшій нѣкогда надъ сибирскимъ Сентъ-Франциско, освѣтилъ только широкій путь къ разврату и, не создавъ свѣтила, рѣзко раздѣлялъ между свѣтомъ и тьмою. Мнѣ покой нуженъ. Не разбросавъ денегъ здѣсь нельзя ничего

дѣлать. Общимъ правиломъ стало: захватить ихъ впередъ и придумать, какъ избавиться отъ обязанности»...

Въ августѣ 1856 г., по случаю коронаціи Александра II, декабристы получили разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири, хотя и съ большими ограниченіями. 4 октября Батеньковъ покинулъ Томскъ, направляясь въ село Петрищеву Тульской губ., къ семьѣ своего умершаго друга Елагина, куда и прибылъ 19 ноября, останавливаясь въ Тобольскѣ, Казани и Москвѣ.

Тяготаясь жить на счетъ хотя бы и близкихъ ему людей, Батеньковъ сталъ хлопотать о возвращеніи отобраннаго у него въ 1825 г. имущества, цѣнность котораго, съ наросшими процентами, опредѣлялась слишкомъ въ 20 тысячъ р. Хлопоты эти уладись, онъ получилъ деньги и на часть ихъ купилъ въ Калугѣ небольшой домикъ, а за тѣмъ выписалъ изъ Томска вдову Эпенета Лучшева съ двумя ея дѣтьми, которыхъ помѣстилъ въ гимназію. Это было въ 1857 г.

Съ 1859 г. разрѣшено бывшимъ декабристамъ проживать въ столицахъ, чѣмъ Батеньковъ пользуется и начинаетъ развѣзжать то въ Москву, то въ Польшу, въ Петербургъ и т. д.

Въ октябрѣ 1863 г. онъ скончался отъ воспаленія легкихъ на 71 году. Домъ и все свое имущество онъ завѣщалъ вдовѣ Лучшеву, приказавъ похоронить себя въ Петрищевѣ, рядомъ со своимъ другомъ и боевымъ товарищемъ Ал. А. Елагинымъ, что и было исполнено.

Такова жизнь этого замѣчательнаго человѣка, единственнаго сибиряка среди декабристовъ.

Одинъ изъ близкихъ Томскихъ пріятелей Батенькова, Придильщиковъ, такъ описываетъ его наружность и характеръ: Гавріилъ Степановичъ былъ довольно высокаго роста, хорошо сложенъ, но отъ преклонныхъ лѣтъ немного сутуловатъ. Черты лица имѣлъ правильныя, нѣсколько похожія на Наполеоновскія—тотъ же лобъ, прямой носъ и подбородокъ. Взглядъ задумчивый. Что касается характера, то рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ умѣлъ сдерживать свои страсти. Никогда ни о комъ Г. С. не отзывался рѣзко, видимо, со всеміи желая хранить согласіе.

Память о Г. С. Батеньковѣ наибодѣе свято чтитъ въ Томскѣ вдова Ник. Ив. Лучшева—Анна Михайловна, урожденная Любимова (сестра знаменитаго томскаго полиціймейстера). Она хранила, какъ святыню, оставшіяся у нея мемуары Батенькова, которые, по словамъ П. Л. Фуксмана, приходилось ему не только видѣть, но и читать, когда Лучшева жила въ семьѣ Фуксмана. А. М. Лучшева, большая старушка, послѣ своей поѣздки за границу для леченія, поселилась, по возвращеніи въ Томскъ, въ семьѣ купца Макарова (Макаровский переул.). Чувствуя приближеніе смерти, она зашила записки Батенькова въ шелковую подушку и приказала положить ихъ въ гробъ, подъ ея голову, когда она умретъ. Не смотря на всѣ увѣщанія окружающихъ не дѣлать этого, Лучшева взяла клятву съ Пальмиры Альбертовны, второй жены Макарова, исполнить ея требованіе. «Это святой человѣкъ», замѣтила она.

Клятва была дана и исполнена.

МАСОНЫ ВЪ ТОМСКЪ.

Масонствомъ именуется такое общественное движеніе, возникшее въ началѣ XVIII стол., которое ставитъ своей цѣлью нравственное облагороженіе людей и объединеніе ихъ на началахъ братской любви, равенства, взаимопомощи и вѣрности. Въ Россію это движеніе передалось въ 1731 г., когда стали возникать въ разныхъ мѣстахъ ложи и развивать свою дѣятельность въ томъ или иномъ направленіи. Самые выдающіеся по образованію, уму, родовитости, положенію люди вступали членами ложъ. Извѣстно, какимъ сочувствіемъ пользовалось масонство со стороны Петра III, Павла I, Александра I. Въ масонствѣ находились корни того движенія, которое вылилось впоследствии въ заговоръ декабристовъ.

Я позволю себѣ сдѣлать отступленіе отъ моей прямой задачи и остановлюсь на разъясненіи, или, вѣрнѣе, на восстановленіи въ памяти читателя представленія о томъ, что такое масонство. Сдѣлать это въ настоящемъ случаѣ я считаю необходимымъ потому, что въ современномъ обществѣ и въ органахъ печати, старающихся на него воздѣйствовать, понятіе «масонъ» и «масонство» совершенно извращены, и многими авторами и ихъ легковѣрными читателями принимаются какъ бранныя слова.

Для примѣра укажу на выступленіе, сдѣланное, можно сказать, на дняхъ, Рязанскимъ епископомъ Дмитріемъ противъ организаціи дня «Вѣлой ромашки». Предсѣдателю медицинскаго общества, устраивающему въ Рязани сборъ для борьбы съ туберкулезомъ, преосвященный, вмѣсто просимаго благословенія, назвалъ эту организацію «масонской затѣей» и съ церковной кафедры громилъ ее.

Всѣ, такъ называемыя, правыя газеты, ведущія борьбу съ еврействомъ, не иначе называютъ всѣхъ своихъ противниковъ, къ какой бы національности, религіи, партіи они не принадлежали, какъ «масонами» и «жидо-масонами».

Изъ этого ясно, насколько забыть смыслъ слова «масонство».

Франкъ-масонъ въ буквальномъ переводѣ значитъ—вольный (franc) каменщикъ (maçon).

Въ отдаленныя времена (у нѣкоторыхъ писателей отъ построенія Соломонова храма, а у другихъ даже отъ Адама), при длившихся годами постройкахъ церковныхъ зданій, рабочіе и художники объединялись въ строительныя товарищества, въ союзы каменщиковъ, и поселялись около мѣста постройки, а инструменты хранили въ особыхъ баракахъ, называвшихся по-англійски Lodge (отсюда—«ложа»). Съ теченіемъ времени эти союзы выработали однообразную организацію, руководившуюся установленными правилами для взаимоотношеній между ея членами, для разрѣшенія споровъ, для приѣма новыхъ товарищей, для сохраненія въ секретѣ различныхъ приемовъ строительнаго искусства и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ установленъ особый церемональ на разные случаи товарищеской жизни, а такъ какъ среди рабочихъ грамотныхъ въ то время не было, изобрѣтены были особыя условныя, символическія знаки, при помощи которыхъ старались передать нужныя указанія только членамъ своей организаціи. Въ Германіи эти товарищества или строительныя ложи возникли въ 12 вѣкѣ и отсюда распространились въ Англію, гдѣ достигли наибольшаго расцвѣта благодаря тому, что здѣсь съ конца 16 вѣка получили доступъ въ ложи богатые и ученые люди и не принадлежавшіе къ строительному цеху, такъ называемые, «сторонніе каменщики». Эти послѣдніе въ началѣ 18 в. задумали воспользоваться формой строительныхъ товариществъ и обра-

звать символическій союзъ строителейъ духовной жизни. На этихъ основаніяхъ объединились четыре строительныя ложи и образовали одну «великую англійскую ложу», для которой былъ выработанъ новый уставъ. Въ ложу стали принимать, въ качествѣ членовъ, хорошихъ вѣрныхъ людей, свободно-рожденныхъ не моложе 25 лѣтъ и притомъ съ согласія всѣхъ присутствовавшихъ при выборѣ; женщины въ ложу не принимались. Техническая выраженія каменотеснаго ремесла, символика (диркулъ, наугольникъ, молотокъ и пр.) и передешніе къ каменотесамъ знаки были сохранены въ масонствѣ, такъ какъ соответствовали символическому возведенію храма. Масоны сохранили также и одѣяніе каменотесовъ—передники, перчатки и шляпы. Въ основу масонскаго союза было положено нравственное совершенствованіе и объединеніе человѣчества. Въ «Книгѣ Уставовъ» масоновъ въ числѣ основныхъ законовъ являлись слѣдующіе: «Никакая частная ненависть или препирательства не должны вноситься въ дверь ложи, а еще того менѣе препирательства о религіи и о народахъ, такъ какъ мы, какъ каменщики, исповѣдуемъ только всеобщую религію, а также принадлежимъ ко всякимъ народамъ, нарѣчій или языкамъ...» «Каменьщикъ есть мирный подданный гражданскихъ властей; онъ не долженъ быть замѣшанъ въ крамолы и заговоры противъ мира и благоденствія народа и никогда не долженъ перстовать обязанностей относительно высшихъ властей...» «Каменьщикъ есть мирный подданный гражданскихъ властей; онъ не долженъ...»

Въ этихъ условіяхъ масонство стало быстро распространяться по всѣмъ государствамъ Европы, проникло и въ Америку. Самые видные по своему положенію и образованію люди входили въ составъ ложъ и развивали ихъ дѣятельность въ теченіе всего 18 и 19 столѣтій. Распространенію масонства въ Германіи всего больше способствовало вступленіе въ союзъ наслѣднаго принца прусскаго, впоследствии короля Фридриха II; среди членовъ германскихъ ложъ состояло семь государей; въ Австріи—покровительство Франца I; во Франціи великимъ мастеромъ былъ герцогъ Орлеанскій; Наполеонъ I, хотя и не признавалъ официально масонства, но тѣмъ не менѣе назначилъ своего брата Юсіфа великимъ мастеромъ. Въ Англіи герцогъ Суссекскій (дядя королевы Викторіи) въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ великимъ мастеромъ Великой Англійской ложи. Шведскій король и его братъ стояли во главѣ масонства въ Швеціи. Въ Россіи Петръ III учредилъ ложу въ Ораніенбаумѣ, а въ 1777 году шведскій король прѣзжалъ въ Петербургъ для посвященія въ масоны великаго князя Павла Петровича, покровительствовавшаго масонамъ и во время своего царствованія, при Александрѣ же I начался расцвѣтъ масонства въ Россіи. На ряду съ коронованными особами въ масонствѣ принимали участіе Вольтеръ, Моцартъ, Гайднъ, Франклинъ, Вашингтонъ, Гете, Фихте, Виландъ, Берне, Гарибальди и мн. др..

За время своего долгаго существованія, масонство переживало въ разныхъ странахъ различныя перипетіи и кризисы, вызывавшіеся какъ внутренними причинами, къ которымъ относятся разногласія членовъ, отклоненія отъ основныхъ принциповъ и пр., такъ и внѣшними, въ видѣ преслѣдованія со стороны властей по религіознымъ или политическимъ основаніямъ, но несмотря на это, масонство имѣло огромное культурное значеніе въ Европѣ и принесло пользу уже тѣмъ, что облагородивало нравы и содѣйствовало просвѣщенію, Всечеловѣчность масонскаго братства, братское соединеніе всѣхъ честныхъ, честныхъ и высоконравственныхъ людей оставались всегда основнымъ принципомъ масонскаго союза.

Самою видною стороною дѣятельности масоновъ является благотворительность. Ложи создавали учрежденія, порою весьма грандіозныя, для всеобщаго

пользования. Они строили больницы, приюты для слѣпыхъ, воскресныя школы, учебныя заведенія, основывали фонды для бѣдныхъ вѣдѣтъ и т. п.; во время войнъ и другихъ народныхъ бѣдствій первыми откликались со званія щедрыми пожертвованіями и дѣятельной помощью.

Въ Западной Европѣ это движеніе существуетъ и теперь, какъ показываетъ статистика. Къ началу 20 вѣка насчитывалось ложъ: въ Англіи около 3.200, во Франціи — около 500, въ Германіи — около 600 (въ 440 Іоанновыхъ ложахъ насчитывается около 47.000 членовъ); въ Ирландіи — 410, въ Шотландіи — 625, въ Италіи — 177, въ Швеціи — 37 съ 11.000 членовъ, въ Швейцаріи — 33, въ Венгріи — 52 ложи.

Возвращаясь къ прерванному разсказу о распространеніи масонскаго движенія и въ предѣлахъ Сибири.

Докатилось оно и до Сибири. Въ Томскѣ была учреждена, единственная въ Сибири, масонская ложа, носившая названіе «Восточное Свѣтло». Мастеромъ этой ложи, т. е. главой ея былъ, между прочимъ, упомянутый выше Трейблютъ. Къ этой ложѣ принадлежали изъ мѣстныхъ купцовъ Поповы, Христофоръ и Андрей. У дочери перваго изъ нихъ, Татьяны Христофоровны, вышедшей замужъ за писателя Н. И. Наумова, сохранялся, въ качествѣ реликвиі, стаканчикъ изъ зеленого стекла грубой работы, съ масонскими знаками, принадлежавшимъ Томской ложѣ. Андрей Поповъ, извѣстный основатель Томскаго Общественнаго банка, также, кажется, былъ масономъ. Сибирякъ-декабристъ Батеньковъ Г. С. состоялъ въ числѣ основателей Томской ложи. Онъ, по просьбѣ Казанскаго профессора, историка Ешевскаго, составилъ особую записку, представляющую весьма цѣнный матеріалъ для исторіи этого движенія; воспоминанія о масонствѣ Батенькова напечатаны были А. Н. Пыпиннымъ цѣликомъ въ его изслѣдованіи*). Вѣроятно, Томская масонская ложа насчитывала въ своемъ составѣ болѣе или менѣе значительный кругъ лицъ, только достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ, а равно и о дѣятельности ложи мы не имѣемъ. Было бы очень поучительно собрать относящійся сюда матеріалъ.

Считаю, поэтому, не лишнимъ познакомить читателя съ тѣми свѣдѣніями о Томской ложѣ, какія имѣются въ литературѣ.

Ложа «Восточнаго Свѣтла» (или, какъ она еще называлась «Восточнаго Свѣтла на востокѣ Томска») была основана 30 августа 1818 г., какъ означено и на ея печати, изображающей горящій факелъ въ треугольникѣ, на который спадаютъ идущія отъ факела ленты, и подъ которымъ означено время основанія — 30 VI 5818. Основателями ложи были: Н. П. Горловъ, Г. Х. Трейблютъ, Ф. И. Гонигманъ, П. И. Нимейеръ, К. Х. Трейблютъ, П. Г. Ивановъ, Г. Ст. Батеньковъ. Ложа работала по древней англійской системѣ, на русскомъ языкѣ. Днями работъ, по спискамъ 1820 и 1821 г.г., были первый и третій четвергъ каждаго мѣсяца. Въ спискѣ 19 мая 1821 г. въ этой ложѣ значатся слѣдующія должностныя лица: Управляющій мастеръ — Ник. Петр. Горловъ, стат. совѣт., Томскій вице-губернаторъ; Намѣстный мастеръ Іоганъ фонъ Трейблютъ, генераль-майоръ; 1-й Надзиратель Фед. Пв. Гонигманъ, Томскій ветеринарный врачъ; 2-й Надзиратель — Ос. Пв. Валора-Кондратьевъ, совѣт. Томск. гражд. и уголовн. суда; Секретарь — Ив. Пв. Коноваловъ, секретарь Томской казенной экспедиціи; Витія — Вас. Мих. Кобылинъ, ассесоръ губернскаго правленія. Остальные члены состояли изъ мѣстныхъ чиновниковъ; тутъ были земскіе врачи, военный штабъ-лекаръ, главный смотритель при водвореніи поселенцевъ, смотритель градской больницы, земскій исправникъ и т. д. Батеньковъ,

* Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. „Вѣст. Европы“, 1872, кн. 7.

прежде бывший секретаремъ этой ложи, въ это время отсутствовалъ (уѣхалъ въ Таганрогъ).

Томская ложа находилась въ союзѣ такъ называемой «Велпкой Ложи Астрии» въ Петербургѣ, и потому у нея былъ здѣсь свой—«Намѣстный Представитель»; въ качествѣ такого представителя состоялъ нѣсколько лѣтъ Н. П. Кусовъ, жившій въ Петербургѣ, но имѣвшій связи съ Томскими масонами. Самъ Кусовъ принадлежалъ къ Петербургской ложѣ «Избраннаго Михаила». Въ 1820 г. кромѣ Кусова избранъ былъ вторымъ представителемъ Томской ложи графъ Влад. Петр. Толстой. Старшій мастеръ ложи Н. П. Горловъ, послѣ трехъ лѣтъ службы, былъ избранъ почетнымъ членомъ Астрии т. е. удостоился высшаго званія, о какомъ могъ мечтать каждый масонъ. Трейблютъ пишетъ по этому поводу изъ Томска отъ 1 июля 1821 г.: «мы все обрадованы тѣмъ очень. Это подаетъ и мнѣ надежду, по выслуженіи сего 4-го года въ моемъ званіи удостоиться сей отличной чести, которую, думаю, не соевѣмъ я не заслуживаю, будучи первою причиною основанія здѣсь ложи, а на 4-й годъ будучи избранъ мастеромъ».

Въ послѣднемъ письмѣ въ Петербургъ, какое извѣстно, отъ 12 августа 1821 г., масоны пишутъ, между прочимъ, о Батеньковѣ: «Теперь находится у васъ въ Петербургѣ одинъ изъ достойныхъ членовъ (ложи) нашей, инженеръ въ путей сообщенія майоръ Гавр. Степ. Батеньковъ. Онъ въ свитѣ сибирскаго генераль-губернатора М. М. Сперанскаго.

Я адресовалъ его къ вамъ въ той надеждѣ, что вы скажете мнѣ спасибо за знакомство съ симъ достойнымъ братомъ. По письму его вижу, что онъ не усѣлъ еще быть у васъ, будучи занятъ дѣлами».

Томская ложа дѣйствовала до конца 1821 г., судя по уцѣлѣвшей ей перельскѣ съ Петербургомъ. Съ 1822 г. масонство началъ преслѣдовать, ложи закрывать, членовъ ихъ высылать и арестовывать; поэтому, если дѣятельность ложъ и продолжалась, то она обставлена была еще большими предосторожностями и таинственностью, чѣмъ какія практиковались до этого.

СИБИРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Вторая половина пятидесятихъ и шестидесятыя годы были временемъ рожденія и замѣтной дѣятельности собственной сибирской интеллигенціи, проникнутой горячей любовью къ своей странѣ, явнымъ сознаніемъ ея отсталости и безправія и стремленіемъ приобщить Сибирь къ благамъ, достигнутымъ болѣе культурными странами. Это новое для Сибири явленіе—рожденіе собственной интеллигенціи—было отмѣчено образованіемъ кружковъ, работа которыхъ состояла въ самообразованіи, въ изученіи различныхъ сторонъ сибирской жизни, въ публичныхъ выступленіяхъ какъ въ печати, такъ и въ публичныхъ чтеніяхъ.

Въ этой полосѣ жизни въ Сибири Томскъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Ему принадлежить цѣлый рядъ именъ, многія изъ которыхъ получили въслѣдствіи широкую извѣстность. Таковы Г. П. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ, Н. П. Наумовъ, П. А. Куцевскій, С. С. Шанковъ, кн. Н. А. Костровъ, Е. Я. Колосовъ, Ф. П. Любимовъ, Н. В. Бергъ и др.

Г. Н. Потанинъ.

Само собою разумѣется, что въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю въ виду давать біографію этого большого человѣка, а хочу остановиться больше на тѣхъ моментахъ его жизни, которые непосредственно связаны съ Томскомъ. Всѣ другія свѣдѣнія приводятся здѣсь кратко, какъ это мною сдѣлано по отношенію ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ моихъ очерковъ, для пѣльности представленія читателя, чтобъ выхваченный изъ жизни эпизодъ являлся логически связаннымъ съ предыдущей и послѣдующей дѣятельностью.

Григорій Николаевичъ Потанинъ родился 21 января 1835 г. въ станціѣ Ямышевской (теперь казачій поселокъ на правомъ берегу Иртыша, верстѣ 50 выше Павлодара). Это одинъ изъ самыхъ древнихъ опорныхъ пунктовъ на Иртышѣ въ борьбѣ русскихъ съ джунгарамъ; здѣсь еще въ XVII вѣкѣ происходила ярмарка и съѣзжались бухарцы, о богатыхъ караванахъ которыхъ слыхалъ и Ермакъ и его вольница; здѣсь и была устроена крѣпость, игравшая большую роль въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи. Этотъ пунктъ прославилъ находящееся около него соляное озеро Ямышевское, когда-то снабжавшее солью Сибирь.

Дѣтскіе годы Г. Н. Потанинъ провелъ на Иртышѣ, на окраинѣ безпредѣльной киргизской степи, частью въ станціѣ Семіарской, у своего родного дяди по отцу Димитрія Ильича Потанина. Этотъ Димитрій Ильичъ былъ командиромъ полка на Иртышской линіи и жилъ въ большомъ достаткѣ—у него было десять тысячъ лошадей, числомъ которыхъ опредѣлялось въ степи богатство и почетъ. Онъ уговорилъ своего брата, Николая Ильича, разжалованнаго въ то время изъ эсауловъ въ казаки и совсѣмъ разорившагося, привести къ нему на житье племянника. Между прочимъ замѣчу, что Димитрій Ильичъ былъ женатъ на родной сестрѣ, грѣбшаго въ свое время въ Томскѣ, золотопромышленника Ф. А. Горохова, о которомъ говорится ниже, Павлѣ Александровнѣ. Овдовѣвъ, она вышла потомъ замужъ за барона Гильзена, о которомъ упоминалось въ очеркѣ о М. А. Бакунинѣ. Николай Ильичъ, желая почтить своего родственника, старика Горохова, водилъ къ нему на поклонъ и своего сына, тогда уже 23 лѣтняго юношу—офицера.

Десяти лѣтъ Григорія Николаевича увезли въ Омскъ для опредѣленія въ кадетскій корпусъ, который онъ и окончилъ въ 1852 г., выпущенный офицеромъ. Въ теченіе около 7 лѣтъ, по окончаніи корпуса, онъ служилъ сначала хорунжимъ, а потомъ сотникомъ и за послѣдніе годы службы, заинтересовавшись исторіей Сибири, усердно работалъ въ Омскомъ архивѣ, занимаясь разборомъ старинныхъ актовъ по вопросу о колонизаціи Сибири русскими, а передъ этимъ, въ 1853 г., участвовалъ въ первомъ походѣ въ Заилійскій край и въ закладкѣ города Вѣрнаго. Въ Омскѣ онъ познакомился съ П. П. Семеновымъ, командированнымъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія горной системы Тянь-шаня, и подъ вліяніемъ этого знакомства пришелъ къ мысли пополнить свое образованіе и подготовиться къ научной дѣятельности.

П. П. Семеновъ, въ предисловіи въ книгѣ Потанина «Гангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія», говоритъ: «Когда военная экспедиція переходила впервые рѣку Или, передъ воспріимчивымъ юношей поднялась внезапно изъ тумана величественная цѣпь Занійскаго Алатау съ ея сѣдыми снѣжными вершинами: никому еще неизвѣстная, нивѣмъ невиданная, она возбудила въ талантливомъ юношѣ жажду знаній и стремленіе къ изслѣдованію странъ невѣдомыхъ. Въ 1855 г. Потанинъ увидѣлъ впервые и

дѣтвущія долины Алтая, гдѣ онъ былъ со вѣренной ему сотней казаковъ. После такихъ интересныхъ поѣздокъ, какъ не сдѣлаться было талантливому юношѣ географомъ».

Въ 1858 г. Потанинъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Томскъ къ своимъ родственникамъ, въ надеждѣ при ихъ помощи перебраться въ Петербургъ для поступленія въ Университетъ, про себя рѣшивъ уйти въ столицу иѣшкомъ, если помощи и не получить. Лѣто этого года онъ прожилъ на принекахъ у своего родственника Гильзена, а зиму въ Томскѣ, гдѣ, какъ уже указано было выше, воспользовался поддержкой М. А. Бакунина въ осуществленіи завѣтнаго желанія. Въ это время губернаторомъ въ Томскѣ былъ Оверскій, геологъ, переводчикъ Мурчисона, составитель книги «Описание рудниковъ»—капитального сочиненія. Это былъ единственный въ своемъ родѣ губернаторъ—ученый.

Въ 1859 г. Г. Н. Потанинъ уѣхалъ въ Петербургъ и пробылъ здѣсь около 4 лѣтъ. Въ зимніе мѣсяцы онъ слушалъ университетскій курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, а лѣтомъ совершалъ экскурсіи по р.р. Обь и Уралу, собирая главнымъ образомъ ботаническій матеріалъ. Но это—схема университетскихъ занятій. Самое же интересное и цѣнное въ годы Петербургской жизни заключалось во внутренней жизни сибирской молодежи, вдохновителемъ и руководителемъ которой явился Гр. Н. Потанинъ. Я остановлюсь нѣсколько долѣе на этомъ періодѣ, хотя онъ и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Томску, куда Г. Н. явился уже подготовленнымъ и сформировавшимся общественнымъ работникомъ.

Пусть объ этомъ расскажетъ намъ Н. М. Ядринцевъ*). «Я засталъ Потанина въ квартирѣ на Васильевскомъ островѣ; помню его почти всегда расхаживающаго съ книгою по комнатамъ, увлеченнаго естествознаніемъ, почитавшаго также много по тогдашней литературѣ и знакомаго уже съ общественными вопросамъ. Съ перваго разговора, я помню, рѣчь зашла уже о сибирякахъ въ Петербургѣ и о необходимости перезнакомиться. Потанинъ проповѣдывалъ сближеніе, какъ потребность чисто платоническую видѣться съ землякамъ, вспоминать родину и придумать, чѣмъ мы можемъ быть ей полезны. Идея сознательнаго служенія краю въ тотъ моментъ, когда въ Европейской Россіи пробуждалось тоже самосознаніе, вотъ идея, которая легла въ основу нашего сближенія. Мы отдавали другъ другу отчеты о нашихъ привязанностяхъ, говорили, какъ о рѣшенномъ вопросѣ, о нашемъ возвращеніи домой, хотя у меня не осталось близкихъ родственниковъ на родинѣ, говорили, что тѣ же намѣренія нужно поддерживать въ другихъ... Въ бесѣдахъ съ Потанинымъ я не только сходился, но увлекался его умомъ, его планами, и онъ былъ для меня первымъ менторомъ, наставникомъ; онъ же опредѣлилъ мое призваніе. Я фанатически послѣдовалъ его патріотической идеѣ и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группированія... Понемногу мнѣ представлялъ Потанинъ то студента—юриста, сибиряка, то естествовика. Здѣсь были юристы Перфилевъ, братья Павлиновы, Брюковъ, В—скій, Лосевы, Шестаковъ, технологъ. Потанинъ, при всей своей кабинетности и несвѣткости, обладалъ завидною способностью не только сближаться, но и угадывать характеръ и способности у земляковъ (талантъ всю жизнь не оставившій его и давшій не мало полезныхъ слугъ родинѣ). Одного мнѣ онъ рекомендовалъ какъ будущаго техника въ Сибирь, другого, какъ талантливаго музыканта, третьяго, какъ химика, иныхъ онъ отличалъ

*) Н. Ядринцевъ. Воспоминанія о Томской гимназін. „Сибир. Сборн.“ 1888 г.

за ихъ мягкую, симпатичную натуру. Онъ умѣлъ сближать сибиряковъ и не въ одномъ университетѣ. Въ академіи художествъ у него былъ уже знакомый художникъ изъ Иркутска, Песковъ, въ это же самое время былъ въ Петербургѣ и Федоровъ-Омулевскій, съ которымъ Потанинъ познакомился еще раньше черезъ Щукина». Одно время компанія сибиряковъ жила на одной квартирѣ, занимая 4 комнаты; въ одной жилъ Потанинъ со студентомъ Куклинымъ, иркутяниномъ, въ другой казачій офицеръ Ф. Н. Усовъ, въ третьей Ядринцевъ съ Наумовымъ и въ четвертой—П. А. Худяковъ. Потанинъ, Куклинъ, Ядринцевъ и Наумовъ обѣдали вмѣстѣ—«покупали картофель, варили въ кухнѣ у хозяйки и ѣли его съ масломъ—вотъ и весь нашъ обѣдъ въ теченіе цѣлой зимы», замѣчаетъ Потанинъ, прибавляя, что самый бѣдный изъ компаніи, П. А. Худяковъ «питался только хлѣбомъ съ масломъ и больше у него ничего не было». Мысль сгруппироваться принадлежала Потанину. Ее подсказалъ приливъ сибирской молодежи въ Петербургскій Университетъ, приливъ, вызванный общимъ стремленіемъ къ центру умственной жизни, а отчасти закрытіемъ въ Казани Камеральнаго факультета.

Сибиряки перезнакомились и результатомъ этого было первое собраніе сибиряковъ различныхъ учебныхъ заведеній на квартирѣ одного изъ студентовъ. «Сходка вышла шумная и оживленная», рассказываетъ Ядринцевъ:*) «въ ней трудно было не замѣтить земляческихъ симпатій, хотя все это было крайне хаотично, нескладно и за шумомъ и разнообразіемъ знакомствъ трудно было чтонибудь разобрать. Собиралось, помнится, человекъ 20. На этой сходкѣ я видѣлъ бурята Пирожкова, деликатную и уже интеллигентную личность, джентельмена въ цилиндрѣ, но съ бурятскимъ лицомъ; онъ изучалъ Гегеля и интересовался философійю. Здѣсь я познакомился съ П. В. Федоровымъ-Омулевскимъ, вселымъ, розовымъ юношей, съ золотыми кудрями до плечъ, въ художническомъ, бархатномъ сюртучкѣ; здѣсь присутствовалъ симпатичный юристъ Н. М. Павяиновъ съ рафаэлевской головой; цѣлая группа казанскихъ буршей шумѣла съ своей необузданной веселостью. Среди сибиряковъ были и не-сибиряки: знакомый Потанина, товарищъ студентовъ, незабвенный художникъ Джокинъ, выступавшій съ талантливыми пейзажами; не помню, былъ ли здѣсь П. Н. Шишкинъ, тоже нашъ знакомый; наконецъ, присутствовалъ какой-то филологъ Смирновъ.

На этомъ вечерѣ не было ни подготовленныхъ заранее вопросовъ, ни организованныхъ словопреній и рѣчей, все носило товарищески-семейный характеръ. Въ концѣ, послѣ первыхъ знакомствъ и шумныхъ земляческихъ изліяній, невольно выступилъ вопросъ о поддержаніи сношеній между земляками, а также о продолженіи собраний; подобная мысль была, конечно, единственно принята... Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой и третій вечеръ... Рѣшившись собраться, никто не спрашивалъ: зачѣмъ и для чего. Этотъ вопросъ казался молчаливо рѣшеннымъ «земляками»... Наибольше заинтересованные судьбою этого сближенія чувствовали потребность мысли, идеи и даже какой-нибудь практической задачи... начали думать о судьбѣ своей родины, съ интересомъ и будущей дѣятельности въ краѣ. Помню, что на этихъ собраніяхъ впервые раздался вопросъ о значеніи въ краѣ университета и необходимости его для Сибири. Мысль эта всѣмъ пришла въ голову... Въ юномъ воображеніи намъ представлялся уже университетъ открытымъ, мы представляли его въ родѣ роскошнаго зданія, къ которому сте-

*) „Восточн. Обзоръ“, 1884 г., № 6.

Ялись всё разнообразныя произведенія нашей родины. Порткиъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора съ золотою надписью: «Сибирскій Университетъ»; кругомъ садъ, въ которомъ сосредоточивается вся сибирская флора. Въ кабинеты доставлены коллекціи со всей Сибири, общественная подписка дала огромныя средства. Аудиторія кишитъ народомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ, рядомъ съ плотными и коренастыми сибиряками, нашихъ инородцевъ—нашъ другъ Широковъ, изучившій философію Гегеля, былъ для насъ примѣромъ; университетъ привлечетъ японцевъ и китайцевъ, говорили другіе. Такъ развивалась мечта... Здѣсь же, въ товарищескихъ разговорахъ развивалась мысль о необходимости изучать край и читать о немъ сочиненія, явилась мысль составлять библиографію сибирскихъ книгъ, причѣмъ Потанинъ брался руководить этимъ дѣломъ. Тотъ же Потанинъ совѣтовалъ издать календарь или памятную книжку и рекомендовалъ мнѣ быть издателемъ... Говорили о будущемъ журналѣ, газетѣ,—словомъ, вопросы росли. Въ концѣ все соединилось на убѣжденіи и вѣрѣ, что нашей окраинѣ предстоитъ блестящая будущность... Собранія длились года два при мнѣ... Въ тѣхъ собраніяхъ, о которыхъ всеюмипаю я, сближеніе началось между лицами разныхъ учебныхъ заведеній и профессій. Здѣсь были медицинскіе студенты, братья Черемшанскіе, впоследствии медики, студенты университета, технологи, появлялись студенты духовной академіи, художники, былъ военный и кадетъ горнаго института... Это первое сближеніе оставило свой слѣдъ на душѣ многихъ, оно вспоминалось не разъ въ жизни, можетъ быть, нѣкоторые были обязаны ему сознательнымъ отношеніемъ въ своей дѣятельности на родинѣ»...

Кромѣ указанныхъ Ядринцевымъ причинъ образованія патриотическаго землячества большую роль въ этомъ сыграли лекціи Костомарова—историка-областника, настойчиво проводившаго мысль о федеративномъ устройствѣ славянскихъ племенъ, а также лекціи Щапова о значеніи областности, какъ самаго жизненнаго, господствующаго начала въ историческомъ развитіи народа.

Руководимое Г. Н. Потанинымъ землячество, вращаясь въ сферѣ этихъ идей и горячо обсуждая вытекавшіе отсюда вопросы, положило конецъ отливу сибирской молодежи изъ своей страны и прониклось сознаніемъ долга возвращаться домой, по полученіи образованія, для работы на мѣстахъ.

«Пылкіе и горячіе», говоритъ Ядринцевъ: «мы давали клятвы возвращаться на родину, служить ей беззавѣтно... Мы представляли ее, въ настоящемъ пустынную, бѣдную и убогую-нарядную и богатую въ будущемъ; невѣжественную—образованной, усѣянной школами; вмѣсто несчастной, слышавшей только звонъ цѣпей и проклятія ссыльныхъ, мы рисовали себѣ ее населенною, свободною, жизнерадостною и ликующею; мы называли эту страну «страною будущаго».*) Мы мечтали о счастливой будущности новаго дѣятельнаго края, подобно Америкѣ и Австраліи, перечисляли неисчислимыя ея богатства, рисовали ее въ будущемъ виднымъ мировымъ рынкомъ, царницей Азии. Широкія историческія перспективы открылись нашему духовному взору».

*) Такою она и представляется въ докладѣ проф. М. И. Боголѣпова, сдѣланномъ 7 апрѣля н. г. въ Томскомъ Обществѣ Изученія Сибири, не на основаніи иллюзіи молодыхъ патриотовъ шестидесятихъ годовъ, а на основаніи фактовъ современной дѣятельности.

Университетскія событія 1861 г. неожиданно прервали дальнѣйшую работу сибирскаго землячества. 20 декабря Университетъ былъ закрытъ, а Г. Н. Потанинъ, вмѣстѣ со многими другими студентами, арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Просидѣвъ здѣсь два мѣсяца, онъ затѣмъ, въ 1862 г., уѣхалъ въ Омскъ и здѣсь вскорѣ приглашенъ былъ, въ качествѣ переводчика и натуралиста, для участія въ разграничительной экспедиціи съ Китаемъ, главой этой экспедиціи К. В. Струве. Черезъ годъ по возвращеніи изъ Петербурга въ Омскъ онъ уже выѣхалъ въ экспедицію и по окончаніи ея въ 1864 г. возвратился въ Омскъ.

К. В. Струве поселился на одной квартирѣ съ своимъ близкимъ знакомымъ М. Г. Лерхе, адъютантомъ командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса Дюгамеля, роднымъ братомъ Томскаго Губернатора Лерхе. Г. Н. Потанинъ, оставшись не у дѣлъ по окончаніи экспедиціи, обратился къ Струве съ просьбой: рекомендовать его генералъ-губернатору Дюгамелю на должность Секретаря Томскаго Статистическаго Комитета.

Дюгамель охотно исполнилъ это желаніе и написалъ письмо Губернатору Лерхе, который не замедлилъ отвѣтить согласіемъ, выразивъ удовольствіе, съ которымъ онъ сдѣлаетъ это назначеніе.

Въ томъ же 1864 г. Г. Н. Потанинъ переселяется въ Томскъ, въ качествѣ Секретаря Статистическаго Комитета и устраивается на квартирѣ въ домѣ Кандицкаго на Почтамтской улицѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ Н. Л. Фуксмана. Въ то время на этомъ мѣстѣ находился по правую сторону воротъ низменный одноэтажный домъ съ лавочкой (гдѣ въ 1884 г. была убита семья Кана изъ 6 человекъ), а по лѣвую сторону двухэтажный домъ, часть котораго обслуживала надобности постоянного двора, содержавшагося Кандицкимъ, а отдѣльныя комнаты сдавались одинокимъ жильцамъ.

Не долго пришлось Г. Н. Потанину прожить въ Томскѣ, всего до весны 1865 г., но и за короткій промежутокъ своего пребыванія здѣсь онъ успѣлъ развернуть свой организаторскій талантъ и сдѣлать эту полосу въ жизни самаго Томска достаточно яркой.

Прежде всего онъ свелъ близкое знакомство съ наиболѣе выдающимся въ городѣ человѣкомъ, учителемъ гимназіи Д. Л. Кузнецовымъ, основавшимъ при Томской мужской гимназіи публичную бібліотеку, редактировавшимъ «Томскія Губ. Вѣд.» и работавшимъ въ мѣстныхъ архивахъ надъ извлеченіемъ наиболѣе цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи Сибири XVII и XVIII ст.

Г. Н. Потанинъ, познакомившись съ дѣятельностью Кузнецова, а на его вечеринкахъ завязавъ новыя знакомства, тотчасъ же выписываетъ Ядринцева изъ Омска, убѣждая его использовать возможность сотрудничества въ «Том. Губ. Вѣдом.». Какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, Ядринцевъ переселился въ Томскъ и съ перваго же номера «Губ. Вѣдом.» за 1865 г. принялся за горячую газетную работу.

Скоро Г. Н. Потанинъ сталъ извѣстенъ въ нѣкоторыхъ томскихъ кругахъ и знакомства съ нимъ начинаютъ искать. Такъ завязалось, между прочимъ, знакомство съ Е. Я. Колосовымъ, отставнымъ артиллерійскимъ поручикомъ, открывшимъ частную школу въ Томскѣ. Григ. Ник. припоминаетъ эту первую встрѣчу. Томскъ въ ту пору уличнаго освѣщенія не имѣлъ, молчаніе улицъ не практиковалось, поэтому можно себя представить, въ какой невѣроятной грязи и тьмѣ утопалъ городъ въ темные ненастные осенніе вечера. Путешествіе по городу сопрягалось съ величайшими затрудненіями и совершалось по вечерамъ лишь по крайней необходимости. Какъ-то вечеромъ хозяйка доложила Гр. Ник.—чу, что во дворѣ его спрашиваетъ какой-то человѣкъ. Г. Н.

вышелъ въ сѣни и здѣсь увидѣлъ высокаго молодого человѣка въ большихъ сапогахъ и съ фонаремъ въ рукахъ. Это былъ Колосовъ, водившій обширное знакомство съ молодежью, особенно семинарской, и имѣвшій на нее большое вліяніе.

Зимой того же 1864 г. Г. Н. Потанинъ, увидѣвъ, какую энергичную дѣятельность развиваетъ въ Красноярскѣ С. С. Шашковъ, тотчасъ же написалъ ему приглашеніе пріѣхать въ Томскъ и прочесть здѣсь нѣсколько публичныхъ лекцій по исторіи Сибири. Не надо забывать, что въ шестидесятые годы это было не такъ просто и легко осуществимо, какъ теперь. Тогда публичныя лекціи для Томска были небывалымъ еще дѣломъ, мѣстная публика объ этомъ не имѣла никакого понятія и если собиралась въ клубы, такъ только для того, чтобъ потанцевать и поиграть въ фанты или сразиться въ ступокку, рамсъ или преферансъ. Въ то время, чтобъ переѣхать изъ Томска въ Красноярскъ, надо было сдѣлать 500 верстъ по убійственному Иркутскому тракту, затративъ нѣсколько дней времени и не мало средствъ на это путешествіе, съ рискомъ сломить шю, а то и попасть въ руки грабителей на большой дорогѣ. Шашковъ пріѣхалъ и прочиталъ пять лекцій, поднимавъ общественное настроеніе на небывалую высоту.

Такимъ образомъ, Г. Н. Потанинъ сталъ фокусомъ мѣстной умственной жизни, объединяя и собирая все, что могло служить просвѣщенію и развитію массъ и поднятію ихъ умственнаго уровня. Въ то время онъ велъ и свои научныя занятія, собирая, какъ натуралистъ, разнообразный естественно-историческій матеріалъ въ окрестностяхъ Томска, собирая и архивный матеріалъ, столь необходимый для пополненія безчисленныхъ пробѣловъ въ исторіи Сибири. Но вся эта дѣятельность скоро прервалась. Весной 1865 г. Г. Н. Потанинъ, вмѣстѣ со своими друзьями Н. М. Ядринцевымъ и Е. Я. Колосовымъ, во время ихъ естественно-исторической экскурсіи на заимкѣ Инчугина, были арестованы и увезены въ городъ, гдѣ ихъ обыскали и захватили ихъ бумаги, а черезъ три дня отправили въ Омскъ.

Началось возмущительное по своей необоснованности «дѣло о злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, стремившихся къ испроверженію существующаго въ Сибири порядка управленія и къ отдѣленію ея отъ имперіи». Усердствуя не по разуму, какъ это ясно теперь будетъ для всякаго, кто познакомится съ слѣдственнымъ дѣлопроизводствомъ, хранящимся въ Омскомъ архивѣ, комиссія изъ генераловъ Панова и Пшанино, Рыкачева и Ко произвела многочисленныя аресты юныхъ патриотовъ, начиная съ 12 лѣтняго возраста, въ Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, и, продержавъ ихъ три года въ Омской гауптвахтѣ, довела, наконецъ, это дѣло до жестокаго приговора, по которому больше всѣхъ досталось Г. Н. Потанину; онъ поплатился 5-лѣтними каторжными работами въ Свеаборгѣ и ссылкой въ Никольскъ, Вологодской губ., а нѣкоторые изъ остальныхъ пятилѣтней ссылкой въ Архангельскую губ. Восемь съ половиной лѣтъ физическихъ страданій и лишеній, оторванности отъ работы на пользу своей родины! А за что? «Что мы могли отвѣчать на вопросы слѣдственной комиссіи», пишетъ въ своей автобіографіи (рукопись) Ядринцевъ. «Въ нашемъ сердцѣ было искреннее желаніе мирнаго блага нашей забытой родинѣ; нашею мечтою было ея просвѣщеніе, гражданское преуспеяніе. Мы отвѣчали, что желаемъ Сибири новаго гласнаго суда, земства, большей гласности, поощренія промышленности, большихъ правъ для инородцевъ. Что тутъ было преступнаго? Что было преступнаго въ горячей любви къ своей родинѣ? Но здѣсь патриотизмъ былъ принятъ за сепаратизмъ».

Г. Н. Потанинъ, сидя въ Омскѣ въ тюрьмѣ и на гауптвахтѣ, выхлопоталъ право разбирать областной архивъ и работалъ надъ нимъ вмѣстѣ съ друзьями. Извлеченныя имъ матеріалы по исторіи Сибири XVIII и XVIII вѣковъ были напечатаны въ 66 и 67 г.г. въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Во время же ссылки онъ велъ дѣятельную переписку съ друзьями, писалъ статьи въ «Камско-Волжскую Газету», основанную въ 1872 г. въ Казани, собиралъ матеріалъ для Географическаго Общества и продолжалъ свое самообразованіе чтеніемъ. Въ 1874 г., по ходатайству П. Р. Географическаго Общества, пли, точнѣе, П. П. Семенова, Гр. Ник. получилъ полное помилованіе, съ возвращеніемъ всѣхъ правъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Передъ этимъ онъ женился на А. В. Лаврской, пріѣзжавшей въ Никольскъ, къ сосланному туда ея брату, извѣстному въ свое время казанскому литератору-областнику.

Въ Петербургѣ онъ тотчасъ же принялся за огромный трудъ—составленіе дополненія къ третьему тому Риттеровой Азій, предпринятой Географическимъ Обществомъ. Третій томъ основнаго труда Риттера «Землеводѣніе Азій» въ русскомъ изданіи составляетъ 572 страницы; томъ же дополненій, сдѣланныхъ Потанинымъ и вышедшихъ изъ печати въ 1877 г., составляетъ 742 страницы. Сдавъ въ печать рукопись, Потанинъ, по порученію Географическаго Общества, готовится и снаряжается въ двухлѣтнее путешествіе въ сѣверо-западную Монголію, которое было имъ исполнено въ 1876 и 77 г.г. Возвратившись въ Петербургъ и обработавъ матеріалъ, уложенный въ два тома «Очерковъ сѣверо-западной Монголіи», онъ въ то же время готовится къ новому путешествію въ Монголію, совершенному въ 1879—80 г.г. и, по возвращеніи въ Петербургъ, прибавляетъ къ первымъ двумъ томамъ еще два.

Въ 1883 г., по порученію также Географич. Общества, Г. Н. Потанинъ отправляется въ новую экспедицію, въ срединный Китай, въ провинціи Ганьсу и Ордосъ и окранны Тибета. Изъ экспедиціи, длившейся три года, онъ возвращается въ Петербургъ лишь въ 1886 г. и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимается обработкой громаднаго матеріала. Въ 1892 г. онъ отправляется въ новое путешествіе, для продолженія изученія Тибета, но успѣлъ лишь пройти черезъ Ордосъ и обследовать Сы-чуань. Болѣзнь его жены, Александры Викторовны, а затѣмъ и кончина ея 19 сентября 1893 г. на пути въ Шанхай. (А. В. была вывезена экспедиціей и погребена въ Кяхтѣ) заставилъ Гр. Н.—ча вернуться, сотрудники же его—зоологъ М. М. Березовскій и геологъ В. А. Обручевъ остались въ Центральной Азій и продолжали работы.

Это было послѣднее путешествіе. Г. Н.—чъ оспротѣлъ. Слѣдующіе 5 лѣтъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, а затѣмъ переселился въ Иркутскъ, потомъ Красноярскъ и, наконецъ, съ 1902 г. окончательно утвердился въ Томскѣ.

Обезпеченный за его огромныя научныя заслуги скромной пенсіей, едва достаточной для одинокаго человѣка, Г. Н.—чъ въ Сибири остается дѣятельнымъ сотрудникомъ Отдѣловъ Географическаго Общества, сотрудникомъ газетъ, возбудителемъ широкой просвѣтительной дѣятельности, инициаторомъ крупнѣйшихъ начинаній.

Не настало время говорить объ этомъ подробно, но можно упомянуть, что напримѣръ, въ Томскѣ, по его инициативѣ и при его ближайшемъ руководствѣ и сотрудничествѣ, возникло въ 1903 г. «Иллюстрированное приложеніе» къ воскреснымъ номерамъ «Сибирской Жизни», при его ближайшемъ участіи возникъ Музей прикладныхъ знаній при Общ-вѣ попеч. о началн. образова-

и такія организаціи, какъ «Общество изученія Сибири» и «Литературно-артистическій Кружокъ», «Вышіе Женскіе Курсы», «Сибирскій Кружокъ студентовъ Томскаго Университета» и т. д.

Д. Л. Кузнецовъ.

Имя, которое совсѣмъ забыто,—развѣ кто изъ старыхъ томичей смутно его припомнить. А между тѣмъ оно заслуживаетъ памяти.

Дмитрій Львовичъ Кузнецовъ, по окончаніи Казанской Духовной Академіи, по совѣту писателя-сибиряка Гр. Зах. Елисеѣва, въ шестидесятыхъ годахъ устроился учителемъ словесности въ Томской мужской гимназіи и въ то же время состоялъ редакторомъ неофициальной части «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ ту пору Дмитрій Львовичъ былъ не только украшеніемъ гимназіи, а и центромъ, къ которому стремилось все хорошее и свѣтлое. Онъ устроилъ при гимназіи публичную бібліотеку, первую въ Томскѣ, сыгравшую огромную роль. Въ 1863—4 г.г. Кузнецовъ устраивалъ по субботамъ вечеринки, на которыхъ бывали гимназистка Анна Яковлевна Капустина, двѣ барышни Поповы, дочери тогдашняго директора гимназіи—все родственники, Гр. Н. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ и др.

Прерву немного свой рассказъ, чтобы ближе познакомить читателя съ дѣйствующими лицами и показать, какая между ними была связь.

Въ описываемое время и нѣсколько раньше въ Главномъ Управленіи Западной Сибири въ Омскѣ, служилъ совѣтникомъ Яковъ Капустинъ. Онъ служилъ раньше въ Тобольскѣ, откуда, кажется, былъ и родомъ. Семейное преданіе даже рассказываетъ, что въ его жилахъ течетъ и остяцкая кровь. Яковъ Капустинъ былъ женатъ на родной сестрѣ нашего знаменитаго химика Менделѣва, Екатерины Ивановны. Въ 1854—55 годахъ домъ Капустиныхъ въ Омскѣ представлялъ салонъ, въ которомъ собиралась молодежь съ высшимъ образованіемъ, занимавшаяся литературой, живописью и пр. Всѣ проѣзжавшіе черезъ Омскъ образованные люди—путешественники, политическіе ссыльные и пр. обязательно вводились въ этотъ салонъ. Петрашевецъ Дуровъ, сидѣвшій въ Омскомъ сѣрѣхъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ, не иначе называлъ Екатерину Ивановну, какъ «святая женщина». У супруговъ Капустиныхъ были дѣти: Михаилъ—нынѣ товарищъ предсѣдателя Государственной Думы; Федоръ—много летъ Дм. Льв. Кузнецова, и—Анна, въ описываемое время гимназистка, а потомъ лѣтъ бывший профессоромъ физики въ Томскомъ университетѣ; Евдокія же—вышедшая замужъ за учителя Ив. К. Смирнова. Иванъ Кузьмичъ былъ потомъ директоромъ Томской гимназіи, затѣмъ Иркутской, инспекторомъ Технологическаго Института въ Петербургѣ, но ушелъ оттуда, не желая примѣнять къ студентамъ строгости, какихъ требовало министерство, и, наконецъ, членомъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Смирновы—родители довольно извѣстнаго у насъ археолога Якова Ивановича Смирнова, работающаго въ Эрмитажѣ.

Отецъ упомянутыхъ барышень Поповыхъ, директоръ гимназіи, былъ женатъ на другой сестрѣ Менделѣва. Третья Менделѣва была замужемъ за декабристомъ Басаргинымъ; похоронивъ мужа, она, въ описываемое время, жила въ Томскѣ, въ верхнемъ этажѣ Ядринцеваго дома.

Возвращаясь къ прерванному рассказу.

На вечеринкахъ у Кузнецова прежде всего обсуждались вопросы, надъ разработкой которыхъ останавливался хозяинъ, обсуждались дѣла руководимой

ныя газеты, т. е. «Губ. Вѣдом.», намѣчались изслѣдованія, статьи и т. п. Общие вопросы о политикѣ, либерализмѣ, современныхъ событіяхъ въ литературѣ и жизни также были предметомъ вниманія собиравшихся на вечеринки. Весьма естественно, что какъ Потанинъ, въ то время секретарь Томскаго Статистическаго Комитета, такъ и Ядринцевъ стали сотрудниками редактируемыхъ Кузнецовымъ «Вѣдомостей». Вмѣстѣ же всѣ въ 1864 г. они и были арестованы, увезены въ Омскъ и посажены въ тюрьму.

Чтобъ показать, какая область больше всего интересовала Д. Л. Кузнецова и надъ чѣмъ онъ трудился, приведу перечень его статей, помѣщенныхъ въ «Томск. Губ. Вѣдом.». Работы Кузнецова сосредоточивались надъ архивными документами 1655 и 1656 г.г. и конца 18 ст. и на вопросахъ близкаго ему учебнаго дѣла.

Списки съ Нарымской, Кузнецкой и Красноярской окладныхъ книгъ—въ № 26 за 1863 г. и списокъ съ Енисейской окладной книги—въ №№ 10—12 за 1864 г.—Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Кетскаго острога—въ № 8 за 1862 г. Матеріалы для исторіи Сибири. Сборная книга ясаку 1692 г.—въ №№ 13—18 и 24 за 1864 г. Изъ старой сибирской жизни. Доношеніе святи. Степ. Копылова (1739)—въ № 47 за 1863 г.—О сибирскомъ казачествѣ—въ №№ 38 и 47 за 1863 г. О выгодахъ географическаго положенія города Томска—въ № 42 за 1836 г. Сибирскія народныя присловья—въ № 25 за 1863 г. Объ училищахъ Томской дирекціи за послѣднее пятилѣтіе—въ №№ 13—16, 18, 19, 21 и 23 за 1863 г. О постановленіяхъ педагогическаго Совѣта Томской Гимназіи, имѣющихъ отношеніе къ обществу—въ № 40 за 1864 г. Мысли объ устройствѣ въ Томскѣ ремесленной школы—въ №№ 14—15 за 1865 г.—Объ открытіи въ Томскѣ Маріинской Женской Гимназіи—въ № 36 за 1863 г.—Границы Колыванскаго Намѣстничества въ концѣ 18 ст.—въ № 23 за 1864 г.—Положеніе бѣглыхъ рабочихъ съ золот. промысловъ среди сибирской тайги (изъ подлинныхъ записокъ бродяги)—въ №№ 45, 47 и 48 за 1863 г.—Хлѣбопашество въ Нарымскомъ краѣ въ половинѣ 18 ст.—въ № 31 за 1864 г.—Соляная операція въ Колыванскомъ Намѣстничествѣ въ концѣ 18 ст.—въ № 19 и 21 за 1864 г.

Д. Л. Кузнецовъ, работая надъ архивными документами въ Томскѣ, сдѣлалъ обширныя выписки изъ архива Томскаго мужскаго Алексѣевского монастыря и увезъ этотъ матеріалъ съ собою въ Омскъ, когда былъ арестованъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ подготовилъ эти выписки къ печати, какъ «Матеріалы для исторіи Сибири» въ статьѣ, которая открывалась подобными же выписками изъ архива Областнаго Правленія, именно, выписками, сдѣланными Г. Н. Потанинымъ изъ Киндермановскаго архива, начинавшася 1745 годомъ .С. С. Шашковъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ съ товарищами, какъ трудолюбивый человѣкъ, къ тому же пользовавшійся этимъ матеріаломъ для своихъ историческихъ статей (Рабство въ Сибири, Иностранческій вопросъ и т. п.), переписалъ все это для отправки въ «Чтенія Московскаго Обществ. любит. древней письменности», гдѣ эти матеріалы были напечатаны, но, по оплошности, не отмѣтилъ, что выписки изъ архива Алексѣевского монастыря принадлежать Д. Л. Кузнецову.

Пользуюсь случаемъ указать здѣсь на эту оплошность.

Н. М. Ядринцевъ *).

Въ мои планы, конечно, не входитъ пересказать автобіографіи крупнѣйшаго печальника о Сибири. Я остановился здѣсь лишь на годахъ дѣтства и ученія, проведенныхъ Ядринцевымъ въ Томскѣ, и на той роли, какую онъ впоследствии игралъ въ общественной жизни Томска, куда неоднократно заѣзжалъ. Въ Томскѣ Н. М. пріѣхалъ вмѣстѣ съ родителями, переселившимся изъ Тюмени, девятилѣтнимъ мальчикомъ въ 1851 году. «Помню, пишетъ Н. М. въ своихъ воспоминаніяхъ, въѣздъ въ этотъ городъ, который съ дѣтства оставилъ во мнѣ самыя пріятныя, самыя нѣжныя воспоминанія. Мы пріѣхали въ большой домъ, расположенный среди прекраснаго сада, въ концѣ города, на Пескахъ**); противъ возвышалась гора съ большимъ крестомъ на верху (Шведская гора съ могилой Томскаго Коменданта); внизу горы ключъ, на который мы часто ходили. Это была первая поэтическая обстановка моего дѣтства, въ связи съ другими картинами содѣйствовавшая моимъ романтическимъ наклонностямъ. Я помню этотъ садъ и тихіе лѣтніе вечера, прекрасную зелень, цвѣты, фантастическія дорожки. Отецъ играетъ на балконѣ на флейтѣ; звуки льются въ вечернемъ воздухѣ; мать сидитъ и очищаетъ спѣлыя ягоды клубники. Мы носимся, какъ саврасы, по аллеямъ сада...» Это продолжалось не долго. Н. М. отъѣзди въ новый пансіонъ учителя французскаго языка, Прозоровскаго, для подготовленія въ гимназію. «Пансіонъ этотъ представлялъ не столько педагогическое заведеніе, сколько маленькую инквизицію», гдѣ злой учитель мучилъ дѣтей и избѣгалъ пытки, и выпускалъ идіотовъ, порочныхъ людей и негодяевъ. Пробывъ въ пансіонѣ 3 года, Н. М. поступилъ въ 3-й классъ гимназіи, въ 1854 г. «Какъ теперь помню, рассказываетъ Н. И. Наумовъ,***) въ ясный сентябрьскій день инспекторъ гимназіи, Прядильщиковъ, ввелъ въ третій классъ новаго ученика, тщедушнаго на видъ мальчика, въ новенькомъ, съ иголочки, вицъ-мундирѣ, прекрасно сшитомъ и сидѣвшемъ на стройной фигуркѣ его, въ брючкахъ со штрипками и въ лакированныхъ сапогахъ. Блѣдный, тщательно вымытый, причесанный и раздушенный, онъ своей фигурой составлялъ крайнюю рѣзкую контрасть съ одерганымъ населеніемъ класса, ходившимъ вѣчно въ

*) М и х, Л е м к е. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографич. очеркъ. Изъ 10-лѣтію со дня кончины. Изд. редакціи газеты „Востокъ. Обзоръ.“ СПБ., 1904 г. Эта книга главнымъ образомъ дала матеріалъ для настоящаго очерка. Пользуясь случаемъ, что бы внести нѣкоторыя поправки въ приложенный въ концѣ этой книги „Хронологическій перечень сочиненій Н. М. Ядринцева“. На стр. 208 отмѣчена статья „Нужны ли реформы Сибири. (Письмо изъ Томска)“, напечатанная въ № 47 газ. „Молва“ за 1881 г. Статья эта принадлежитъ мнѣ и написана въ Томскѣ, послѣ моего переезда сюда изъ Иркутска, съ помощіями редакціи „Сибиря“ попытаться перенести изданіе газеты въ Томскъ. Статья была написана подъ впечатлѣніемъ катастрофы, разразившейся надъ газетой въ 1880 г. Вотъ почему падаетъ и замѣчаніе составителя книги на счетъ противорѣчія въ изложеніи Ядринцевымъ исторіи газеты „Сибирь“ въ его автобіографіи и въ названной статьѣ „Молвы“; въ примѣчаніи на страницѣ 104 Лемке говоритъ: „Ошибка Н. М. тѣмъ болѣе странна, что онъ же самъ вѣрно изложилъ исторію „Сибиря“ и въ „Молвѣ“ за 1881 годъ“.

На стр. 209 отмѣчена статья „Исслѣдованія Сибири и Губернскія Вѣдомости“, помѣщенная въ № 6 „Вост. Обзоръ.“ за 1882 г.; статья эта также принадлежитъ мнѣ. *Авлоръ.*

**) Снимокъ съ этого дома помѣщенъ въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 121 „Сиб. Жизни“ за 1903 г. Это былъ угловый домъ на Миллюнной улицѣ и Хомяковскомъ переулкѣ, по той же линіи, гдѣ и Бесплатная Библіотека. Дома этого не существуетъ болѣе.

***) Н. Наумовъ. Н. М. Ядринцевъ въ Томской гимназіи. „Сибир. Сборн.“, 1895 г., . 4, стр. 1—2

стоптанныхъ и порывѣвшихъ отъ времени сапогахъ, усѣянныхъ заплатами, въ дырявыхъ вицъ-мундирахъ съ оторванными или висѣвшими на подобіе маятниковъ пуговицамъ... съ физиономіями, украшенными шишками и сняжками отъ постоянныхъ дракъ, съ волосами на головѣ, торчавшими дыбомъ отъ таски сотоварищей и наставниковъ. По странной случайности, приведеннаго новичка посадили рядомъ со мной. Это былъ Ядринцевъ». Около этого времени Н. М. знакомится, а потомъ сближается съ Д. Поникаровскимъ, учившимся классомъ старше. Вообще же Н. М. довольно быстро завязалъ дружескія отношенія съ товарищами по гимназій. Черезъ годъ Н. М.-чу пришлось разстаться съ Наумовымъ, который, не имѣя средствъ учиться, вышелъ изъ 4 класса и поступилъ вольноопредѣляющимся въ Омскъ. Въ 1858 г. умеръ отецъ Ядринцева, но это горе было смягчено для него тѣмъ, что въ это самое время въ Томскъ переѣхалъ переведенный на службу его старый пріятель Н. П. Наумовъ. Между тремя пріятелями возникла мысль устроить литературныя чтенія по воскресеньямъ, съ тѣмъ, чтобы къ каждому вечеру каждый что-нибудь написалъ. Собирались у Поникаровскаго. Такія книги, какъ «Современникъ» и «Отеч. Записки» читали до дыръ, а Бѣлинскаго знали лучше, чѣмъ учитель словесности. Такъ и текла жизнь Н. М., ровная, спокойная. Перейдя въ 7-ой классъ, онъ все больше мечталъ о поѣздкѣ въ Университетъ, но не потому, чтобы сознавалась важность переживаемаго тогда Россіей историческаго момента, послѣ крымскаго разгрома. Напротивъ, русскія событія, за отсутствіемъ телеграфа, дальностью разстоянія, непривычки къ чтенію, не заглядывали сибирское общество, находившееся въ сторонѣ отъ нихъ; шли эти событія мимо круга, въ которомъ вращался Ядринцевъ. Изъ этого святого невѣдѣнія случайно были выведены не только Ядринцевъ съ товарищами, а и все томское сонное царство. Въ 1860 г. въ Томскѣ остановился проѣздомъ петербургскій студентъ Николай Семеновичъ Щукинъ, не кончившій университета и назначенный учителемъ въ Ачинскъ. Случайно онъ поселился на квартирѣ у Ядринцевыхъ, въ нижнемъ этажѣ, а вверху жила вдова съ сыномъ. Воспроизведу, по воспоминаніямъ Ядринцева, впечатлѣніе какое произвелъ Н. С. Щукинъ. «Прійдя изъ гимназій, я увидѣлъ Н. С. Щукина. Это былъ высокій молодой человѣкъ, весьма стройный, немного сутуловатый; большая курчавая голова, открытое лицо, нѣсколько вздернутый носъ, на которомъ были очки, самоувѣренный быстрый взглядъ, увѣренная усмѣшка на губахъ и чуть замѣтная бородка, производили пріятное, располагающее впечатлѣніе. Онъ былъ въ учительской формѣ, съ сакъ-воляжемъ, трубкой въ рукахъ и въ оригинальномъ кашнѣ. Многіе помнятъ его подвижную фигуру, энергичную рѣчь, пламенную проповѣдь, его рѣзкіе приговоры всему отжившему, запасъ новыхъ общечеловѣческихъ идей, которыя онъ вынесъ изъ тогдашняго университетскаго круга, тѣхъ надеждъ, съ которыми онъ познакомилъ насъ и которыми жила тогда Россія, ждавшая освобожденія крестьянъ и своего обновленія. Студентъ Щукинъ, подвижной, неутомимый Рудинъ по натурѣ, студентъ въ душѣ, человѣкъ искавшій дѣятельности и прозелитовъ новаго ученія, упалъ къ намъ точно съ неба. Отъ него мы узнали впервые, что переживала Россія... мы въ первый разъ услышали о прогрессѣ, о человѣческомъ братствѣ, о лучшихъ стремленіяхъ человѣка... На насъ хлынуло все разомъ: европейская жизнь, исторія и идеи, волновавшая Европу полвѣка. Руссо и Вольтеръ, Дидро и Даламберъ, Кодоце—все для насъ было ново... Мы узнали, что для Россіи также доступно счастье, что въ ней предвидится великая работа, и мы также будемъ имѣть участіе въ ней, какъ будущіе студенты и будущіе граждане... Щукинъ принесъ вѣсти объ обновленіи университетской науки и литературы. Въ первый разъ съ жаждою

и съ восторгомъ мы узнали великія имена Виссаріона Бѣлинскаго, Грановскаго, Пушкина, Лермонтова; ихъ гражданская скорбь, ихъ ранняя гибель получили для насъ новый смыслъ... Въ это время уже показывался Добролюбовъ, и Щукинъ былъ его однокашникомъ сначала въ Педагогическомъ Институтѣ. Мы находили и слѣдили, что писалось объ освобожденіи крестьянъ. Нашъ новый знакомый передалъ о работѣ редакціонныхъ комитетовъ, о готовящемся уничтоженіи цензуры. Онъ знакомилъ съ послѣдними событіями и волненіями петербургскаго міра. Богъ знаетъ, откуда онъ добывалъ новости и новыя книги. Мы проводили цѣлыя ночи въ бесѣдѣ и поглощали новую литературу. Щукинъ, безпрестанно суетившійся, искавшій поклонниковъ, друзей и учениковъ, скоро сгруппировалъ около себя весьма разнородный кружокъ. И съ кѣмъ онъ только не перезнакомился: и молодые ученики гимназій, барышня, мечтавшая о педагогической дѣятельности,*¹) отставной смотритель училища—60-лѣтній старикъ, но философъ и оригинальный умъ,**²) «замѣчательный самородокъ» Д.***³)—человѣкъ замѣчательнаго ума и развитія; сѣльный Бакунинъ—европейская знаменитость, и тутъ же какой-нибудь полуграмотный поэтъ, стихи котораго понравились Щукину и онъ счѣшилъ отправить ихъ Добролюбову...» Н. С. Щукинъ, Иркутянинъ, большой сибирскій патриотъ. Еще въ свои студенческіе годы въ Петербургѣ онъ устраивалъ еженедѣльно сибирскіе журфиксы. Возвращаясь въ Сибирь въ 60 году, онъ задержался въ Томскѣ на цѣлый годъ и здѣсь устраивалъ съ такою же регулярностью журфиксы, на которыхъ бывали Ананинъ, присковой служащій Долгушинъ (братъ Курганскаго судьи), Ядринцевъ и многіе другіе.

Не мудрено послѣ этого, если стремленіе въ Университетъ приобрѣло въ сознаніи молодежи особое значеніе и смыслъ. Ядринцева такъ потянуло въ Петербургъ, что онъ не сталъ сдавать выпускныхъ экзаменовъ въ гимназій и уѣхалъ въ половинѣ 1860 г. вмѣстѣ съ матерью въ Петербургъ, чтобы поступить вольнослушателемъ въ Университетъ. Н. С. Щукинъ далъ ему рекомендательное письмо къ Гр. Н. Потанину, казачьему офицеру, бросившему службу для того, чтобъ поступить въ Университетъ, на естественный факультетъ. Здѣсь завязывается это знакомство, перешедшее въ горячую дружбу, ничѣмъ не омраченную до конца жизни Н. М.

Университетскія событія въ концѣ 61 г. повели къ закрытію Университета. Г. Н. Потанинъ, арестованный вмѣстѣ со многими другими студентами, просидѣвъ два мѣсяца въ Петропавловской крѣпости, уѣхалъ въ 1862 г. въ Омскъ. Но и Ядринцевъ не удержался здѣсь. Дождавшись открытія университета и увидѣвъ, что пребываніе въ немъ связано съ принятіемъ «матрикуль», вызвавшихъ беспорядки 61 г., онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми земляками, уѣхать въ Сибирь. «Явившись въ сибирское общество», отмѣчаетъ онъ въ одномъ рукописномъ наброскѣ, «у насъ явилась потребность скорѣе высказаться, передать, провести свои идеи въ жизнь, пробудить и заставить жить это общество. Мы неустанно пропагандировали вездѣ обновленіе Сибири, и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекціи и зажигать сердца...» Въ такомъ восторженномъ настроеніи Ядринцевъ пріѣхалъ въ Томскъ осенью 1863 г. Здѣсь онъ встрѣтилъ большую перемѣну общественныхъ настроеній. Тутъ была открыта публичная бібліотека, привлекавшая мо-

*¹) Ягодкина.

**²) Ананинъ.

***³) Долгушинъ, родной братъ Курганскаго судьи (яко послѣдствіи Красноярскаго прокурора).

лодежь; появилась такая свѣтлая личность, какъ учитель словесности въ мужской гимназiи Д. Л. Кузнецовъ п пр. Ядринцевъ заводитъ знакомства съ семинаристами, съ кружкомъ А. П. Пичугина и мн. др. и увлекается мыслью объ обновленiи Сибири, о своей просвѣтительной дѣятельности и т. п. О своихъ томскихъ впечатлѣнiяхъ онъ тотчасъ же написалъ Г. Н. Потанину въ Омскъ. «Представьте», между прочимъ, написалъ онъ ему: «на моемъ сердцѣ квартируетъ кабакъ».

Противъ Ядринцевскаго дома на Миллионной ул. была мелочная лавочка, гдѣ жила какая-то молоденькая дѣвушка—первая любовь Ядринцева. По возвращенiи же его въ Томскъ оказалось, что на мѣстѣ лавочки открытъ питейный домъ. Въ Томскѣ Н. М. пробылъ очень недолго. Похоронивъ въ Петербургѣ мать, онъ хотѣлъ ликвидировать свои дѣла въ Томскѣ и уѣхать къ своему другу Г. Н. Потанину, безъ котораго не могъ жить; онъ обожалъ и чтилъ его какъ отца и готовъ былъ слѣдовать за нимъ куда угодно. Перебравшись въ Омскъ, онъ занялся уроками, такъ какъ другихъ средствъ къ существованiю у него не было. Между прочимъ, онъ устроился домашнимъ учителемъ сына мѣстнаго жандармскаго полковника Рыкачева, въ семьѣ котораго пользовался и обѣдомъ. Рыкачевъ былъ яркимъ крѣпостникомъ и къ реформамъ Александра II относился отрицательно. Пылкій Ядринцевъ вступалъ съ Рыкачевымъ въ споры и всѣми силами защищалъ реформаторскую дѣятельность императора, обнаруживая при этомъ и свои сибирскiя патристическiя тенденци. Впослѣдствiи Рыкачевъ и погубилъ всю эту компанiю молодыхъ сибиряковъ, обвинивъ ихъ въ сепаратизмѣ.

Ядринцеву скоро пришлось разстаться со своимъ другомъ, такъ какъ Г. Н. Потанинъ зимою того же 1863 г. уѣхалъ съ экспедицiей К. В. Струве въ область озера Зайсана. Въ Омскѣ Ядринцевъ быстро завелъ знакомства, устраивалъ вечера, чтенiя, лекци, подбивая молодежь ѣхать въ Университетъ учиться. Въ это время его особенно занимаетъ мысль объ основанiи Сибирскаго Университета и онъ начинаетъ пропагандировать ее въ публичныхъ выступленiяхъ.

Возвратившагося изъ экспедицiи въ 1864 г. Г. Н. Потанина генералъ-губернаторъ назначилъ въ Томскъ Секретаремъ Статистическаго Комитета. Опять друзьямъ пришлось разстаться, но на этотъ разъ не надолго.

По приглашенiю Г. Н. Потанина, Ядринцевъ переселяется въ Томскъ съ тѣмъ, чтобъ приняться за дѣятельное сотрудничество въ «Томск. Губ. Вѣдомостяхъ», редактировавшихся Д. Л. Кузнецовымъ. Въ первомъ номерѣ «Вѣдомостей» за 1865 г. появилась его статья: «Сибирь въ 1 января 1865 г.» съ эпиграфомъ: «Vive la mort и да водрузится будущее». Вотъ небольшой кусочекъ изъ этой статьи. «Прошлое Сибири открываетъ намъ нашу мартирологию, печальную, безмолвно-страдальческую судьбу нашего народа, невѣжественное состоянiе нашего населенiя и отсутствiе самобытной жизни въ странѣ; это прошлое намъ не за что любить, мы о немъ можемъ только жалѣть. Пусть оно умираетъ и мы воскликнемъ: «Vive la mort и да водрузится будущее»..

Въ будущемъ наши надежды, въ будущемъ осуществленiе завѣтныхъ идеаловъ нашихъ. Наступаетъ время, когда Сибирь должна подумать о своихъ интересахъ и своемъ будущемъ. Настаетъ время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацiю, доставшуюся въ удѣлъ всему человѣчеству, безъ климатическихъ различiй и ограниченiй. Пусть сибирское общество соединится отъ Урала до Восточнаго океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начать жить умственной жизнью и заботиться о своемъ самобытномъ всестороннемъ развитiи.

Мы призываемъ, въ интересахъ страны нашей, образовывающаеся сибирское юношество въ російскихъ университетахъ, возвращаться на родину для служенія ей. Ему принадлежитъ разработка и изслѣдованіе дѣятельной страны нашей, ему принадлежитъ воспитаніе и образованіе своихъ земляковъ и созданіе того завитнаго будущаго, въ которое заживетъ страна наша лучшей жизнью. Мы надѣемся, что образованное сибирское юношество съ горячей патриотической любовью, съ гражданскимъ самопожертвованіемъ, начнетъ святой трудъ на благо своей родины. Этими надеждами мы начинаемъ новый годъ, самыми святыми надеждами, и желаемъ, чтобы скорѣе осуществились эти надежды, скорѣе начался приходъ грядущаго, въ которомъ мы видимъ занимающуюся зарю Сибири.»

Въ № 9 «Вѣдомостей» Ядринцевъ пишетъ гнѣвную отвѣдь на статью Шелгунова въ «Русск. Словѣ», не признававшего важнаго значенія и великой будущности родины Ядринцева. «Теперь, когда самая трудная минута пережита, когда край долженъ вступить на поприще болѣе широкой экономической дѣятельности и самобытнаго развитія, не время отнимать у него значеніе и ругаться надъ его будущимъ. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ стать въ оппозицію русскимъ публицистамъ, унижающимъ Сибирь», кричалъ 23-лѣтній энтузіастъ.

Въ самый разгаръ дѣятельности молодой Сибири надъ нею уже собиралась гроза. Весной того же 1865 г. были внезапно арестованы на заимкѣ Пичугина, во время естественно-исторической экскурсіи, Ядринцевъ, Потанинъ и Е. Я. Колосовъ и черезъ 3 дня увезены въ Омскъ. Началось, такъ называемое «дѣло о злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, стремившихся къ испроверженію существующаго въ Сибири порядка управленія и къ отдѣленію ея отъ имперіи».

Дальше идутъ годы тюремнаго заключенія, ссылки въ Архангельскъ и Шенкурскъ, петербургскій періодъ газетной и журнальной работы и, наконецъ, служба въ Главномъ Управленіи Западной Сибири въ Омскѣ.

Совершая лѣтомъ 1880 г. экскурсію на Алтай, по порученію генераль-губернатора Казнакова, для изученія современнаго состоянія инородцевъ Томской губ., Ядринцевъ, по окончаніи экскурсіи, заѣхалъ въ Томскъ и устроилъ публичный докладъ, въ которомъ познакомилъ съ добытыми имъ результатами. Это было послѣднее его общеніе съ томичами.

Н. И. Наумовъ.

Николай Ивановичъ Наумовъ—талантливый писатель-разсказчикъ изъ сибирскаго народнаго быта, «бытовикъ», какъ теперь такихъ писателей называютъ. Въ этомъ все его значеніе.

Въ тѣ немногіе юношескіе годы, которые провелъ онъ въ Томскѣ, участь въ гимназіи, опредѣлилось его призваніе и въ средѣ окружавшихъ его товарищей развернулись его способности, впоследствии сдѣлавшія его замѣтнымъ участникомъ въ русской литературѣ. Поэтому, сдѣлавъ сжатый очеркъ его жизни и дѣятельности, остановимся нѣсколько дольше на Томскомъ періодѣ его жизни.

Н. И. Наумовъ родился 16 мая 1838 г. въ Тобольскѣ. Дѣдъ его былъ дякономъ с. Самарова Березовскаго округа, а отецъ сначала служилъ прокуроромъ въ Омскѣ, а затѣмъ въ 1847 г. переведенъ былъ въ Томскъ Совѣтникомъ Губ. Управленія.

Мать Наумова научила его читать, когда ему было 5 лѣтъ и съ этого времени онъ пристрастился къ чтенію. Читалъ, что попало. Басни Крылова и «Юрій Милославскій» были выучены почти наизусть; потомъ Ерусалънъ Лазаревичъ, Гуакъ, Четія-Миннея, Библия, исторія Карамзина и т. п. ходовыя книги того времени прошли черезъ его руки.

Восьми лѣтъ онъ уже зналъ наизусть чуть не всего Пушкина. Семь лѣтъ лишившись матери, Наумовъ росъ одиночнмъ, заброшеннымъ ребенкомъ, не имѣя товарищей, не зная дѣтскихъ игръ. Естественно, что его друзьями и учителями стали книги. Но еще лучшую школою была сама жизнь, отрицательныя стороны которой ему пришлось наблюдать съ дѣтскихъ лѣтъ и воспринимать неизгладимыя впечатлѣнія страданій простого народа отъ произвола власти, отъ безправія, отъ угнетенія бѣдныхъ богатыми, кузаками и пр. Служившій у Наумова кучеромъ около 20 лѣтъ бывшій крѣпостной, сосланный въ Сибирь послѣ наказанія 500 ударами розогъ за то, что онъ явился къ барину, по уполномочію міра, съ жалобой на притѣсненія его управляющаго, оказался мастерскимъ рассказчикомъ. Маленькій Наумовъ съ захватывающимъ интересомъ слушалъ по вечерамъ рассказы Памфила о житеѣ бытѣ крестьянъ и проникался жалостью къ обиженнымъ, ненавистью къ обидчикамъ.

Когда отца перевели въ Томскъ и восьмилѣтній Наумовъ былъ отданъ въ гимназію, онъ явился среди своихъ товарищей самымъ развитымъ и начитаннымъ и скоро привлекъ ихъ любовь умѣлыми рассказами изъ прочитаннаго, видѣннаго и слышаннаго. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Томской гимназіи»*) Ядринцевъ говоритъ объ этомъ: «Будучи развитѣе другихъ, онъ много читалъ и обладалъ даромъ рассказывать. «Боролева Марго», «Монсоро», «Три мушкетера» составляли канву его рассказовъ, но также увлекательно онъ рассказывалъ иногда и историческія событія изъ прочитаннаго имъ «Аббата Милота». Когда надоѣдало «давить масло», мы садили его на столъ и цѣлымъ классомъ его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, какъ пролетитъ муха».

То же самое рассказываетъ другой товарищъ, Д. Поникаровскій, въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Н. М. Ядринцевѣ».**) «У насъ собирались Н. П. Наумовъ, П. П. Д. и П—вы, Е. Е. П—въ, А. А—кій, два брата С—ихъ и многіе другіе, бесѣдовали, шутили, спорили, рассказывали анекдоты, а также сообщали кто что читалъ.

Въ особенности отличался своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ Н. П. Наумовъ; какъ мнѣ помнится, у него съ Н. М. (т. е. Ядринцевымъ) были постоянныя пререканія и всегда Н. П. Наумовъ своимъ остроуміемъ побѣждалъ Н. М.—ча, острооты котораго были большею частью мягкія, забавныя и болѣе возбуждали душевный смѣхъ, а Н. П. Наумовъ остригалъ колко и противнику приходилось отъ его остроты очень жутко. Но всѣ эти собранія кончались всегда миролюбиво, и мы разставались довольные другъ другомъ и я не помню, чтобы когда либо выходила ссора».

Вотъ, значитъ, какимъ путемъ шло истинное образованіе юношей—гимназистовъ, гдѣ воспитывались ихъ вкусы, пріобрѣтались знанія, вырабатывалось міропониманіе, а не у гимназическихъ учителей. «Мы не учились», говоритъ Наумовъ,***) потому что намъ нечему было учиться у нашихъ пре-

*) «Сибирск. Сборникъ», 1888 г.

**) «Сибирскій Сборникъ», 1896 г., II.

***) Н. М. Ядринцевъ въ Томской гимназіи. «Сибирск. Сборн.», 1895 г., IV, 3.

подавателей, къ которымъ нельзя даже и примѣнять слова «преподаватель». Это было что то невозможное, состоящее изъ грязныхъ, вѣчно пьяныхъ драчуновъ, которые и сами-то ничего не знали». Именно въ этомъ товарищескомъ кружкѣ—«Современникъ» и «Отечеств. Записки» читали до дыръ, а Бѣлинскаго знали лучше, чѣмъ учитель словесности» и въ этомъ кружкѣ Наумовъ былъ самымъ развитымъ и начитаннымъ товарищемъ, и наиболѣе влиятельнымъ. Но это общеніе съ товарищами неожиданно прервалось вслѣдствіе выхода Наумова изъ четвертаго класса гимназій въ 1855 г. Вотъ что говорить съ этимъ близкій знакомый Наумова А. П. Скабичевскій:*) «Отецъ его въ это время вышелъ въ отставку съ 20 рублями въ карманѣ. Онъ рассчитывалъ скоро получить пенсію, но выдача ея затянулась на три года, и три года семья припуждена была терпѣть ужасающую нищету. Часто приходя изъ гимназій голодный, мальчикъ не имѣлъ чего поѣсть. Въ домѣ порой не было сальной свѣчи, и ложились спать засвѣтло, по нѣсколько дней зимой сидѣли въ нетопленной комнатѣ. Мальчикъ бѣгалъ зимой въ гимназію въ одной холодной шпелникѣ, безъ каюшъ, вмѣсто чулковъ обматывая ноги пачею бумагой и надевая на нихъ сапоги съ отпавшими подошвами. Наконецъ, онъ совсѣмъ обносился, и послѣ оскорбительно грубаго замѣчанія инспектора на счетъ одежды, отецъ принужденъ былъ взять его изъ гимназій». Не желая быть въ тягость семьѣ, Наумовъ поѣхалъ въ Омскъ и поступилъ въ военную службу юнкеромъ. Здѣсь совмѣстная жизнь съ солдатами способствовала изученію ихъ быта, а дружба съ умнымъ, развитымъ и много читавшимъ офицеромъ А. А. Зерчаниновымъ много помогла его самообразованію. Черезъ два года, въ сентябрѣ 1858 г. Наумовъ былъ переведенъ на службу въ Томскъ и здѣсь еще тѣснѣе сблизился со своими товарищами, Ядринцевымъ и Поникаровскимъ. Явилась мысль устраивать литературныя чтенія съ тѣмъ, чтобъ каждый изъ товарищей къ каждому вечеру приготовилъ какую-нибудь статейку. Для перваго вечера Наумовъ принесъ первый написанный имъ рассказъ: «Случай изъ солдатской жизни», въ томъ же году напечатанный въ «Военномъ Сборникѣ» подъ псевдонимомъ Корзунова; Поникаровскій написалъ рассказъ изъ охотничьей жизни, а Ядринцевъ какое-то стихотвореніе. Къ слѣдующему вечеру Наумовъ написалъ «шутливую рецензію во вкусѣ Сенковского» на рассказъ Поникаровскаго и стихотвореніе Ядринцева и очень разобидѣлъ послѣдняго, считавшаго себя недурнымъ версификаторомъ. «Помню, какъ меня обидѣлъ ядовитый Наумовъ, написавшій стихомъ Брамбуса злую критяку на какое-то мое стихотвореніе», отмѣчаетъ Ядринцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Но не эти колкія и злыя насмѣшки Наумова надъ музой Ядринцева были причиной прекращенія воскресныхъ собраній товарищей у Поникаровскаго, а скорѣе всего приближеніе экзаменовъ, къ которымъ надо было готовиться—для Поникаровскаго наступалъ выпускной экзаменъ, а Ядринцеву, какъ второгороднику, надо было очень позаботиться о переходѣ въ седьмой классъ.

Выше, въ очеркѣ посвященномъ Ядринцеву, я уже указывалъ, какъ всколыхнуло Томскую молодежь появленіе здѣсь Щукина въ 1860 г. Захватилъ оно и Наумова. «Я нашелъ своихъ друзей обновленными, исчезъ мрачный байроновскій взглядъ на жизнь у Наумова, братья С. толковали о новыхъ вопросахъ и собирались въ Университетъ, угрюмый оживился, бродилъ какъ въ туманѣ добрый мой П. Всѣ мы нетерпѣливо ждали выѣзда въ университетъ».

*) А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1898 г.г. 4 изд., СПБ. 1900 г., стран. 247.

Самъ Ядринцевъ, какъ уже было разсказано, не утерпѣлъ, вышелъ изъ гимназiи, не давъ выпускнаго экзамена, и въ 1860 г. прiѣхалъ въ Петербургъ. Познакомившись съ Г. Н. Потанинымъ, онъ разсказалъ ему о талантливомъ товарищѣ Н. И. Наумовѣ и его разсказахъ въ печати. Это дало поводъ Потанину написать Наумову въ Томскъ письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ ему прiѣзжать въ Петербургъ, учиться. Наумовъ внялъ совѣту и по прiѣздѣ въ Петербургъ, прямо съ вокзала направился къ Потанину, сразу заявивъ, что у него нѣтъ ни копѣйки денегъ, такъ что ему нечѣмъ расплатиться даже съ извозчикомъ. При такихъ условiяхъ понятно, что Наумовъ и поселился у Потанина. Гр. Ник—чу пришлось послѣ этого выслушать отъ своихъ товарищей не мало укоровъ въ томъ, что онъ смущаетъ молодежь, не считаясь съ ея матеріальнымъ положенiемъ и ставитъ ее въ такія условiя, которыя могутъ оказаться гибельными для нея.

Вскорѣ компанія сибиряковъ устрѣсилась на одной квартирѣ на Васильевскомъ островѣ—Ядринцевъ въ одной комнатѣ съ Наумовымъ, рядомъ жилъ казачій офицеръ Ф. Н. Усовъ, въ слѣдующей комнатѣ Г. Н. Потанинъ съ студентомъ Куклинымъ и, наконецъ, четвертую, самую маленькую комнату занималъ И. А. Худяковъ, молодой мнѣологъ, собиратель и издатель сказокъ. «Самый бѣдный изъ насъ», разсказываетъ Г. Н. Потанинъ, «былъ Худяковъ; онъ питался только хлѣбомъ съ масломъ, и больше у него ничего не было. Мы были побогаче; четверо—Ядринцевъ, Наумовъ, Куклинъ и я обѣдали вмѣстѣ; мы покупали картофель, варили въ кухнѣ у хозяйки и ѣли его съ масломъ,—вотъ и весь нашъ обѣдъ въ теченiе цѣлой зимы».

Начавъ въ Петербургѣ жизнь полную лишенiй, Наумовъ наукой и не могъ заниматься и не думалъ о поступленiи въ Университетъ, а принялся за обработку своихъ наблюденiй надъ солдатскою жизнью и сдѣлалъ одинъ разсказъ изъ солдатскаго быта Погосокскому, издававшему журналъ для солдатъ «Народную Бесѣду». За напечатанный разсказъ Наумовъ получилъ гонораръ. Затѣмъ онъ познакомился съ Калиновскимъ, издателемъ журнала «Свѣточъ», въ которомъ помѣстилъ нѣсколько разсказовъ въ 1861 г. подъ заглавiемъ: «Мирныя сцены изъ военнаго быта». Эти разсказы, помимо полученнаго за нихъ гонорара, обратили на себя вниманiе и открыли Наумову доступъ въ литературный кружокъ Милюкова, у котораго происходили редакціонныя собранiя и гдѣ онъ встрѣчался съ писателями Достоевскимъ, Антоновичемъ и др. Благодаря новымъ знакомствамъ онъ получилъ приглашенiе отъ Курочкина сотрудничать въ «Искрѣ», гдѣ были напечатаны въ 1862 г. юмористическія сцены «Горе облечителю» и нѣсколько мелкихъ статей юмористическаго содержанiя, а затѣмъ и отъ Гр. З. Елисѣева, редактора «Очерковъ». По особенное вниманiе Наумовъ обратилъ на себя задушевнымъ разсказомъ изъ народной жизни «У перевоза», появившимся въ «Современникѣ» въ 1863 г.

Но литературный заработокъ давалъ слишкомъ малое обезпеченiе, къ тому же Наумовъ былъ очень лѣнивъ, часто впадалъ въ хандру и выражалъ недовольство.

Какъ-то прiѣхалъ въ Петербургъ изъ Tobольска бывший тамъ губернаторомъ А. П. Деспотъ-Зеновичъ и обратился къ знакомому писателю Сергѣю Максиму съ просьбой порекомендовать ему хорошихъ людей, которыхъ бы онъ могъ взять къ себѣ на службу. Максимовъ указалъ ему Наумова и Южакова (пермяка). Наумовъ выразилъ свое согласiе и былъ назначенъ Становымъ. За время этой службы онъ написалъ, между прочимъ, очеркъ: «Юрская» (рыбная ярмарка). Затѣмъ онъ перешелъ на службу въ Омскъ, въ Контрольную Палату, гдѣ Управляющимъ былъ Петровъ, и впоследствии, при сво-

ей быстрой служебной карьерѣ, не мало помогавшій Наумову. За это время въ «Отеч. Записк.» и «Дѣлѣ» появляется цѣлый рядъ его разсказовъ изъ жизни сибирскихъ крестьянъ. Въ 1873 г. Наумовъ вышелъ въ отставку и перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ собралъ свои разсказы и въ 1874 г. выпустилъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Сила солому ломить»; среди молодежи, и особенно въ народническихъ кругахъ, эти разсказы пользовались большою популярностью, создавшею автору выдающееся положеніе среди беллетристовъ—народниковъ.

Къ этому же времени относится женитьба Наумова на томичкѣ Татьянѣ Христовнѣ Поповой, принадлежавшей къ очень извѣстной фамиліи первыхъ сибирскихъ золотопромышленниковъ.

Такъ какъ литературнаго заработка для приличной жизни семейнаго челоука въ Петербургѣ не доставало, Наумовъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, потомъ устроился на службѣ въ Банкѣ, но вездѣ онъ ничего не дѣлалъ, отовсюду ему приходилось уходить изъ-за своей лѣни. Писалъ онъ также не особенно много, помѣщая свои разсказы въ «Русскомъ Богатствѣ», «Устояхъ» и «Восточн. Обзор.» и выпуская затѣмъ отдѣльными сборниками: «Въ тихомъ омутѣ» (въ 1881 г.), «Въ забытомъ краю» (1882 г.), «Паутина» (1888 г.). Въ это время знакомые Николая Ивановича, посѣщая его, заставляли его чаще всего лежачимъ на боку; онъ стоналъ и охалъ, жаловался, при его мнительности, на каверны въ легкихъ и все жилъ ожиданіемъ, когда они съ Танечкой получатъ, по рѣшенію суда, ожидаемое наслѣдство ---прінеки. Охи и жалобы дошли до его старыхъ покровителей А. И. Деспота-Земовича и Петрова и они устроили назначеніе Наумова на должность Крестьянскаго Начальника въ Мариинскѣ въ 1884 г., гдѣ онъ также не отличался трудоспособностью, но все-таки служилъ. При проѣздѣ Наумова черезъ Томскъ, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время, къ нему, со страхомъ и трепетомъ, явились два гимназиста, никогда не видавшіе никакого «писателя» и непремѣнно желавшіе повидать того, чьи разсказы волновали ихъ души. Они терпѣливо ждали, пока «писатель» почивалъ. Потомъ онъ вышелъ къ нимъ въ какомъ-то ватномъ халатѣ, усадилъ пить чай и все выспрашивалъ. Гимназисты во все глаза разглядывали «писателя» и особенно поразилась его костлявыми руками и длинными пальцами и потомъ все удивлялись: «какъ это такими костлявыми, некрасивыми пальцами можно писать такіа прелестныя вещи.*) Очевидно, иныхъ впечатлѣній отъ свиданія съ Наумовымъ почитатели не вынесли. Но они не знали, что постель, халатъ и чай для лѣниваго Наумова были такъ характерны.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы Крестьянскимъ Начальникомъ, Н. И. Наумовъ былъ назначенъ Непремѣннымъ членомъ Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ отъ Алтайскаго округа и это вполнѣ его устроило. Должность эта представляла синекуру. Наумова приглашали на засѣданія, лишь когда тамъ разсматривались дѣла, затрогивавшія интересы Кабинета Его Величества. Онъ жилъ себѣ тихо, много лѣтъ все на одной и той же квартирѣ, въ верхнемъ этажѣ дома Зефирова, на углу Никитинск. и Гоголевской ул. Несмотря на большой досугъ, онъ не занимался и писательствомъ.

Общественными дѣлами онъ и вообще никогда не занимался и не принималъ въ нихъ никакого участія. Еще при жизни его, въ 1897 г. въ Петербургѣ были изданы: «Сочиненія Н. И. Наумова» въ 2 т., содержація чуть ли не все имъ написанное.

*) Иллюстрир. прилож. къ № 143 „Сибирск. Жизни“ за 1904 г., ст. Ав. Г—ва.

Въ должности Непремѣннаго члена Наумовъ и скончался въ Томскѣ 10 декабря 1901 г., 63½ лѣтъ отъ роду. Могила его находится на кладбищѣ женскаго монастыря, близъ деревянной рѣшетки между двумя церквами, отдѣляющей монастырскій дворъ отъ кладбища, въ профессорскомъ участкѣ, близъ могилъ Тимофеевскаго, Галахова, Кобылинной и др. Въ изголовьи могилы поставленъ простой восьмиконечный изъ досокъ крестъ, обращенный въ бѣлую краску, съ двухсторонней надписью .

И. А. Кушевскій.

Галерея сибирскихъ писателей очень не велика,— некультурная, необразованная Сибирь не имѣла сколько нибудь благоприятныхъ условій для того, чтобъ выдѣлить своихъ, отмѣченныхъ печатью таланта, сыновъ и обезпечить ихъ развитіе. Если эти рѣдкіе, немногіе люди выбивались изъ тины обыденности, то пменно потому, что они были отмѣчены печатью таланта. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ слѣдуетъ рассказать объ этихъ людяхъ, закрѣпить память о нихъ въ потомствѣ, спасая отъ забвенія.

Едва ли не самымъ забытымъ изъ этой галереи сибиряковъ является И. А. Кушевскій, питомецъ Томской гимназіи. Хотя онъ учился въ гимназіи одновременно съ Н. М. Ядринцевымъ и Н. И. Наумовымъ, но они другъ друга не знали—Кушевскій былъ значительно моложе ихъ—Ядринцева на 5, а Наумова на 9 лѣтъ. Это, впрочемъ, вполне естественно среди школьниковъ, призваніе и обликъ которыхъ ничѣмъ не опредѣлялись, а школьныя обязанности и привязанности завязываются и покоятся совѣмъ на иныхъ основаніяхъ. Въ этихъ условіяхъ школьникъ можетъ почти не знать своего одноклассника и свести дружбу съ ученикомъ другого класса. Такъ оно вышло и здѣсь. Томичи, почти сверстники, съѣхавшись въ Петербургъ и выступивъ на литературное поприще, оставались и здѣсь чуждыми другъ другу, не были знакомы и здѣсь и, можетъ быть, мало интересовались другъ другомъ.

Въ жизни Томска Кушевскій не игралъ никакой роли, помимо годовъ своего ученья, и если я на этомъ останавливаюсь здѣсь, то съ единственной цѣлью напомнить о немъ и побудить тѣхъ, кому представится случай, собрать о немъ болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ какія имѣются въ литературѣ.*)

Иванъ Афанасьевичъ Кушевскій родился въ 1847 г. Гдѣ онъ родился, въ Красноярскѣ или Томскѣ, кто были его родители, въ какой средѣ онъ воспитывался, какъ учился, въ какихъ условіяхъ складывалось его міросозерцаніе, вообще о его дѣтствѣ и юношескихъ годахъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Извѣстно только, что отецъ его былъ какой то чиновникъ, что сынъ учился въ Томской

*) И. А. Кушевскій. „Голосъ“, 1876 г., № 223.

— Иванъ Афанасьевичъ Кушевскій. Не-рологъ. „Иллюстр. Газета“, 1876, № 33.

— И. А. Кушевскій. Не-рологъ. „Недѣля“, 1876, № 29.

— Два слова по поводу смерти И. Кушевскаго. Статья А. К. „Пчела“, 1876 г., № 34.

— Некрологъ И. А. Кушевскаго. „С.-Петербург. Вѣдом.“, 1876, № 223.

— Литературная лѣтопись. Смерть И. А. Кушевскаго. Его романъ „Николай Негоревъ“. Статья В. М. „С.-Петербург. Вѣдом.“, 1876, № 237.

— И. А. Кушевскій. Некрологъ. Статья Н. Ядринцева „Сибирь“, 1876, № 40

— Писатель-пролетарій. (Памяти И. А. Кушевскаго) В. Горленко. „Москов. Обзоръ-ніе“, 1877, № 41, стр. 263—270 и № 42, стр. 307—311.

— Кушевскій (Иванъ Афанасьевичъ). „Энциклопед. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XVII, стр. 147.

— И. А. Кушевскій. Статья П. С. „Пчела“, 1877, № 15.

гимназін и въ 1866 г. прїѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ велъ жизнь безпрїютнаго пролетарія, болѣе или менѣе извѣстную пишущей братіи, съ которою Куцевскій сталкивался. Здѣсь онъ сочинялъ рассказы и помѣщалъ ихъ въ «Искрѣ», въ «Петербург. Вѣдом.» и др. изданіяхъ, но этотъ заработокъ былъ настолько скуденъ, что онъ вынужденъ былъ выступать въ роли поденнаго чернорабочаго. Разъ во время такой работы при разгрузкѣ баржи, Куцевскій, перевоза тачку съ еудна на берегъ, оборвался и упалъ въ Неву. Его вытащили изъ воды, но онъ простудился и слегъ въ больницу. Здѣсь то онъ и задумалъ, и началъ писать большой романъ «Николай Негоревъ или вѣтосолучный россиянинъ», единственное произведеніе, обнаружившее его талантъ и сдѣлавшее его извѣстнымъ. Чтобы купить бумаги и свѣчу, Куцевскій долженъ былъ продавать другимъ больнымъ свои порціи мяса, настолько онъ былъ нищъ. Когда романъ былъ оконченъ, Куцевскій отнесъ его Некрасову для «Отечеств. Записокъ». Некрасовъ, такъ умѣвшій прозрѣвать нарождающіеся таланты, отнесся къ Куцевскому весьма внимательно, и выдачей аванса выручилъ его, а затѣмъ, въ 1871 г. напечаталъ его произведеніе въ своемъ журналѣ. Уже въ слѣдующемъ 1872 г. романъ былъ изданъ отдѣльною книгою. Романъ этотъ носитъ автобіографическій характеръ, въ немъ описывается Томская гимназія съ ея наставниками и учениками и ихъ жизнью.

Куцевскій продолжаетъ писать рассказы и становится болѣе или менѣе постояннымъ сотрудникомъ «Новостей», «Сына Отечества» и «Пчелы», въ качествѣ литературнаго обозрѣвателя, становится даже редакторомъ какаго то бульварнаго журнала, но развившаяся страсть къ вину постепенно овладѣваетъ имъ и онъ начинаетъ терять человѣческой обликъ.

Живые, бойкіе рассказы его, красивые по формѣ, остаются незначительными по содержанию. Талантъ его быстро гаснетъ, а, наконецъ, и самъ онъ, чухній, съ отекившимъ отъ пьянства лицомъ, гаснетъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, 29 лѣтъ. Куцевскій скончался въ 1876 г.

Кромѣ его романа «Николай Негоревъ», въ 1875 г. вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ «Маленькіе рассказы. Очерки, картинки и легкіе наброски» и наконецъ, 6 лѣтъ спустя послѣ его смерти, вынуждены его «Неизданные рассказы». Кромѣ «Николая Негорева», Куцевскій использовалъ мѣстный матеріалъ съ успѣхомъ для очерка изъ сибирской горнозаводской жизни, напечатаннаго въ «Отеч. Запискахъ» за 1876 г.

В. В. Плотниковъ (епископъ Борисъ).

Владимиръ Владимировичъ Плотниковъ питомецъ, а потомъ и преподаватель Томской Духовной Семинаріи, гдѣ онъ учился одновременно съ Ф. П. Любимовымъ.

Въ 80-хъ годахъ я былъ знакомъ съ нимъ, такъ какъ онъ принималъ изрѣдка участіе въ «Сибирской Газетѣ», въ качествѣ сотрудника. Къ сожалѣнію, въ моей памяти не осталось впечатлѣнія отъ знакомства съ этимъ незауряднымъ человѣкомъ и потому я сообщу о немъ по запискѣ К. Храневича.*)

В. В. Плотниковъ—сынъ столоначальника Красноярскаго Духовнаго Правленія. Родился въ 1855 г. въ Красноярскѣ. Первоначальное образованіе по-

*) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. V, стран 328—337.

лучилъ во Владимирскомъ Дѣтскомъ Пріютѣ и Духовномъ Училищѣ въ Крас-
неярскѣ, а затѣмъ на казенный счетъ былъ отправленъ въ Томскую Духов-
ную Семинарію. Последнюю онъ окончилъ первымъ ученикомъ въ 1876 г. и
на казенный же счетъ посланъ въ Казанскую Духовную Академію, которую
и окончилъ въ 1880 г. со степенью кандидата богословія.

Здѣсь онъ еще студентомъ обратилъ на себя вниманіе своей начитан-
ностью и солидной подготовкой, которую обнаружилъ въ своихъ работахъ, пе-
чатавшихся въ «Филологич. Запискахъ».*) такъ что Совѣтъ Академіи пред-
положилъ назначить его приватъ-доцентомъ по кафедрѣ словесности и исто-
ріи литературы. Но этого не случилось. Приѣхавшій въ Казань во время вы-
пускныхъ экзаменовъ Начальникъ Японской миссии епископъ Николай угово-
рилъ Плотникова поступить на службу въ миссію и получилъ на это его со-
гласіе. Но сдать экзамены и приѣхавъ въ Петербургъ, чтобы собраться въ да-
лекій путь, Плотниковъ встрѣтился съ требованіемъ епископа Николая при-
нять монашество, безъ чего назначеніе въ миссію не можетъ состояться. На
это требованіе Плотниковъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и тѣмъ навлекъ
съ разныхъ сторонъ неудовольствія на свою голову. Какъ послѣдствіе этихъ
неудовольствій, было вынужденное для него назначеніе на должность препода-
вателя въ Томской Духовной Семинаріи по кафедрѣ словесности съ исто-
ріей русской литературы и логики, на которой онъ пробылъ до августа 1884
года. Эти четыре года пребыванія въ Томскѣ были самымъ тяжелымъ време-
немъ въ его жизни; съ привычками и вкусамъ кабинетнаго ученаго, онъ ис-
пытывалъ въ Томскѣ тоску по книжнымъ сокровищамъ, которыми богаты
библиотеки только высшихъ учебныхъ заведеній и столицъ. Вотъ что писалъ
Плотниковъ объ этомъ періодѣ своей жизни профес. П. А. Водуану-де Кур-
тена: «Я прожилъ въ Томскѣ четыре очень печальныхъ года, самыхъ тя-
желыхъ въ моей жизни, въ теченіе которыхъ сильно притупили свои даро-
ванія и растерялъ много познаній. Я сталъ уже думать, что, должно быть,
придется сгнать мнѣ въ Сибири и отъ такого мрачнаго настроенія едва не до-
шелъ до умопомѣшательства въ концѣ 1883 г.»

Въ 1884 г. Плотниковъ избранъ былъ Совѣтомъ Казанской Духовной
Академіи на вакантную кафедру метафизики, а уже въ началѣ 1886 г. полу-
чилъ степень магистра за капитальный трудъ «Исторія христіанскаго просвѣ-
щенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности»,—тема,
которая его занимала добрыхъ десятокъ лѣтъ. Въ томъ же году онъ принялъ
монашество, съ нареченіемъ имени Бориса, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ
назначенъ, въ санѣ архимандрита, инспекторомъ Московской Духовной Ака-
деміи, съ предоставленіемъ ему кафедры «Введенія въ кругъ богословскихъ на-
укъ».—Въ 1888 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ Кіевской Духовной Акаде-
міи и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторомъ журнала «Руководство для сельскихъ
пастырей». Въ этотъ періодъ своей жизни онъ особенно много написалъ. Въ
сочиненіи «Главные черты арійской доисторической культуры по даннымъ
сравнительнаго языкознанія» онъ пришелъ къ выводу, что «арійскій перво-
бытный народъ, ставшій родоначальникомъ важнѣйшихъ культурно-историче-
скихъ народовъ, въ томъ числѣ нашего народа русскаго, былъ высокодарови-
тымъ народомъ, носившимъ въ себѣ зачатки того блестящаго развитія куль-
туры, плодами котораго теперь пользуемся мы, его потомки».

*) Наприм., своимъ изслѣдованіемъ „О сравнительной мѣологии Макса Мюллера. Изло-
женіе и критика новѣйшей лингвистической теории миеовъ“.

Въ 1892 г. архим. Борисъ былъ переведенъ на высшій постъ ректора Петербургской Духовной Академіи, но въ этой должности пробылъ съ небольшимъ годъ. Служебныя непріятности и плохой климатъ настолько расшатали его слабое здоровье, что онъ сталъ просить о переводѣ на югъ и былъ назначенъ настоятелемъ поселской церкви въ Константинополь.

Такъ завершился 14 лѣтній періодъ его педагогической дѣятельности, которую г. Храневичъ обрисовалъ такими чертами: «Призванный къ нравственному руководству лучшей части духовнаго юношества, о. Борисъ въ этой роли пользуется прочными и при томъ прогрессивно возрастающими симпатіями молодого поколѣнія, съ присущей ему чуткостью сразу и безошибочно угадываема въ о. Борисѣ лучшаго друга. Мало сказать—симпатіи. То чувство, которое питали студенты академіи къ о. Борису, у болѣе восторженныхъ натуръ переходило прямо въ обожаніе. Преклоняясь предъ нравственными качествами высокой и чистой личности о. Бориса, студенты особенно цѣнили ту черту въ отношеніяхъ своего начальника, которая состоитъ въ отсутствіи всего начальническаго, всего напускнаго. Самъ строгій монахъ-аскетъ, о. Борисъ никогда не утруждалъ своихъ питомцевъ тою прошною моралью, которая обыкновенно пропускается мимо ушей и вызываетъ лишь пронищское чувство. Кто учился въ академіи при о. Борисѣ, тотъ помнитъ, какой непринужденный характеръ имѣли тогда обычныя еженедѣльные собранія дежурныхъ, приходившихъ къ о. ректору съ изложеніемъ студенческихъ дѣлъ. Начинаясь дружеская бесѣда, затягивавшаяся на продолжительное время. Въ залѣ собраній Совѣта, гдѣ обыкновенно собирались для этого доклада, на предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ о. Борисъ—высокій и худой монахъ, съ доброю и кѣскольکو грустною улыбкою на устахъ, а вокругъ длиннаго стола располагались десятка два молодыхъ людей. Никто не чувствовалъ стѣсненія, точно въ родной семьѣ, всякій говорилъ свободно и непринужденно. И не нужно думать, будто бы о. Борисъ пользовался любовью учащихся благодаря какому-нибудь поблажкамъ съ своей стороны. Этого-то имени и не было. Сколько разъ случалось студентамъ получать отказъ на свои ходатайства, но это никогда и ни въ комъ не вызвало неудовольствія и раздраженія. Для всякаго видно было, что отказъ о. Бориса вытекалъ не изъ прихоти или личнаго произвола, а вызывается необходимостью».

Хорошо знакомый съ жизнью и строемъ всѣхъ нашихъ Духовныхъ Академій и съ запросами молодежи, Плотниковъ былъ сторонникомъ уничтоженія этихъ академій, какъ таковыхъ, и превращенія ихъ въ богословскіе факультеты при университетахъ.

Крупный и плодовитый духовный писатель, Плотниковъ накопилъ въ духовной литературѣ значительное наслѣдство, въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей. Одна книжка въ видѣ сборника его статей, подъ заглавіемъ «Изъ церковно-общественной жизни въ Сибири», была издана въ Томскѣ, въ 1884 г.

Всѣ труды Плотникова, знавшаго классическіе и европейскіе языки, отличаются добросовѣстной разработкой предмета, знаніемъ и свободой отъ специфически-богословскій односторонности, а иногда оригинальностью и свѣжестью взглядовъ. Этими послѣдними качествами особенно отличается его сочиненіе «Основныя принципы исторіи научной литературы», въ которомъ авторъ намѣчаетъ широкія рамки для критической оцѣнки литературныхъ произведеній и требуетъ, чтобъ ихъ разсматривали въ связи съ явленіями общественной жизни. Извѣстный философъ В. В. Лесевичъ, штудирова русскіхъ и иностранныхъ авторовъ по этому вопросу, нашелъ, что не только среди русскіхъ писателей инте-

рессовавшихся этимъ предметомъ Кирпичникова, Ал. Веселовскаго и Плотникова, а и вообще среди писателей самая вѣрная точка зрѣнія на предметъ принадлежитъ, по его мнѣнію, Плотникову, явившемуся здѣсь позитивистомъ.

Этотъ выводъ изъ своего изученія Лесевичъ высказалъ Г. Н. Потанину.

Точно также въ своей работѣ «О сравнительномъ достоинствѣ классицизма и реализма въ воспитаніи» онъ призналъ, что реальное образованіе имѣетъ глубокіе корни въ исторіи и потребностяхъ современной общественной жизни.

Черезъ 5 лѣтъ службы въ Константинополѣ онъ снова былъ переведенъ въ Петербургъ, на тотъ же постъ ректора Духовной Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возведенъ въ санъ епископа Ямбургскаго, викарія Петербургской митрополіи. Въ январѣ 1901 г. состоялось его назначеніе присутствующимъ въ св. синодѣ и председателемъ училищнаго совѣта при синодѣ. Это было послѣднее назначеніе. За послѣдніе 10 лѣтъ онъ писалъ уже очень мало,—пная дѣятельность мѣшала этому... Его и безъ того слабое здоровье еще болѣе пошатнулось вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками и ему пришлось снова уѣхать на югъ, гдѣ онъ и скончался въ Гурзуфѣ 17 сентября 1901 г., на 47 году отъ роду.

Ө. П. Любимовъ.

Оригинальный человекъ! О немъ я знаю только со словъ Г. Н. Потанина. Въ литературѣ его имени не встрѣчалъ. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ одновременно учились въ Томской Гимназіи Н. М. Ядринцевъ, Н. И. Наумовъ и самый младшій среди нихъ П. А. Куцевскій, а въ Духовной Семинаріи—Влад. Влад. Плотниковъ и Ө. П. Любимовъ.

Если въ развитіи гимназистовъ игралъ какую-либо роль Д. Л. Кузнецовъ, то на семинаристовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, имѣлъ самое рѣшительное вліяніе мѣстный торговецъ Андр. Пр. Пичугинъ, человекъ большого ума и выдающагося характера. Онъ приохотилъ ихъ къ чтенію, пользуясь открытой Д. Л. Кузнецовымъ при гимназіи публичной бібліотекой, велъ съ ними бесѣды, руководилъ ими, помогалъ матеріально, устраивалъ и т. п. Въ числѣ таковыхъ его питомцевъ былъ и семинаристъ Любимовъ. Кончивъ Томскую Духовную Семинарію, онъ, подъ вліяніемъ Пичугина, стремился продолжать свое образованіе въ Университетѣ, но не имѣя никакихъ средствъ для этого, находился въ затрудненіи. Является онъ съ рекомендательнымъ письмомъ Пичугина къ Н. М. Ядринцеву и проситъ его отправить въ Петербургъ, хотя бы въ качествѣ прислуги. Комбинація эта скоро удалась. Собиравшійся въ Петербургъ генераль-губернаторскій чиновникъ Крупениковъ согласился увезти его въ качествѣ своего слуги.

Любимовъ поступаетъ въ Университетъ и погружается въ занятіе науками и чтеніе. Всего больше его увлекала, какъ говорятъ, книга Кювье. Средства къ существованію онъ добывалъ уроками. Поселившись въ семьѣ ***, въ качествѣ домашняго учителя, Любимовъ увлекается своей хозяйкой и убѣгаетъ съ нею на Кавказъ. Здѣсь у нихъ родился сынъ. Затѣмъ мать возвращается къ мужу, а Любимовъ съ ребенкомъ приобретаетъ клочекъ земли и поселяется около Туапсе. Ведя небольшое хозяйство, онъ въ то же время много читалъ и размышлялъ. Всего больше приковывали его вниманіе вопросы педагогическіе, по которымъ онъ пришелъ къ оригинальнымъ выводамъ. Въ нихъ онъ держался возрѣній, діаметрально противоположныхъ Спенсеру, котораго не выносилъ. Серг. Ннк. Кривенко, написавшій книжку, посвященную вопросамъ о физи-

ческомъ воспитаніи дѣтей, изложилъ въ ней мысли и взгляды Любимова на воспитаніе; самая книжка есть результатъ бесѣды Кривенко съ Любимовымъ.

Какъ оригинальны были воззрѣнія Любимова, такъ своеобразна была и его жизнь. Онъ стремился обходиться во всемъ безъ посторонней помощи, довольствуясь наименьшимъ. Все дѣлалъ самъ — пахалъ, сѣялъ, косилъ, ткалъ; рубашки носилъ только собственной работы. Въ то же время онъ систематически закалялъ свой организмъ, приучая его переносить жаръ и холодъ, и для этого ложился спать въ лужу. Онъ выучился плавать и довелъ искусство это до того, что на Черномъ морѣ не имѣлъ соперниковъ, — онъ уплывалъ за версту и за полторы отъ берега.

Этимъ закаливаніемъ онъ въ концѣ концовъ такъ разстроилъ свое здоровье, что ходить могъ только держась за стѣну, лѣтомъ и зимою онъ вынужденъ былъ ходить въ пинжахъ и теплой шапкѣ.

Литературнаго наслѣдства Любимовъ послѣ себя не оставилъ. Правда, онъ написалъ книгу «Объ уединеніи» и передалъ рукопись С. Н. Кривенко, который познакомилъ съ нею Г. З. Елисѣева, покойнаго редактора «Отечеств. Записк.». Елисѣевъ призналъ необходимымъ рукопись напечатать, только не въ «Отеч. Записк.», а отдѣльной книжкой, такъ какъ Любимовъ результаты воспитательнаго значенія уединенія иллюстрировалъ фактами изъ жизни святыхъ, что политическому журналу печатать было бы не удобно. Рукопись осталась неопечатанной, такъ какъ С. Н. Кривенко не нашелъ для этого денегъ.

Н. В. Бергъ.

Объ этой личности, конечно, я хочу сказать не какъ о членѣ сибирской интеллигенціи, къ которой онъ не принадлежалъ, а какъ о лицѣ, связанномъ съ Томскомъ своими дѣтскими годами.

Николай Васильевичъ Бергъ — очень извѣстный въ свое время поэтъ, журналистъ, историкъ и непосѣда-путешественникъ, оставившій въ литературѣ огромное наслѣдство, богатое не столько по своему качеству, сколько по количеству. Лучшими изъ его многочисленныхъ произведеній считаются полный переводъ «Панъ Тадеуша» Мицкевича и «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ съ 1831 до 1862 г.». Не лишены интереса также его «Записки объ осадахъ Севастополя» и рассказы о его скитаніяхъ по Сиріи и Палестинѣ.

Вся его жизнь и дѣятельность отличаются удивительнымъ разнообразіемъ и непосѣдливостью. Учился онъ сначала въ Сибири, потомъ въ Тамбовской и Московской гимназіяхъ и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ ученикомъ Шевырева и Погодина и другомъ Островскаго и Ан. Григорьева. Не кончивъ университета, службу свою началъ банковскимъ писцомъ, съ жалованьемъ въ 100 р. въ годъ, бѣгалъ по урокамъ, а потомъ занялся литературой, тѣсно примыкая къ редакціямъ: «Москвитянина», «Русск. Вѣстн.», «Отечеств. Записк.», «Библиот. для Чтенія», «Рус. Бесѣды», «Пчелы» и разн. газетъ, ставши впоследствии редакторомъ «Варшавскаго Дневника». Въ это время онъ былъ близко знакомъ съ Гоголемъ, Аксаковымъ, Хомяковымъ, Кошелевымъ, Загоскинымъ, Шаховскимъ и др., т. е. со всеми корифеями правой стороны тогдашней литературы, и въ то же время былъ поклонникомъ Герцена, Гарибальди и др. Словомъ, это былъ человѣкъ безъ всякаго опредѣленнаго міросозерцанія.

Крымская война увлекла его въ Севастополь, въ штабъ южной арміи. Начавшаяся затѣмъ война за освобожденіе Италіи потянула его на западъ и онъ

продѣлалъ значительную часть кампаніи сначала въ штабахъ французской и итальянской арміи, а подъ конецъ въ арміи Гарибальди. Въ 1860 г. онъ уѣхалъ на два года на Востокъ, въ Сирію, Палестину и Египетъ и хотѣлъ было ѣхать въ Алжиръ охотиться за львами, но вспыхнувшее польское возстаніе измѣнило его намѣреніе, онъ уѣхалъ въ Варшаву и тамъ остался уже навсегда. (Умеръ 16 іюня 1884 г.). Отовсюду, гдѣ онъ былъ, онъ писалъ въ разные газеты и журналы статьи и корреспонденціи. Иностранныхъ поэтовъ Байрона, Шиллера, Гете—онъ переводилъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, тѣмъ самымъ, что написалъ на Чернышевскаго доносъ, на основаніи котораго Ч. былъ арестованъ.

Познакомивъ читателя въ общихъ чертахъ съ Н. В. Бергомъ, скажу теперь о его прикосновенности къ Сибири и къ Томску въ частности.

Предки Берга—лифляндскіе дворяне, но совершенно обрусѣвшіе въ слѣдующихъ поколѣніяхъ на службѣ въ Россіи. Отецъ Берга молодымъ человекомъ попалъ на службу въ Сибирь (въ 1810-1820 г.г.) и женился здѣсь на сибирячкѣ Ромадной изъ Якутской области. Около 1820 г. онъ перешелъ на службу въ Москву и пробылъ здѣсь лѣтъ 7, послѣ чего снова уѣхалъ въ Сибирь, въ Томскъ, куда былъ назначенъ Предѣвателемъ Томскаго Губернскаго Правленія. Въ Москвѣ у Берговъ родился (24 марта 1823 г.) сынъ Николай, который 4-хъ лѣтнимъ ребенкомъ былъ привезенъ въ Томскъ и жилъ здѣсь до 1834 г., когда вмѣстѣ съ родителями переѣхалъ въ Тамбовъ. Въ Томскѣ онъ отданъ былъ въ мѣстное Уѣздное Училище, которое и окончилъ. Отмѣчу кстати, что учитель Томскаго Уѣзднаго Училища А. И. Мисюревъ, писавшій исторію этого Училища за сто лѣтъ, пропустилъ фактъ пребыванія въ немъ Берга.

На пробужденіе литературныхъ вкусовъ Берга имѣло вліяніе, конечно, не Училище, а отецъ Берга, пламенный поклонникъ старыхъ русскихъ поэтовъ, въ особенности Державина. Н. В. Бергъ уже 9 лѣтъ началъ писать стихи, значить, въ то время, когда состоялъ ученикомъ Уѣзднаго Училища. Объ этихъ дѣтскихъ упражненіяхъ нѣтъ достаточнаго матеріала въ литературѣ и потому, можетъ быть, полезно было бы порыться въ архивѣ училища,—нѣтъ ли тамъ чего-нибудь.

Въ его многочисленныхъ писаніяхъ меньше всего отведено мѣста Сибири. Кромѣ свѣдѣній объ этомъ въ его біографіи («Русс. Старина», 1890, № 2 и 1891, №№ 2 и 3), есть только статья «Изъ записокъ моей матушки о прежней Сибири» («Москов. Вѣстн.», 1860, №№ 4-5).

Публичныя лекціи С. С. Шашкова.

Однимъ изъ самыхъ образованныхъ и выдающихся сибиряковъ того времени былъ Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ. Современная сибирская молодежь едва ли имѣетъ о немъ представленіе, а между тѣмъ это одно изъ именъ, которыя надо знать. Наброшаю коротенько образъ этого человѣка, обладавшаго всѣми данными для того, чтобъ стать виднымъ ученымъ.

С. С. Шашковъ—сынъ священника, иркутянинъ, родился въ 1841 г. Воспитывался сначала въ бурсѣ, затѣмъ въ Иркутской духовной семинаріи. Еще семинаристомъ онъ выступилъ на литературное поприще статьями о бурятахъ въ «Иркутск. Губ. Вѣдомост.», очень не понравившимися начальству.

Въ 1860 г. онъ поступилъ въ казанскую духовную академію, гдѣ его учителями по русской исторіи были Г. З. Елисѣевъ и только что начавшій высту-

пять А. П. Шаповъ, съ которымъ Шашковъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, жилъ съ нимъ даже на одной квартирѣ, но зная его слабости, относился къ нему строго.

При своихъ блестящихъ способностяхъ, изумительной памяти и замѣчательномъ трудолюбіи Шашковъ быстро овладѣвалъ языками и усваивалъ разнообразныя знанія, среди которыхъ исторія заняла центральное мѣсто.

Его основныя идеи о зависимости исторіи отъ законовъ внѣшней природы привели его къ изученію экономическихъ вопросовъ. Уже черезъ годъ, по совѣту Г. З. Елисеѣва, онъ оставилъ академію и переехалъ въ Петербургъ, чтобы слушать университетскія лекціи. Здѣсь, на ряду съ университетскими занятіями, онъ отдастъ значительную часть своего времени литературному труду, составлявшему единственный источникъ его существованія. Въ это время Шашковъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ «Вѣстѣ», «Искрѣ», «Современн. Словѣ», «Библиот. для чтенія», «Очеркахъ». Матерьяльная нужда заставила его усиленно работать и сдѣлала изъ него вмѣсто ученаго талантливаго компилятора. Особенность его таланта состояла въ умѣнн проводить параллели между отдаленными историческими событіями и настоящимъ моментомъ жизни Россіи. Съ особеннымъ искусствомъ Шашковъ въ своихъ статьяхъ находилъ средства говорить о темныхъ сторонахъ современной жизни. На одномъ литературномъ вечерѣ въ Красноярскѣ, въ 1864 г., Шашковъ такъ сгруппировалъ сатирическіе типы Щедрина, что собралъ въ нихъ всѣ комическія черты тогдашняго Красноярскаго губернатора Замятина, сосредоточивъ здѣсь всю жемчѣ обличенія. Публика была въ восторгѣ и сдѣлала лектору настолько шумныя оваціи, что въ нихъ принялъ участіе и самъ Замятинъ, и горячо благодарилъ Шашкова, не понявъ, куда лекторъ направилъ свои стрѣлы.

Охватившая сибиряковъ въ Петербургѣ потребность мѣстной дѣятельности, побудила Шашкова въ 1863 г. уѣхать въ Красноярскъ, гдѣ онъ открылъ частную школу, черезъ годъ закрытую по распоряженію властей. Здѣсь онъ обдумываетъ планъ изданія сборниковъ, календаря, газеты, принялъ на себя редактированіе памятной книжки и усердно занялся составленіемъ лекцій по всеобщей исторіи и исторіи Сибири, которыя затѣмъ и сталъ читать при неослабѣвающемъ интересѣ аудиторіи, вызвавъ возбужденіе въ мѣстномъ обществѣ. Появившаяся въ «Енисейск. Губ. Вѣдомост.» критика этихъ лекцій и блестящая отвѣдь на нее со стороны Шашкова дошли до Томска, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о большомъ успѣхѣ лекцій. Г. Н. Потанинъ, заручившись разрѣшеніемъ губернатора Лерхе, написалъ С. С. Шашкову приглашеніе пріѣхать въ Томскъ для чтенія публичныхъ лекцій по исторіи Сибири. Шашковъ пріѣхалъ и въ залѣ Общественнаго Собранія, въ бывшемъ Гороховскомъ домѣ, прочелъ зимой 1865 г. пять лекцій.

Въ рукописной биографіи Шашкова Ядринцевъ пишетъ объ этихъ лекціяхъ: «Мы взяли ему залу въ Общественномъ Собраніи; билеты быстро разошлись. Зала наполнилась молодежью и семинаристами, жаждавшими слушать Шашкова. Лекціи были превосходны. Послѣ историческихъ очерковъ онъ переходилъ къ положенію общества, къ его нуждамъ, говорилъ объ эмансипаціи народа, рабство котораго и горькую судьбу очерчивалъ въ прошлой исторіи, говоря о жизни невѣжественной страны и отсутствіи сознательной жизни, затѣмъ переходилъ къ доказательствамъ о необходимости университета, о грядущемъ Сибири. Въ это время онъ былъ исполненъ одушевленія и превращался въ страстнаго оратора. Лекціи его производили потрясающее впечатлѣніе и прерывались взрывами аплодисментовъ; публика жила съ лекторомъ. Конецъ лекціи покрывался цѣлымъ громомъ одобреній. Мы, конечно, нахо-

дился также под обаяніемъ этихъ лекцій, радовался, какъ товарищи, но такъ какъ онъ былъ единомышленникомъ и представителемъ нашихъ идей, то это былъ и нашъ триумфъ, и самый счастливый».

Ближайшій участникъ устройства этихъ лекцій Г. Н. Потанинъ разсказывалъ мнѣ, что Евг. Яковл. Колосовъ, поручикъ артиллеріи въ отставкѣ, имѣвшій частную школу въ Томскѣ, вѣдѣя большое знакомство съ семинаристами, которыхъ онъ снабжалъ книгами изъ публичной бібліотеки, зазвалъ ихъ на лекціи Шашкова и отвелъ имъ на нихъ мѣсто для активнаго участія. Шашкова уговорили вставить въ одномъ мѣстѣ его лекціи слова: «намъ нуженъ университетъ». Е. Я. Колосовъ разставилъ семинаристовъ въ разныхъ мѣстахъ залы, предупредивъ ихъ, чтобъ они хлопали въ ладоши, когда эти слова будутъ произнесены. Самъ онъ занялъ мѣсто у музыкантской рѣшетки и такимъ образомъ былъ видѣнъ отовсюду въ залѣ. Какъ только Шашковъ произнесъ условленную фразу, Колосовъ вслѣдъ за нимъ точно такъ же повторилъ: «Намъ нуженъ университетъ» и захопалъ. За нимъ стали хлопать всѣ, не только семинаристы, а и публика, повторяя слова: «намъ нуженъ университетъ». Публика была къ этому уже подготовлена горячей статьей Ядринцева въ первомъ номерѣ «Томск. Губ. Вѣдомост.» за 1865 г., какъ объ этомъ я имѣлъ случай разсказывать выше, въ статьѣ объ Ядринцевѣ.

На слѣдующихъ лекціяхъ Шашкова уже встрѣчались и провожали аплодисментами, а послѣднюю его лекцію постоянно прерывали хлопками.

На третьей и четвертой лекціяхъ Шашковъ разсказывалъ о злоупотребленіяхъ чиновничества, о произволѣ Пестеля, Трескина, Лоскутова и др. Онъ вывелъ на свѣтъ Божій цѣлую галерею этихъ лихоимцевъ, сумашедшихъ и дегенератовъ и набросалъ такую яркую картину сибирскаго безправія и произвола, что находившіеся на лекціи чиновники серьезно обидѣлись. Они полагаютъ, что Шашковъ все выдумываетъ и не можетъ быть, чтобъ все это было напечатано. Хорошо извѣстный Томску представитель стараго чиновничества, М. А. Гиляровъ, на четвертой лекціи Шашкова, сидя въ первомъ ряду, безъ церемоніи заглядывалъ въ тѣ книги и вырѣзки, изъ которыхъ лекторъ читалъ выдержки и бралъ свои характеристики. Шашковъ читалъ лекціи безъ написаннаго текста и въ своемъ устномъ разсказѣ широко пользовался первоисточниками, которые передъ нимъ лежали. Послѣ этой лекціи жившій въ Томскѣ кирасиръ Веніаминъ Асташевъ пригласилъ къ себѣ недовольныхъ чиновниковъ и совместно съ ними обсуждалъ вопросъ, какъ реагировать на подобныя лекціи, какъ поступить и что дѣлать. Рѣшено было пожаловаться губернатору и просить его вмѣшательства. Лерхе вызвалъ къ себѣ Шашкова для объясненій. Шашковъ объяснилъ губернатору, что въ его лекціяхъ по исторіи никакихъ выдумокъ нѣтъ, что все имъ сообщаемое опирается на документальныя данныя и предложилъ Лерхе поручить своему чиновнику слѣдить за его чтеніемъ и за выписками, чтобъ убѣдиться, что онъ ничего не сочиняетъ, оставаясь добросовѣстнымъ комментаторомъ. Но Лерхе отказался отъ такого контроля. Такъ и прошли эти лекціи, вызвавшія такое сильное возбужденіе въ мѣстномъ обществѣ. Вскорѣ Шашковъ былъ все-таки привлеченъ къ отвѣту за эти лекціи, на основаніи тѣхъ писемъ, которыя писалъ о немъ и о ихъ авторѣ сибирефилами и попали въ руки властей. Жандармскій полковникъ Рыкачевъ, состоя членомъ комиссіи, разсматривавшей дѣло «объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи», настоялъ на томъ, чтобъ у Шашкова, находившагося въ это время въ Иркутскѣ, былъ произведенъ обыскъ. При обыскѣ у него нашли какую-то сибирскую прокламацію, сочиненную иркутскимъ купцомъ Поповымъ, участвовавшимъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Бѣлоголовымъ, въ издавіи газеты

«Амурь». Шашкова арестовали и привезли въ Омскъ, гдѣ друзья и содержались на гауштвахтѣ въ теченіе 3 лѣтъ.

Шашкова, Потанина и Ядринцева обвиняли даже въ томъ, что они писали въ «Томск. Губ. Вѣдомост.» статьи о необходимости Университета въ Сибири. «Бто васъ просилъ объ этомъ», раздраженно говорили омскіе чиновникл. Ихъ троихъ, по окончаніи суда, первоначально приговорили къ 12 лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, но потомъ смягчили этотъ приговоръ, въ виду ихъ молодости и долгаго заключенія подъ слѣдствіемъ.

Болѣзненнаго Шашкова отправили по етапу въ Архангельскъ вмѣстѣ съ другими, но онъ по болѣзни отсталъ и остался въ Шенкурскѣ. На дорогу у него было 10 рубл., съ которыми онъ прошелъ всю Росію и, конечно, обновился, пользуясь лишь казеннымъ халатомъ и бѣльемъ. Полуграмотный унтеръ-офицеръ, производя повѣрку, на одномъ этапѣ выкликалъ: «Серафима Шашкова! юбка, кафтуръ есть?», принимая его за женщину. Въ Шенкурскъ потомъ пріѣхали, въ качествѣ ссыльныхъ, Ядринцевъ, А. С. Пругавинъ, Натансонъ, нѣсколько поляковъ и ксендзовъ и др. Между прочимъ, у Шашкова состоялъ на послугахъ польскій ксендзъ Ювеналь. Въ Шенкурскѣ онъ нажилъ себѣ болѣзнь, сведшую его въ могилу. Здѣсь онъ занялся усиленной литературной работой компилятивнаго характера, сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Дѣла».

Ограниченный въ правѣ повсемѣстнаго жительства, Шашковъ потомъ перебрался въ Бобровъ, Воронежской губ., въ Воронежъ и, наконецъ, въ Новгородъ, гдѣ и скончался въ 1882 г., въ возрастѣ 41 года. Вездѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ былъ поглотенъ литературной работой, до конца дней своихъ отличаясь изумительной работоспособностью. Но разнообразнымъ вопросамъ имъ написано свыше тысячи статей, многія изъ которыхъ не утратили своего значенія и интереса и до сихъ поръ.

ТОМСКІЕ ТУЗЫ.

Физиономія каждаго города опредѣляется суммой дѣятельности наиболѣе видныхъ, крупныхъ представителей его населенія, разумѣется, мѣстнаго. Выдающийся чѣмъ либо представитель власти, капитала, науки и образованія, если только онъ человѣкъ завѣзій, временно пребывающій въ городѣ, какъ бы онъ изъ ряда вонъ ни выдѣлялся, не можетъ наложить свою печаль на физиономію города, именно вслѣдствіе кратковременности своего пребыванія, и оставаемый имъ слѣдъ будетъ носить поэтому въ жизни города эпизодическій характеръ. Иное дѣло мѣстный человѣкъ, корнями вросшій въ мѣстную жизнь и преемственно ее продолжающій отъ предковъ и передающій въ потомство. Онъ—дѣйствительный строитель этой жизни, плохой или хорошей, красивой или безобразной, это все равно. Съ этой точки зрѣнія галлерей такихъ мѣстныхъ строителей жизни представляеть выдающійся интересъ.

За трехсотлѣтній періодъ жизни Томска, занимающаго территоріально центральное положеніе въ Сибири, бывшаго и торговымъ центромъ, и мѣстомъ съезда и перевалки массы товаровъ, резиденціей крупной золотопромышленности, прасольскихъ и ямщицкихъ операций и т. п., должна накопиться своя особенная галлерей любопытныхъ фигуръ. Мнѣ припоминаются Поповы, Филимоновы, Гороховы, Асташевъ, Тецковъ, Родіоновъ, Пастуховъ и мн. другіе, но

это, сравнительно, въ позднюю эпоху, XIX вѣкѣ. А кто же были ранніе строители Томской жизни?

Я не могу удовлетворить любознательнаго читателя за крайней скудостью имѣющагося у меня матеріала и если отвожу мѣсто этой главѣ въ Томской Старинѣ, то больше всего изъ желанія вызвать этотъ матеріалъ. Литературнаго матеріала для этой главы нѣтъ; его нужно собирать изъ разсказовъ и преданій, изъ семейныхъ хроникъ и записей тамъ, гдѣ онѣ велись и, можетъ быть, еще уцѣлѣли, и частью изъ архивовъ.

Поповы.

Это—фамилія, которая, составляя лучшее украшеніе Томска, должна быть запечатлѣна въ его лѣтописяхъ, какъ фамилія благодѣтелей города на вѣчныя времена. Для стараго и малаго изъ купеческой среды она навсегда должна остаться символомъ той общественной роли, какую можетъ и долженъ выполнить каждый мѣстный представитель капитала, въ его заботахъ о благѣ и процвѣтаніи его роднаго угла.

Можно ли воздвигнуть болѣе драгоценный памятникъ по себѣ, чѣмъ благодарная, теплая и благоговѣйная память въ потомствѣ, переходящая изъ одного столѣтія въ другое, передаваемая отъ одного поколѣнія другому...

До сихъ поръ о Поповыхъ не написано монографіи, на какую они имѣютъ право, не написано даже очерка ихъ жизни и дѣятельности, не сдѣлано даже попытки собрать воедино тотъ матеріалъ для этого, какой имѣется въ разныхъ архивахъ, печатныхъ замѣткахъ и семейныхъ преданіяхъ. Не имѣю возможности сдѣлать этого и я въ настоящемъ наброскѣ, но по крайней мѣрѣ попытаюсь обратить вниманіе на то, что составляетъ нашу общественную обязанность.

Поповы—верхотурскіе граждане. Первоначальная дѣятельность ихъ развивалась въ районѣ роднаго имъ Урала, гдѣ во время развѣдокъ и изысканій они приобрѣли большія знанія горнаго дѣла, а въ соединеніи съ ихъ умомъ, энергіей, практической смѣлкой и необыкновенной трудоспособностью приобрѣли и большое состояніе.

Нужно думать, что это были люди съ достаточно широкимъ кругозоромъ и такимъ запасомъ энергіи, который требовалъ выхода на такое поприще, гдѣ бы силы могли развернуться соотвѣтствующимъ образомъ.

Поиски мѣдной руды въ Семипалатинской обл., извѣстность о рудныхъ богатствахъ Алтая, весьма прибыльныя операціи по откупному дѣлу и т. п. направили Поповыхъ вглубь Сибири и они основались въ Томскѣ.

Во главѣ фамиліи стоялъ Андрей Яковлевичъ Поповъ и его племянникъ Федотъ Ивановичъ. Съ 1807 г. они вели торговля и промышленныя предпріятія совместно, на товарищескихъ началахъ, пополамъ. Эти предпріятія состояли въ содержаніи винныхъ откуповъ по Томской и Тобольской губ. и Акмолинской обл., въ арендѣ Падунскаго винокуреннаго завода, въ Кяхтинскомъ и Семипалатинскомъ торгѣ, въ промышленныхъ учрежденіяхъ на заимкѣ Федота Ивановича на Басандайкѣ и пр. По словамъ П. Гусаренко,*) душою всѣхъ коммерческихъ начинаній и торговыхъ операцій былъ Федотъ Ивановичъ; дядя же его Андрей Яковлевичъ—особенно къ тому времени, когда По-

*) Иллюстрир. прилож. къ № 271 „Сибирск. Жизнь“ за 1903 г.

повы увлеклись золотопромышленностью—начать хворать и безвыѣздно жить въ Петербургѣ. Но на самомъ дѣлѣ это было, кажется, не совсемъ такъ. И дядя, и племянникъ—оба работали энергично: дядя въ Семипалатинской области вѣлъ торговлю съ киргизами и производилъ развѣдки рудныхъ мѣсторожденій мѣди (въ Каркаралинскомъ у.) и проч., а племянникъ работалъ въ Томской губ. И только послѣдніе 5—6 лѣтъ жизни А. Я. Поповъ хворалъ и не выѣзжалъ изъ Петербурга.

Федотъ Ивановичъ, наживъ въ Сибири уже миллионное состояніе главнымъ образомъ съ откупного дѣла, въ 1826 г. получилъ разрѣшеніе на поиски золота въ Сибири и началъ ихъ съ Березовскаго округа Тобольской губ., но неудачно.

Какъ разсказываютъ, ему помогъ случай или то, что называется—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Отъ одной дѣвicy, дочери поселенца-старообрядца, скрывавшагося въ тайгѣ на положеніи бродяги и въ то время уже умершаго, Ф. И. Поповъ узналъ, что ея отецъ, живя вмѣстѣ съ нею въ тайгѣ по рѣч. Бирикулю, правому притоку р. Кіи, верстахъ въ полторастахъ отъ Томска, занимался тайной промывкой золота. Заставивъ дѣвицу указать мѣсто ея совмѣстныхъ съ отцомъ работъ, Поповъ тотчасъ приступилъ къ развѣдкамъ и обнаружилъ золотосодержащую россыпь. Этой находкой онъ положилъ начало золотопромышленности въ Сибири и является первымъ открывателемъ золота въ странѣ, уже и въ то время, но по другимъ основаніямъ, слышней «золотымъ дномъ».

Теперь, когда ежегодная добыча золота въ Сибири достигаетъ 1800 пудовъ, всякому будетъ ясно, какъ велико значеніе открытія, сдѣланнаго Ф. И. Поповымъ, въ экономикѣ нашего государства.

Первыя развѣдки Попова были долгое время неудачными,—до 300 пунктовъ въ разныхъ мѣстахъ Томскаго края подверглись обследованію и въ большинствѣ случаевъ россыпи оказывались бѣдными по содержанию. Десятки тысячъ рублей были убиты Поповымъ на эти поиски безъ возврата, пока ему удалось отыскать россыпи съ богатымъ содержаніемъ и вызвать ту золотую лихорадку, которая начала такъ трепать томичей и кружить имъ головы. Подъ конецъ жизни, сосредоточивъ присковыя работы на наиболѣе богатыхъ площадяхъ болѣе 30 присковъ, обследованныхъ имъ развѣдками съ мая 1827 г. въ районѣ Дмитріевской вол. Томскаго у., по рѣкамъ Кіи, Бирикулю, Загромѣ и др., Ф. И. Поповъ довѣлъ ежегодную добычу золота до 4—5 пудовъ. Уже это одно показываетъ, какой широкой размахъ былъ данъ повому предпріятію его начинателемъ, какъ много было вовлечено въ него людей и какъ серьезно были сосредоточены интересы на золотопромышленности, открывшей съ этого момента для всей огромной Сибири новую эру.

Энергичнымъ родоначальникамъ фамиліи Поповыхъ сравнительно не долго пришлось стоять во главѣ дѣла. Ихъ жизнь была уже изжита. 20 апрѣля 1832 г. скончался въ Томскѣ Федотъ Ивановичъ и похороненъ на своей запискѣ на Басандайкѣ, (гдѣ потомъ его родной братъ, Степанъ Ивановичъ, построилъ каменную церковь, въ правомъ придѣлѣ которой и погребенъ прахъ обоихъ братьевъ—Федота и Степана Ивановичей, и Анны Алексѣевны Поповыхъ), а года полтора спустя, въ 1833 г. скончался въ Петербургѣ и Андрей Яковлевичъ, въ возрастѣ 70 лѣтъ, и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

А. Я. Поповъ, потерявъ въ племянникъ дѣятельнаго товарища и чувствуя приближеніе смерти, 20 декабря 1832 г. составилъ, какъ гласитъ титулъ на подлинномъ документѣ, «Духовное завѣщаніе коммерціи совѣтника и кавалера Андрея Яковлевича Попова, служащее основаніемъ золотопромышленной компаніи наследниковъ г.г. коммерціи совѣтниковъ и кавалеровъ Андрея Яковле-

вича и Федота Ивановича Поновых». Дополненное двумя актами 17 и 28 августа 1833 г., завѣщаніе это, по окончательному раздѣлу между наследниками, приведено ими въ исполненіе съ утвержденія Томскаго Губернскаго Правленія 9 октября 1835 г. «На основаніи этого завѣщанія, какъ сказано въ немъ, золотопромышленная компанія наследниковъ Поповыхъ дѣйствіе свое восприяла съ 1834 г.».

Въ завѣщаніи Поповыхъ былъ выдѣленъ капиталъ въ 85.715 р. для учрежденія въ Томскѣ Общественнаго Сибирскаго Банка съ тѣмъ, чтобъ проценты этого учрежденія поступали на содержаніе учебнаго заведенія для дѣвицъ. Въ открытомъ въ 1843 г. Банкѣ, операціи котораго изъ году въ годъ растутъ, а, стало быть, изъ года въ годъ расширяется и кругъ женщинъ, получающихъ образованіе, Поповы создали себѣ вѣчный памятникъ необычайной цѣнности.

Душеприказчикомъ и исполнителемъ воли завѣщателей былъ назначенъ братъ Федота Ивановича Степанъ Ивановичъ и вмѣстѣ съ нимъ Евтіхій Васильевичъ Филимоновъ, также занимавшійся откупамъ и золотопромышленностью.

Степанъ Ивановичъ Поповъ также былъ не рядовой человекъ. Въ 1824 г. онъ открылъ въ киргизской степи свинцово-серебряныя и мѣдныя руды и учредилъ для обработки ихъ единственный въ Россіи серебро-свинцовоплавильный заводъ, дѣйствовавшій каменнымъ углемъ, имъ же открытымъ въ 1837 г.

Третій братъ, коммерціи совѣтникъ Андрей Ивановичъ Поповъ, также оставилъ по себѣ память въ Томскѣ тѣмъ, что вложилъ капиталъ въ 3141 р. 85 к. на основаніе дѣтскаго пріюта, открытаго 21 мая 1844 г.

О четвертомъ братѣ Алексѣѣ Ивановичѣ я не нашелъ свѣдѣній и потому не могу сказать ничего о его роли, какъ въ торговомъ мірѣ, такъ и въ общественной жизни Томска.

Дѣти же его, Христофоръ и Андрей, а также дѣти его брата Степана, а равно и сами его братья извѣстны были въ Томскѣ своимъ участіемъ въ жертвахъ на общественныя дѣла. Прежде всего всѣ они были жертвователями на строившійся тогда Троицкій кафедральный соборъ. Кромѣ того Степанъ Ивановичъ Поповъ, построивъ церковь на Басандайкѣ, въ 1839 г. передалъ Томской Духовной Консисторіи на содержаніе этой церкви капиталъ въ 28000 р.

Андрей Алексѣевичъ Поповъ, въ то время устькаменогорскій купецъ и золотопромышленникъ, почетный гражданинъ, въ 1842 г. пожертвовалъ въ кафедральный соборъ золотой крестъ, вѣсомъ болѣе полторыкъ фунтовъ, украшенный 126 брилліантами, 110 изумрудами и яхонтами и 105 голландск. розами; стоимость его по церковной описи опредѣлена въ 1216 руб. А. А. Поповъ былъ прихожаниномъ стараго собора, близъ котораго находился его домъ, теперь принадлежащій Некрасову, что на Почтамтской улицѣ, у моста.

Ф. А. Гороховъ.

Въ теченіе почти всей первой половины прошлаго столѣтія этотъ человекъ игралъ въ жизни Томска самую видную роль и пользовался одинаково сильнымъ вліяніемъ какъ въ административныхъ, такъ и въ торгово-промышленныхъ сферахъ. Этотъ союзъ власти и капитала и обезпечилъ за Гороховымъ его выдающееся положеніе въ городѣ, можно сказать, исключительное, и даетъ основаніе рассказать о немъ здѣсь, хотя бы и не тѣмъ неполнымъ матеріаламъ, какими мы располагаемъ.

Философъ Александровичъ Гороховъ происходилъ изъ очень бѣдной дворянской семьи, жившей въ Енисейскѣ. Родился онъ въ 1796 г. Какъ бѣднякъ, онъ не получалъ никакого образованія и съ дѣтскихъ лѣтъ вынужденъ былъ зарабатывать себѣ на пропитаніе. Уже 13 лѣтъ, въ 1809 г., онъ поступилъ на службу въ Енисейскій уѣздный судъ канцеляристомъ, а въ 1811 г. былъ командированъ Томскимъ Губернаторомъ В. Р. Марченко въ Туруханское для устройства тамъ новыхъ поселеній и зимовьевъ для перевозки почты и чиновниковъ. Но исполненіи этого отвѣтственнаго порученія, довѣреннаго пятнадцатилѣтнему мальчику, Гороховъ вернулся въ Енисейскъ слишкомъ черезъ годъ, въ 1812 г. Должно быть, онъ проявилъ недюжинныя природныя способности, если съ этого времени совершается его быстрое восхожденіе по административной лѣстницѣ.

Съ небольшимъ черезъ годъ, въ 1814 г., его переводятъ въ Нарымскій уѣздный судъ, съ производствомъ въ первый чинъ, а въ слѣдующемъ году перечисляютъ въ штатъ «Томскаго губернскаго правительства». Здѣсь, въ центрѣ управленія губерніей, на Горохова обращаютъ вниманіе, назначаютъ на самостоятельныя должности, повышая и награждая его чинами, орденами и денежными выдачами. Прослуживъ здѣсь пять лѣтъ, онъ перешелъ въ 1819 г. на службу въ Томскій гражданскій и уголовный судъ, на должность секретаря по уголовной части, а потомъ ассесора. Но въ 1824 г. онъ снова перешелъ на службу въ Томское Общее Губернское Управленіе, гдѣ былъ чиновникомъ особыхъ порученій, исправлялъ обязанности начальника того или другого изъ отдѣленій и, наконецъ, командированъ къ исправленію должности Каннскаго земскаго исправника, а въ декабрѣ 1830 г. назначенъ Каннскимъ Окружнымъ Начальникомъ. Отсюда черезъ два года, въ январѣ 1833 г. онъ былъ опредѣленъ на одну изъ самыхъ видныхъ должностей—Томскимъ губернскимъ прокуроромъ.

Такое назначеніе молодого, 37 лѣтняго, Горохова, человѣка, не получившаго никакого—ни общаго, ни спеціальнаго образованія, объясняется его личными качествами—умомъ, энергіей, ловкостью и проявленной имъ работоспособностью. И, дѣйствительно, онъ раскрываетъ не одну организацію фальшивомонетчиковъ, быстро обнаруживаетъ виновниковъ одного убійства съ хорошо спрятанными концами, выгодно для казны закупаетъ провіантъ для военныхъ магазиновъ, оказываетъ серьезныя услуги сенаторамъ командированнымъ въ Сибирь для ревизій, строитъ этапы въ Каннскомъ уѣздѣ съ большою экономіей для казны противъ смѣтнаго назначенія и т. д.

Въ это время Гороховъ женится на дочери крупнѣйшаго Томскаго золотопромышленника и откупщика Аполл. Евтих. Филимонова и постепенно погружается въ дѣла своего тестя, проявляя и тутъ свою энергію, умъ и работоспособность. Интересы службы пришли въ столкновеніе съ личными интересами по операціямъ тестя. Въ судѣ находилось не мало уголовныхъ дѣлъ по питейнымъ откупамъ; разсмотрѣніе ихъ стало затягиваться, влѣдствіе чего въ тюрьмахъ стали скапливаться арестанты, по два и по три года тщетно ожидавшіе рѣшенія суда. На Горохова за его бездѣятельность, за его занятія не службой, а откупами и золотопромышленными дѣлами его тестя Филимонова, стали поступать къ министру юстиціи донесенія отъ шефа жандармовъ Бенкендорфа, а отъ министра, въ свою очередь, запросы къ генераль-губернаторамъ въ Омскѣ. Но Гороховъ продолжалъ держаться на прокурорскомъ мѣстѣ, благодаря сильному покровительству генераль-губернаторовъ Западной Сибири, сначала Сулимы, а потомъ и князя Горчакова, которые медленность дѣлопроизводства объясняли огромною массою

дѣлъ и арестантовъ, накопленіемъ въ губерніи ссыльнаго элемента, массою преступленій среди золотопромышленныхъ рабочихъ-поселенцевъ. Но, наконецъ, и эти властные покровители должны были признать неудобство прокурорскаго положенія Горохова въ Томскѣ и кн. Горчаковъ хлопоталъ для него въ 1838 г. переводъ на ту же должность въ Витебскъ. Горохову, теперь уже богатому человѣку, перелектива перевода совѣтъ не улыбалась и онъ подалъ въ отставку, которую и получилъ въ томъ же году, состоя въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Съ этого времени онъ окончательно погрузился въ золотопромышленныя дѣла, войдя полноправнымъ членомъ и компаньономъ вмѣстѣ съ братьями Филимоновыми и Отопковымъ, въ одно изъ крупнѣйшихъ Томскихъ предприятий.

За десятокъ слѣдующихъ лѣтъ, съ 1839 по 1850 г., Гороховъ развернулся во всю ширь своей натуры и превратилъ свою жизнь въ такую фесрію, воспоминанія о которой и до сихъ поръ не угасли среди томичей старожилы.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каменное зданіе Общественнаго Собранія, Гороховъ построилъ себѣ красивый барскій одноэтажный деревянный домъ, единственный въ городѣ домъ съ зеркальными окнами во всю ширину ихъ просвѣта.

Отсутствие образованія и наличность большого капитала сами по себѣ уже опредѣляли вкусы хозяина, а природный умъ, тщеславіе и широта натуры давали имъ направленіе и развитіе. Выѣшность и показная сторона, столь легко вызывавшія шумъ восторговъ, удивленія и поклоненія, неизбежно должны были встать на первый планъ. И Гороховъ занялся этой выѣшностью, пустивъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность.

Около своего дома, подъ горой, Гороховъ устраиваетъ въ 1840 г. садъ, обошедшійся ему въ четверть милліона рублей. Теперь жалкіе остатки этого сада принадлежатъ двумъ владѣльцамъ—архіерейскому дому и Дистлеру.

Протекавшій здѣсь, въ видѣ ручейка, Истокъ Гороховъ запрудилъ и перекинулъ черезъ него мостъ, а надъ нимъ воздвигъ павильонъ съ стеклянными стѣнками, позволявшими любоваться открывающимся видомъ собиравшимся здѣсь компаніямъ пріятелей Горохова. Въ саду были разбросаны статуи, кіоски, бельведеры, грибы съ вычурными надписями: «Храмъ любви», «Убѣжище для уединенія» и т. п.

Вотъ какъ описываетъ этотъ садъ одна институтка въ письмѣ къ своей подругѣ. *) «Въ городѣ есть такой прекрасный садъ, на который съ особеннымъ удивленіемъ и даже любопытствомъ могъ бы посмотрѣть и самый прихотливый изъ столичныхъ жителей. Въ лѣтніе праздники каждый имѣетъ право гулять въ этомъ саду и любоваться всѣмъ, что находится въ немъ. Гадушный хозяинъ, настоящій гостепріимный русскій дворянинъ, дѣлится своими удовольствіями со всякимъ. Въ этомъ саду, гдѣ 5 лѣтъ тому назадъ возвышались глинистыя скалы, между которыхъ пробирался журчащій ручеекъ, вѣроятно, какой нибудь пересохшій рукавъ р. Томи, потому что рѣка здѣсь очень близко,—теперь въ красной рамѣ тихо струится свѣтлый и стройный прудъ; черезъ него на легкихъ аркахъ перекинута прозрачная танцевальная зала, а по берегамъ его съ одной стороны красуются пестрые

*) Журналъ „Звѣздочка“ Ишиловой, 1845 г., № 17. См. также К. Н. Евтроповъ „Исторія Троицкаго Кафедральнаго Собора въ Томскѣ“, стр. 46—47; тутъ же приложено рисунку въ Гороховскаго сада въ 40-хъ годахъ. (Видъ изъ Макаровскаго переулка).

цвѣтники, примыкающіе къ богатой оранжереѣ, гдѣ рѣстъ виноградъ, созрѣваютъ фиги и благоухаютъ роскошные тропическіе цвѣты; съ другой стороны пруда тянутся аллеи изъ акацій, тѣнистыя куртины и бесѣдки. Тихій вечеръ 22 августа (день коронаванія Императора Николая и его супруги) много способствовало иллюминаціи... Мы оставимъ толпы гуляющихъ смотреть на фейерверкъ, или любоваться на красивыя гондолы, освѣщенные китайскими фонарями и тихо скользяція по пруду. Войдемъ лучше въ китайскую бесѣдку... Здѣсь все вещи неподдѣльныя, а прямо вывезенныя изъ предѣловъ Небесной имперіи... Вотъ на стѣнахъ висятъ картины: не лица въ нихъ ни перспективы, ни художественнаго перелива въ тѣняхъ; кажда имъ трудилась не гениальная кисть артиста—все эти деревья, плоды, цвѣты и птицы выдѣланы изъ разноцвѣтныхъ камней.

Въ этомъ саду, въ томъ павильонѣ, который возвышался надъ мостомъ, Гороховъ задавалъ свои пиры, собирая на нихъ всю томскую знать, все сливки мѣстнаго общества. Одинъ изъ такихъ пировъ былъ описанъ въ какой-то польской газетѣ однимъ изъ сосланныхъ въ Томскъ въ 30-хъ годахъ полякомъ.

«Гости ѣли съ тарелокъ», рассказываетъ Г. Н. Потанинъ, *) «которыя были сдѣланы на собственномъ заводѣ Горохова, устроенномъ имъ около Томска; то есть ѣли съ мѣстнаго фарфора. На тарелкахъ были рисунки, изображавшіе тѣ самые виды Томска, которые были видны гостямъ черезъ стеклянныя стѣны павильона. Вино гости пили изъ сверхъестественныхъ бокаловъ. Возлѣ каждаго гостя стоялъ бокалъ, въ который входила цѣлая бутылка шампанскаго; бокалы стояли подлѣ стульевъ на полу, а верхніе края ихъ равнялись съ плечами обѣдавшихъ. Томичи на обѣдахъ Горохова шировали, какъ боги варваровъ».

Я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній о «фабрикѣ» Горохова; гдѣ она находилась, долго ли существовала, что производила. Возможно, что ея и вовсе не было, а тарелки были заказаны для Горохова на какую-либо другую фабрику. Но что такіа тарелки существовали, это не подлежитъ сомнѣнію. Мое сомнѣніе въ самомъ существованіи фабрики находитъ косвенное подтвержденіе въ томъ, что на пирахъ Горохова употреблялись особенныя бокалы изъ хрусталя, вѣроятно, нигдѣ, кромѣ Горохова не употреблялись. Исполненіе этой причуды требовало другой фабрики, иначе оборудованной.

Вкусы необразованнаго богача въ еще большей степени проявлялись въ устройствѣ «библіотекки», которая имѣла назначеніе украшать его хоромы. Въ одной изъ комнатъ стоялъ шкафъ съ стеклянными дверками, черезъ которыя глядѣли съ полкомъ стройные ряды книгъ въ отличныхъ переплеткахъ, все одинаковой толщины и роста, съ золотымъ тисненіемъ на корешкахъ: «Благонравіе и порокъ», «Тщеславіе и скромность» и т. п. названія, какія только могла показывать избрѣтательность необразованнаго человѣка. Все это были, въ сущности, образцы картонажныхъ издѣлій въ родѣ тѣхъ, кои нынѣ пользуется теперь одна фабрика папирозныхъ гильзъ для упаковки своихъ фабрикатовъ.

Золотопромышленная компанія Филлимоновыхъ, Горохова и Отопкова ежегодно намывала болѣе ста пудовъ золота, т. е. на сумму слишкомъ въ два милліона рублей. Такія огромныя средства давали полную возможность жить

*) Г. Н. Потанинъ. «На зарѣ золотопромышленности въ Томской Тайгѣ». Иллюстрированное приложение къ № 249 газ. «Сибирск. Жизнь» за 1903 г.

на широкую ногу, ничѣмъ не стѣсняясь, и Гороховъ, большой затѣйникъ и любитель пожить по барски, особенно не стѣнялся сорить деньгами, не зная имъ счета и не задумываясь надъ будущимъ. 31 мая онъ праздновалъ свои именины, а 25 іюля именины своей жены Олимпиады и въ эти дни въ Гороховскій садъ, гдѣ гремѣла музыка, сжигался фейерверкъ и рѣкой лилось шампанское, стекался, положительно, весь городъ. Компанія ближайшихъ пріятелей Горохова состояла изъ завязтыхъ охотниковъ. Охоты, въ сопровожденіи до сотни гончихъ собакъ, всегда обставлялись необыкновенно пышно; весною, первый убитый дупель обходился счастливцу не менѣе дюжины шампанскаго.

Въ домахъ Горохова и его тестя Филимонова (впослѣдствіи этотъ домъ, находящійся на углу Почтамтской ул. и Монастырскаго пер., перешелъ къ откупщику Псаеву, а теперь принадлежитъ наслѣдникамъ Евграфа Королева) ежегодно ставилось утрами до 80 самоваровъ въ каждыя, и уже это одно показываетъ, какая толчаея народа постоянно была въ этихъ домахъ.

Мудрено ли, что прежнія связи Горохова, какъ вліятельнѣйшаго чиновника, съ его все возрастающимъ богатствомъ, сдѣлали его огромной силой въ городѣ, своего рода осью, вокругъ которой вращалась томская жизнь. Всякое дѣло, уголовное и гражданское, всякое служебное движеніе, полученіе чина, награды и проч. обдѣлывалось черезъ Горохова. Губернаторъ и чиновники были здѣсь своими людьми. Чиновники легко бросали свою службу и поступали къ золотопромышленникамъ; даже вице-губернаторъ Виноградовъ нашелъ выгоднымъ для себя поступить такъ. Всего больше шли на службу къ Горохову.

Въ Пасху и Рождество обыкновенно чиновная знать собиралась у губернатора и уже отъ него цугомъ ѣхали все къ Горохову поздравлять его съ праздникомъ, съ губернаторомъ во главѣ; не даромъ Горохова звали «Томскимъ герцогомъ». Къ компаньонамъ, и въ особенности къ Горохову золото лилось не только съ присковъ, а и отъ доврчивыхъ горожанъ и людей падкихъ на быструю и легкую наживу. Банковъ въ то время не было, финансовый же престижъ Горохова былъ такъ великъ, что и купецъ, и бѣднякъ, мелкій чиновникъ и какая-нибудь просвирня охотно вносили въ компанію подъ проценты свои мелкія и крупныя сбереженія. А проценты компанія платила до невѣроятности щедро, по 50 и болѣе процентовъ на 100 рублей.*)

Но отвлеченіе отъ дѣлъ, превращеніе жизни въ сплошной праздникъ, безумныя траты на разныя причуды скоро исчерпали основной источникъ доходовъ и предприятие лопнуло, какъ красивый, расцвѣченный всѣми цвѣтами радуги мыльный пузырь. Лопнули въ гороховскихъ затѣяхъ и все сбереженія и капиталы доврившихся ему вкладчиковъ, которые вслѣдствіе этого раззорились. Едва не лопнуло и молодое учрежденіе, основанный въ 1843 г. Поповыми Общественный банкъ, изъ котораго компаньоны вытянули нѣсколько десятковъ тысячъ рублей незаконными способами.

Тароватый на выдумки для утоленія своего тщеславія и вздорныхъ затѣй, Гороховъ былъ очень скупъ на дѣла благотворительности. Имя его здѣсь никому неизвѣстно. Правда, въ списокъ жертвователей на строившійся въ Томскѣ Троицкій соборъ, за время съ 1843 г. по 1850 г., съ Горохова, состоявшаго официальнымъ сборщикомъ, значится поступленій въ слож-

*) Евтроповъ. „Исторія Каѳедрального собора въ Томскѣ“, стр. 180.

ности на 1576 р. 5½ к., но и эта незначительная для миллионера сумма, вытянута была съ Горохова по частямъ п, что называется, всякими неправдами, а между тѣмъ онъ «не только могъ одинъ построить соборъ, но и утопить въ своемъ золотѣ любого петербургскаго воротилу или провинціального вельможу», восклицаетъ уже упомянутый составитель исторіи Троицкаго собора Евтроповъ (стр. 48).

Въ 1850 г. Гороховъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ и надъ его имуществомъ былъ учрежденъ конкурсъ. Старые прихлебатели и друзья, такіе же фальшивые, какъ и его библиотека, стали теперь собираться, какъ шакалы на падалъ, къ гороховскому имуществу и тащить, что можно. Уничтоженный и больной Гороховъ доживалъ свои дни въ крошечномъ домикѣ, рядомъ съ прежними хоромами, которыми уже не владѣлъ болѣе.

Отъ конкурснаго управленія этотъ памятный домъ перешелъ въ собственность Общественнаго Собранія и оставался въ его пользованіи, пока не сгорѣлъ. Въ этомъ домѣ въ 1865 г. Шашковъ читалъ свои публичныя лекціи; здѣсь же Ядринцевъ выступалъ съ докладами; сюда же по субботамъ являлся надобный редакторъ «Сибирской Газеты» съ корректурами очереднаго номера и торговался изъ-за какой-нибудь строчки съ цензоромъ, сидѣвшимъ за картами. Здѣсь же «знаменитый» Картамышевъ вводилъ своего кучера въ члены Собранія и отстаивалъ права этого почтеннаго человѣка на такое званіе. Здѣсь же потомъ наводнившіе Томскъ строители желѣзной дороги водворили азартныя картежныя игры съ проигрышами по нѣскольку тысячъ рублей въ вечеръ, а счастливыя закуривали свои гаванскія сигары двадцатипятирублевыми бумажками.

Къ гороховскому конкурсу присосался извѣстный въ свое время Томску ловкачъ Набаловъ, когда-то выписанный сюда, въ качествѣ архитектора, для достройки упавшаго собора. Въ 1900 г. праздновался 50-лѣтній юбилей этого конкурса, кажется, и до сихъ поръ еще не ликвидированнаго. Архивъ этого конкурса состоитъ изъ 984 томовъ. При передачѣ этого архива старымъ судомъ реформированному, для перевозки дѣлъ въ новое помѣщеніе суда было нанято двадцать телѣгъ.

Вотъ единственное наслѣдство, которое Гороховъ оставилъ потомству, такъ бессмысленно проживъ жизнь, такъ бесплодно для Сибири растрагивъ свои нажитые въ ней капиталы, съ горечью восклицаетъ Г. И. Потанинъ въ цитированной выше статьѣ.

И. Д. Асташевъ.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія И. Д. Асташевъ былъ виднѣйшею въ Томскѣ личностью по своему положенію и вліянію на дѣла города. К. Н. Евтроповъ*) даже говоритъ: «Асташевъ поднялся въ Томскѣ на такую высоту, до какой никто еще изъ гражданъ не достигалъ до него».

Но это былъ и по натурѣ, и по своему нравственному облику совсѣмъ иной человѣкъ, чѣмъ Поповы и чѣмъ даже Гороховъ, съ которыми у Асташева такъ много общаго. Асташевъ представлялъ типъ «дѣльца», не брезговавшаго никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей, всегда своекорыстныхъ.

Биографія Асташева, чистокровнаго сибиряка, какъ и Горохова, довольно проста.

*) „Исторія Троицкаго Кафедральнаго собора въ Томскѣ“. Стр. 73.

Иванъ Дмитріевичъ Асташевъ былъ сынъ незначительнаго чиновника въ Нарымѣ, въ то время окружномъ городѣ Тобольскаго намѣстничества, и родился въ 1796 году.

Все его образованіе ограничивалось мѣстнымъ уѣзднымъ училищемъ. Окончивъ его, Асташевъ 13-лѣтнимъ мальчикомъ уѣхалъ въ Томскъ и въ 1809 г. поступилъ на службу въ «Губернское Правительство», гдѣ черезъ 3 года получилъ первый чинъ.

Кстати сказать, при открытіи въ 1804 г. Томской губерніи, въ ней учреждены: Томское Губернское Правительство для завѣдыванія дѣлами губернскаго и казеннаго интереса, и томскій гражданскій и уголовный судъ для тяжёбныхъ и уголовныхъ дѣлъ; первое состояло изъ двухъ экспедицій—исполнительной, подъ предѣдательствомъ губернатора, и казенной, подъ предѣдательствомъ вице-губернатора.

Уже здѣсь въ юности Асташевъ обозначилъ основныя черты его характера и стремленій, получившія въ послѣдствіи такое развитіе. Маленькаго роста, чрезвычайно подвижной, юркій, пзворотливый и вкрадчивый, свободный отъ какихъ-бы то ни было нравственныхъ принциповъ, онъ изощрилъ въ этомъ направленіи свой недюжинный отъ природы умъ и, что называется, сталъ большимъ мастеромъ втирать очки. Всякаго полезнаго ему человѣка онъ умѣлъ расположить къ себѣ, умѣлъ очень тонко подойти къ нему и заручиться довѣріемъ. Снѣдаемый честолюбіемъ и тщеславіемъ, и въ то-же время жаждой нажить деньги, Асташевъ, подъ впечатлѣніемъ громкихъ событій 1812 г., мчится въ Петербургъ въ 1815 г., но тяжелая болѣзнь надолго задержала его въ пути. Въ столицу онъ явился, когда угаръ военныхъ событій уже прошелъ. Тѣмъ не менѣе онъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра и здѣсь настолько отличился своимъ усердіемъ, что получилъ два слѣдующихъ чина и, по особой рекомендаціи военнаго министра, перешелъ на службу къ генераль-губернатору Западной Сибири. Въ теченіе 13 лѣтъ Асташевъ проходитъ послѣдовательно должности Бійскаго городничаго, Кузнецкаго исправника, Начальника отдѣленія Томскаго Общаго Губ. Управленія и совѣтника Губернскаго суда. Занимая столь вліятельное чиновное положеніе, Асташевъ весьма ловко пользовался имъ при дѣловыхъ сношеніяхъ съ откупщиками и представителями нарождавшейся золотопромышленности. Большой почитатель Асташева и восторженный поклонникъ его талантовъ Евтроповъ, въ данномъ случаѣ достовѣрный свидѣтель, въ одномъ мѣстѣ вышеупомянутаго труда, такъ аттестуетъ Асташева: «Не имѣя ровно никакихъ средствъ, онъ пошелъ къ разъ намѣченной цѣли медленно, осторожно, хотя не всегда честно и благородно, но практически безошибочно». (Ст. 74).

Затаенное желаніе разбогатѣть особенно охватило Асташева, когда золотопромышленная лихорадка распространилась въ Томскѣ и народившіеся милліонеры стали сорить деньгами и такъ разожгли золотой фанаръ, что къ нему начинали слетаться не только мѣстные купцы, разночинцы и чиновники, а и пріѣзжіе изъ далекой Россіи. Асташевъ тонко занялся обработкой «перваго золотопромышленника» Ѳ. П. Попова. Оказывая ему, какъ вліятельный чиновникъ, различныя услуги, онъ такъ расположилъ его къ себѣ, приобрѣлъ такое его довѣріе, что Поповъ подчинился вліянію Асташева и подарилъ ему 40.000 руб. на расходы по поискамъ золота.

Въ 1833 г. Асташевъ уходитъ въ отставку и поступаетъ на службу къ Поповымъ, въ качествѣ повѣреннаго по пріисковымъ и др. торговымъ дѣламъ этой фирмы.

Предпріятыя Асташевымъ развѣдки на подаренныя Поповымъ деньги оказались неудачными—ни необходимыхъ знаній, ни опыта въ горномъ дѣлѣ

у него не было; но онъ обладалъ другого рода талантами, и они его выручили, или, какъ говорить Евтроповъ, «нравственная сторона труда у него отодвигается на задній планъ, лишь бы цѣль была достигнута». Изъ Екатеринбургa въ Томскъ богатый купецъ Я. М. Рязановъ на чашки золота. Убивъ почти весь капиталъ на это дѣло, онъ, наконецъ, нагнулся на богатые розсыли по рѣч. Кондустуюду въ Марининской тайгѣ. Пронюхавшій объ этой находкѣ Асташевъ тотчасъ же хлопоталъ для себя отводъ всей Кондустуюльской площади, а когда обманутый Рязановъ возбудилъ противъ Асташева уголовный процессъ, то онъ такъ обставилъ это дѣло въ Петербургѣ, пользуясь своими тамъ связями, что Рязановъ ничего не могъ подѣлать и, безплодно ведя процессъ съ 1837 г. по 1842 г., предложилъ Асташеву войти съ нимъ въ компанію. Кондустуюльскій принскъ обогатилъ его и окрылялъ надеждами на дальнѣйшій ростъ богатства. Знакома со своими дѣлами петербургскихъ чиновниковъ и рисуя передъ ними перспективы быстрого обогащенія, Асташевъ сумѣлъ многихъ изъ нихъ втянуть къ себѣ въ компанію и на собранные такимъ способомъ капиталы расширилъ принсковыя операціи. Такъ какъ высочайше утвержденнымъ положеніемъ Сибирскаго Комитета 3 ноября 1835 г. разрѣшеніе искать золото давалось весьма немногимъ, въ видѣ особой привилегіи, а «служашимъ чиновникамъ и ихъ женамъ вовсе воспрещено было заниматься въ Сибири руднымъ промысломъ», то, понятно, петербургскіе чиновники могли участвовать лишь въ качествѣ вкладчиковъ и притомъ тайно. Такимъ образомъ все управленіе дѣлами и капиталы находились исключительно въ распоряженіи Асташева. А когда объ участіи въ принсковыхъ дѣлахъ крупныхъ петербургскихъ сановниковъ узналъ Императоръ Николай Павловичъ и пригрозилъ имъ отвѣтственностью, то они поспѣшили сбѣжать свои пая Асташеву. И онъ, скупивъ эти пая за безцѣнокъ, сразу сталъ миллионеромъ. На богатѣйшихъ принскахъ Асташевской Компаніи, наприм. по р. Хормѣ въ Енисейской губ., намывалось по 3 золотника со ста пуд. песковъ. Въ 1840 г. компаніей намыто золота 69 пуд., въ 1843 г.—около 117 пуд., въ 1844 г.—56½ пуд., да кромѣ того у Асташева въ компаніи съ Толкачевымъ 45½ пуд., въ 1845 г.—84½ п. и т. д.

Огромное и столь легко достававшееся богатство открыло Асташеву столь же легкий путь къ удовлетворенію его честолюбія. Въ 1840 г. онъ получалъ изъ Кабинета Его Величества брильянтовый перстень «въ примѣръ другимъ золотопромышленникамъ Сибири за общепользную дѣятельность въ новой сферѣ труда». Желаніе получать награды побудило его направить свои средства на благотворительность. Для открытаго на капиталъ А. П. Попова Марининскаго дѣтскаго пріюта Асташевъ выстроилъ каменный двухэтажный домъ, и ежегодно отпускалъ на его содержаніе отъ 2300 до 3800 руб. За это онъ получилъ въ 1848 г. орденъ Св. Анны 2 степени, а въ 1859 г. Владимира 4 ст. и кромѣ того назначенъ «не въ примѣръ другимъ», почетнымъ попечителемъ этого пріюта. Но онъ находилъ, что получаемыя награды не соответствуютъ его жертвамъ—за 15 лѣтъ 2 ордена! Тогда онъ выбралъ болѣе выгодное приложеніе для своихъ благотворительныхъ стремленій,—въ 1861 г. онъ приобрѣлъ званіе почетнаго попечителя Томской Губ. Гимназіи и на этомъ посту былъ щедро высканъ наградами. Въ 1862 г. онъ получилъ Владимира 3 ст., въ 1864 г. чинъ Статскаго Совѣтника, въ 1865 г. званіе камергера, въ 1867 г. чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1868 г. станиславскую звѣзду. Не мудрено послѣ этого, что у Асташева могла сорваться съ языка фраза: «Захочетъ Асташевъ — и митру получить».

Въ жертвахъ на общественныя и общеполезныя дѣла Асташевъ не былъ тароватымъ. Онъ очень умѣренно жертвовалъ и только тамъ, гдѣ это было ему лично выгодно, удовлетворяло его честолюбіе, достигало цѣли въ его тщеславіи.

Онъ былъ уже миллионеромъ, когда преосвященный Афанасій обратился въ декабрѣ 1842 г. къ гражданамъ Томска съ призывомъ о построеніи просторнаго соборнаго храма. Въ образовавшійся въ 1843 г. Комитетъ по постройкѣ собора П. Д. Асташевъ былъ избранъ членомъ, какъ капиталистъ и дѣлецъ. На его глазахъ, съ невѣроятными затрудненіями подвигалось это дѣло цѣлую четверть вѣка при его жизни, и хотя онъ одинъ могъ бы довести его до конца, но Асташевъ выступалъ въ роли жертвователя въ самую критическую минуту, чтобъ заставить говорить о себѣ. Такъ, въ 1846 г. онъ, когда постройка собора остановилась изъ-за недостатка подрядчикомъ кирпича, шумно заявилъ о пожертвованіи трехъ миллионѣвъ кирпичей, на 24000 рублей. Затѣмъ, въ 1858 г. послѣ того какъ соборъ рухнулъ и новый комитетъ приступилъ къ его достройкѣ, у Асташева выпросили 5000 р., и наконецъ, въ 1859 г., когда губернаторъ Озерскій обратился къ откупщикамъ и миллионерамъ съ спеціальными письмами, Асташевъ внесъ еще 2000 р. Въ дальнѣйшемъ постройка совсѣмъ затормозилась изъ-за отсутствія средствъ, которыхъ уже и доставать было негдѣ, такъ какъ прежніе томскіе миллионеры, кромѣ Асташева, разорились или умерли и сошли со сцены. Вновь избранному въ 1864 г. Комитету Асташевъ, единственный въ то время въ Томскѣ богатый человѣкъ, выражалъ желаніе отстроить соборъ, но на этотъ разъ онъ отдѣмался только обѣщаніями и увѣреніями.

Ни на какія затѣи, подобно Горохову, онъ денегъ не тратилъ, оставаясь дѣльцомъ до мозга костей и расчетливымъ человѣкомъ. Жилъ онъ настоящимъ бариномъ, вельможей, широко и открыто настолько, чтобъ сохранить извѣстный тонъ жизни, чтобъ собирать у себя не только всѣ чиновныя и купеческія сливки мѣстнаго общества, а и заѣзжавшихъ въ Томскъ важныхъ особъ изъ столицъ и городовъ Сибири, причемъ не каждому изъ нихъ возвращалъ визиты, а дѣлалъ это съ большимъ расчетомъ. Такъ же, какъ и Гороховъ, не получившій никакого образованія, Асташевъ не прибѣгалъ къ устройству фальшивой бібліотеки, а, напротивъ, выписывалъ журналы и иностранныя газеты, которыми у него пользовались образованные люди, какъ Батеньковъ, Бакунинъ и др. Это, конечно, по существу была также фальшивая этикетка просвѣщенія, что и у Горохова, только болѣе тонко придуманная, съ большимъ вкусомъ.

Свидѣтелемъ этихъ вкусовъ можетъ служить и тотъ домъ, который выстроилъ себѣ Асташевъ въ 1842 г. Это зданіе, строго выдержанное въ стилѣ ампира, и теперь, по своей красотѣ, оригинальности и пропорціямъ является однимъ изъ лучшихъ украшеній Томска. Строителемъ этого дома былъ архитекторъ А. П. Дѣевъ, даровитый, энергичный и очень любопытный человѣкъ. Когда то, кажется, въ 1817 г., онъ былъ назначенъ въ Томскъ губернскимъ архитекторомъ, но въ проваздъ М. М. Сперанскаго былъ взятъ имъ въ свою канцелярію въ качествѣ дѣльнаго чиновника, болѣе другихъ знающаго архитектуру. Послѣ ревизіи Сперанскаго онъ снова попалъ въ Томскъ, Сольтникомъ Губ. Правленія, завѣдывалъ экспедиціей о сельскихъ, а потомъ ушелъ въ отставку и занимался частными постройками. «Кто любилъ хорошо и солидно строить, говорить Евтроповъ, безъ Дѣева дѣло не обходилось». По этимъ же соображеніямъ и Комитетъ по постройкѣ Троицкаго Кафедральнаго Собора пригласилъ Дѣева и поручилъ ему руководство постройкой, къ которой онъ и приступилъ съ 1844 г.

Асташевскій домъ въ 1878 г. былъ проданъ сыномъ Асташева Веніаминомъ за 80.000 рублей духовному вѣдомству для жительства Томскимъ архіереевъ и помѣщенія консисторіи. Дѣло по покупкѣ этого дома тянулось съ 1872 г., тогда полковникъ Асташевъ назначилъ за него цѣну въ 200 тысячъ рублей. Пресвященный Петръ втихомолку выторговалъ половину, а когда переписка перешла въ Синодъ, послѣднему удалось выторговать еще 20 тысячъ руб. Эта сдѣлка вызвала не мало неудовольствій въ городѣ и раздраженія противъ архіерея, такъ какъ на Асташевскій домъ нѣкоторые изъ богачей имѣли свои виды, до такой степени всѣмъ нравился этотъ домъ и его мѣстоположеніе.

Въ этомъ то домѣ Асташевъ и жилъ важнымъ баринномъ, устраивая постоянные приемы важныхъ особъ и лицъ избраннаго круга и соблюдая этикетъ. Онъ не спускался до кутежей и оргій, какими отличались Гороховы: и др. Раньше, когда у Асташева еще развивалось дѣло, въ 40—50-хъ годахъ, онъ часто уѣзжалъ въ Петербургъ и заживался тамъ по долгу, годами, если нужно было обдѣлать дѣло, въ послѣднее же десятилѣтіе его жизни онъ безвыѣздно жилъ въ Томскѣ. Упомянувшійся не разъ Евтроповъ говоритъ про жизнь Асташева въ Томскѣ и его значеніе: «Пока онъ былъ живъ, въ городѣ чувствовалось вездѣ какое то неотразимое магическое вліяніе. Въ извѣстныхъ сферахъ нерѣдко можно было слышать слова: «Что скажетъ Иванъ Дмитричъ», «какъ взглянетъ Ив. Дм.», «одобрить ли Ив. Дм.» и т. п. Въ дѣлахъ и предпріятіяхъ всѣ дѣловые люди прислушивались къ его голосу, сообразовывались съ его взглядами и мнѣніями. Такъ велико было въ послѣдніе годы обаяніе личности Асташева среди чиновниковъ, гражданъ и даже духовенства въ г. Томскѣ». *)

И не мудрено, потому что Асташевъ былъ искусившійся, изощренный опытомъ дѣлецъ, зорко выслѣживавшій свою добычу, опасный соперникъ для такъ называемыхъ «широкихъ натуръ». И то обаяніе, о которомъ говоритъ Евтроповъ, нужно понимать только съ этой точки зрѣнія и весьма условно, какъ обаяніе «дѣльца» и шутки, опасной для дремлющихъ карасей. Что это было обаяніе особаго рода, доказываетъ появившійся о немъ въ Томскѣ романъ—пасквиль подъ заглавіемъ «Одинъ—двѣ». Асташевъ скупилъ ненавистное ему изданіе и сжегъ.

Асташевъ умеръ въ 1869 г., на 73 году.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ.

Старое время характеризуется грубостью нравовъ, элементарностью понятій о правѣ, о нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ, о взаимоотношеніяхъ между людьми разныхъ ранговъ и сословій.

На фонѣ этихъ нравовъ и понятій люди, олицетворявшіе власть, становились особенно выпуклыми. Произволь, злоупотребленія, проявленіе низменныхъ инстинктовъ были характерными чертами жизни и дѣятельности представителей власти стараго времени. Особенно рѣзко эти черты выступали въ глухой и далекой отъ центровъ управленія Сибири, исторія которой испещрена подвигами этихъ людей, ихъ безграничнымъ произволомъ...

Лучше всего характеризуется это явленіе лаконическимъ изреченіемъ Камчатскаго управителя Коха: «На небѣ Богъ, а на Камчаткѣ Кохъ».

*) „Исторія Троицкаго Каедр. Собора“. Стр. 81.

Томскъ за свое трехсотлѣтнее существованіе имѣеть цѣлую галерею такихъ представителей власти, дѣянія которыхъ хранятся подъ спудомъ архивовъ, какъ матеріалъ для будущихъ историковъ. А такія имена, какъ Лерхе, Шершпинскій, Любимовъ, Дергачевъ, вѣроятно, не исчезли еще изъ памяти глубокихъ стариковъ, старожиловъ Томска. По воспоминаніямъ этихъ живыхъ архивовъ я и попытаюсь воспроизвести кое-что.

Лерхе и Шершпинскій.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія губернаторомъ въ Томскѣ былъ назначенъ Г. Р. Лерхе, молодой правовѣдъ, лѣтъ 26-7, очень красивый человекъ. Какъ-то, приѣхавъ въ Истербургъ, онъ встрѣтился тамъ, въ одномъ фешенебельномъ публичномъ домѣ, съ директоромъ Сибирскаго Комитета министерства внутр. дѣлъ Бутковымъ. Разговорились. Молодой губернаторъ сталъ жаловаться на недостатки дѣльныхъ людей, ловкихъ и энергичныхъ сотрудиновъ. Бутковъ порекомендовалъ ему, между прочимъ, Шершпинскаго, содержателя того публичнаго дома, въ которомъ они находились. Лерхе внялъ доброму совѣту и назначилъ Шершпинскаго Томскимъ полиціймейстеромъ. И былъ имъ доволенъ чрезвычайно за его ловкость и энергію. Для такого ненасытнаго любителя женскаго тѣла, какимъ былъ Лерхе, новый полиціймейстеръ оказался слишкомъ умѣлымъ поставщикомъ постоянно свѣжаго и разнообразнаго товара. Доставлялись не только взрослые мѣщанскія дѣвцы и купеческія жены, а и гимназистки, даже дѣвочки-подростки. Въ то же время въ городѣ началось воровство, постепенно усилившееся и перешедшее въ грабежи. По улицамъ появились грабители въ кошевкахъ и стали ключьями стаскивать шубы и платье съ прохожихъ, выворачивать карманы. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1864 г., въ теченіе только одного мѣсяца было ограблено около 40 лошадей у водозоевъ. Жители стали выходить на улицу по вечерамъ не иначе какъ съ оружіемъ, у кого какое находилось—съ пистолетами, топорами, кухонными ножами, дубинами и т. п. Сама администрація оказалась вынужденной организовать патрули изъ солдатъ по улицамъ. Дѣло дошло до того, что по вечерамъ уже не рѣшались выходить изъ домовъ, крѣпко запираясь. По окраинамъ города каждую ночь раздавалась стрѣльба, слышались крики «караулъ» и т. п.

Когда прошла паника, первоначально всѣхъ охватившая и воротилось сознаніе, раздраженное общество начало искать выхода изъ положенія—полетѣли доносы, жалобы генераль-губернатору въ Омскъ, съ объясненіями и разсказами о происходившихъ въ Томскѣ событіяхъ и ихъ виновникахъ. Отъ Дюгамеля, бывшаго въ то время генераль-губернаторомъ, стали поступать запросы къ губернатору. Лерхе забеспокоился. Чтобъ сколько-нибудь обезопасить себя отъ нападеній со стороны представителя вышей въ краѣ власти, онъ обратился къ городскому головѣ Тецкову съ просьбой избрать его почетнымъ гражданиномъ Томска за введеніе имъ въ городѣ порядка. Тецковъ созвалъ Думу и внесъ на ея обсужденіе этотъ вопросъ. Послѣ долгихъ и горячихъ преній это бурное засѣданіе кончилось тѣмъ, что вопросъ былъ проваленъ—большинствомъ голосовъ вынесено отрицательное рѣшеніе. Послѣ засѣданія, когда вѣсть объ этомъ разнеслась по городу и дошла куда слѣдуетъ, одного изъ гласныхъ, Федора Акулова, больше всѣхъ другихъ горячившагося на засѣданіи и способствовавшаго провалу, подвергаютъ аресту и сажаютъ въ тюрьму. Тецковъ собираетъ новое засѣданіе Думы, но на этотъ разъ разославъ повѣстки только избраннымъ гласнымъ, на покладчивость которыхъ можно

было положиться. Въ это засѣданіе у города народился новый почетный гражданинъ. Избраніе это, впрочемъ, дѣлу не помогло. Такъ какъ въ городѣ продолжали твориться прежнія безобразія, дававшія постоянно новый матеріалъ для жалобъ, то и въ Омскѣ поступали все новыя и новыя донесенія, съ прямыми указаніями на Шершпинскаго, какъ главнаго виновника всѣхъ кражъ и грабежей въ городѣ, какъ прямого ихъ соучастника. Но Лерхе, въ отвѣтъ на запросы къ нему и предложенія удалить Шершпинскаго, ни за что не хотѣлъ съ нимъ разстаться и постоянно его отстаивалъ...

Случилось, все-таки, что и самъ Лерхе черезъ мѣру зарвался. Замѣтивъ какъ-то на улицѣ поправившуюся сму дѣвочку—подростка, Лерхе приказалъ доставить ее къ нему. Желаніе было исполнено. Возмущенные родители подали жалобу, доведенную до свѣдѣнія прокурора Гусева.

Гусевъ этотъ, родной братъ переводчика «Космоса» Гумбольдта, между прочимъ, былъ знакомъ съ не разъ упомянутымъ выше Ананьинымъ, отъ котораго могъ ближе познакомиться съ тѣмъ, что происходило въ нѣдрахъ Томска. Онъ написалъ объ изнасилованіи дѣвочки временному замѣстителю Дюгамеля, Семипалатинскому Губернатору Панову.

Мѣстное преданіе рассказываетъ еще одинъ эпизодъ изъ Лерхевскихъ похожденій. Очень настойчиво онъ ухаживалъ за одной видной мѣстной купчихой, желая овладѣть ею, что, можетъ быть, при нравахъ того времени, и не представляло бы чего-либо невѣроятнаго. Но мужъ этой купчихи, раздраженный похушеніями на его жену со стороны Лерхе, какъ-то зазвалъ его къ себѣ на обѣдъ и, при помощи своихъ молодцовъ, выпоролъ его на конюшнѣ. Конечно, это только преданіе и подтвердить его могли бы только достовѣрные свѣдѣтели, но никого изъ нихъ въ живыхъ уже давно нѣтъ.

Пановъ, получивъ отъ Гусева письмо, послалъ въ Томскъ чиновника особыхъ порученій Лещова для производства дознанія и слѣдствія. Лещовъ пріѣхалъ въ Томскъ, сохраняя въ строжайшей тайнѣ дѣль своего пріѣзда сюда. Когда его знакомые чиновники спрашивали, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, онъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось повидаться со своей родственницей, Екатериной Ивановной Капустинной (урожденной Менделѣевой, «святой женщиной», упомянутой выше), которая тогда жила въ Томскѣ. Успокоивъ встревоженное любопытство, Лещовъ, при свѣдѣствіи Гусева, повидался съ дѣвочкой и съ отцомъ и удостовѣрился какъ въ фактѣ преступленія, такъ и въ обстановкѣ, въ какой онъ совершился. Тогда онъ явился къ Лерхе, познакомилъ его съ предписаніемъ генераль-губернатора, объяснявшимъ дѣль его пріѣзда въ Томскъ, и потребовалъ устраненія отъ должности полиціймейстера Шершпинскаго. Лерхе на отрѣзъ отказался исполнить это требованіе, объявивъ, что онъ не можетъ оскорблять подобными подозрѣніями своихъ подчиненныхъ. Лещовъ донесъ генераль-губернатору о положеніи дѣла и сдѣлалъ заключеніе, что при такихъ условіяхъ онъ не видитъ для себя возможности продолжать производство дознанія. Результаты энергическаго представленія Лещова не замедлили обнаружиться. Лерхе скоро получилъ эстафету отъ генераль-губернатора съ приказомъ объ удаленіи Шершпинскаго, послѣ чего слѣдствіе быстро двинулось впередъ и раскрыло всю ту трагедію, какую переживалъ Томскъ.

Тутъ же выяснилось, что Шершпинскій никто иной, какъ бѣглогаторжанный, ловко маскировавшій свое прошлое.

Когда слѣдствіе уже подходило къ концу и все существенное было установлено, Лерхе помчался въ Омскъ просить какъ-нибудь замѣять это изъ ряду вонъ грязное дѣло.

Разсказываютъ, что Лерхе до того былъ жалокъ и униженъ, что стоялъ передъ Пановымъ на колѣняхъ, плакалъ и умолялъ не погубить его, пока чѣтъ ругалъ его. Любопытно, что Пановъ бранилъ Лерхе не за то, что онъ лишилъ невинности десятокъ или больше дѣвственницъ, а за то, что онъ ослушался его приказа, за то, что не уволилъ Шершпинскаго. Разсказываютъ также, что послѣ бани, какую ему задалъ Пановъ, Лерхе выскочилъ отъ него красный, весь въ слезахъ и не разглядѣвъ Совѣтника Главнаго Управленія Цилино, подаль руку курьеру или кому-то въ этомъ родѣ.

Дѣло это было до такой степени грязное, такъ шокировало всю администрацію края, что ему не дали никакого движенія и лишь уволили въ отставку Лерхе вмѣстѣ съ достойнымъ его сподвижникомъ.

Разсказанный эпизодъ былъ описанъ Ядринцевымъ въ «Пекрѣ», гдѣ Лерхе былъ выведенъ имъ подѣ фамиліей Жаворонкова (нѣмецк. Lerche—жаворонскъ).

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

(Послѣсловіе).

Теперь, когда читатель пробѣжалъ кусочки, безпорядочно выхваченные мною изъ далекаго и близкаго прошлаго Томска, я думаю, что онъ получилъ, все-таки, извѣстное удовольствіе отъ прочитаннаго; онъ узналъ не мало для него новаго, о чемъ ему не приходилось ни читать, ни слышать разсказовъ, а если въ иномъ кусочкѣ онъ и не нашелъ ничего для себя новаго, то вызвалъ въ своей памяти образы давно забытаго прошлаго и съ такими подробностями, которыхъ у меня нѣтъ и которыми читатель до этого не придавалъ никакого значенія.

Но такъ уже человѣкъ устроенъ,—онъ ничѣмъ не бываетъ споленъ удовлетворенъ. Не ставилъ и я передъ собою такой задачи—споленъ удовлетворить читателя; это—неразрѣшимая задача и, по-моему, она должна оставаться такой, ибо прогрессъ въ томъ и вездѣ и состоитъ, чтобъ вѣчно желать, стремиться и добиваться лучшаго. Плохо, когда человѣкъ остается всѣмъ доволенъ. Не въ этомъ отношеніи я опасуюсь недовольства моего читателя. Я опасуюсь его упрека въ томъ, что я совсѣмъ обошелъ молчаніемъ многіе предметы и явленія изъ жизни Томска, болѣе важные и интересные, чѣмъ тѣ, о какихъ я говорилъ; что изложенное мною страдаетъ существенными пробѣлами или ошибками, или неправильнымъ освѣщеніемъ и т. п. Эти упреки я принимаю и впередъ заявляю о своей готовности признать ихъ заслуженными, какъ только они будутъ мнѣ указаны и доказаны. Я знаю, что, напримѣръ, церкви и монастыри Томска, помимо интересной исторіи ихъ въ прошломъ, заключаютъ въ себѣ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ) весьма цѣнные предметы глубокой старины, о которыхъ очень и очень слѣдовало бы разсказать; знаю, что среди стропилей жизни нашего города и участниковъ ея изъ разныхъ слоевъ было не мало почтенныхъ и характерныхъ личностей, которымъ нужно отвѣсти свое опредѣленное мѣсто въ Томской Старинѣ; знаю, что мимо такихъ наприм., характерныхъ въ свое время для мѣстной жизни явленій, какъ «войнички» и кулачные бои, нельзя пройти мимо; знаю все это и, все-таки, я не остановился на этомъ характерномъ, или потому, что въ моемъ распоряженіи не оказывалось необходимаго матеріала, или потому, что не было необходимаго досуга.

Я долженъ указать еще требовательному читателю, до какой степени быт-писатель долженъ быть ценителенъ при разборѣ съ матеріаломъ, до какой степени трудно добывается какая-нибудь подробность, которой никакъ нельзя опустить. Въ томъ немногомъ, что я далъ читателю, мнѣ пришлось не разъ тратить много времени на добываніе этихъ подробностей. Расскажу объ одной изъ нихъ. Когда умеръ Н. П. Наумовъ? Нельзя было, давая набросокъ объ этомъ писателѣ—сибирякѣ, долго жившемъ и скончавшемся въ Томскѣ, не отвѣтить на этотъ вопросъ. Переспросилъ объ этомъ многихъ знакомыхъ Наумова, жившихъ въ моментъ его смерти въ Томскѣ—никто не помнитъ; сказали только, что въ день похоронъ былъ трескучій морозъ и что о днѣ смерти хорошо долженъ знать такой-то профессоръ, близкій знакомый Наумова. Отправился я за справкой къ профессору. Порылся онъ въ своей записной книжкѣ и сказалъ мнѣ номеръ газеты, въ которой напечатанъ некрологъ Наумова. «А за какой годъ», спрашиваю, «это напечатано». — «Ну вотъ этого я ужъ не помню», былъ отвѣтъ. Отъ профессора я, все-таки, узналъ, что Наумовъ похороненъ на кладбищѣ женскаго монастыря и что на могильномъ крестѣ есть дата его смерти. Не близкій конецъ, но пошелъ на кладбище. Оно оказалось заваленнымъ сугробами снѣга, среди которыхъ кое-гдѣ проложены дорожки. Поскодвалъ ихъ всѣ, пробирался къ нѣкоторымъ памятникамъ, самъ прокладывая дорогу и утопая по колено въ снѣгу—не нашелъ. Вымокъ весь и отъ снѣга и отъ пота, и, ворча про себя на монастырскую администрацію, получающую бѣшенныя деньги за право быть погребеннымъ на ея землѣ и не научившуся обязанности прилично содержать мѣсто ея дорогихъ покойниковъ, пошелъ къ монахинямъ разузнать, гдѣ могила Наумова. Нашелъ—таки одну бѣлицу, которая сказала, что знаетъ могилу. Взявъ лопату, повела меня на «профессорскій» участокъ и указала на верхушку одного креста. Кругомъ лежали петронутые сугробы въ два аршина высотой. Разсчитавъ, съ какого мѣста ближе всего прорыть дорожку къ кресту, я принялся за работу и началъ лопатой прорѣзывать траншею. Наконецъ, я у цѣли. Очищаю снѣгъ отъ креста и его подножія, на которомъ, по указанію бѣлицы, и находится нужная мнѣ надпись, и читаю:.... «Тимофеевскій»... «Ахъ, извините, я смѣшала», говоритъ мой сконфуженный чичероне. Пока она размышляла, какой именно крестъ относится къ могилѣ Наумова, я, стоя въ глубинѣ вырытаго тупика, и, осматривая видныя съ мѣста надписи на соединенныхъ крестахъ, прочиталъ нѣсколько словъ надписи, сквозившей пзъ-подъ листьевъ металлическаго вѣнча на могилѣ Наумова и только тогда подобрался къ ней и списалъ то, что мнѣ было нужно. Но читателю я могу сказать, что нѣчто подобное мнѣ приходилось претерпѣть и при составленіи другихъ набросковъ. Рассказываю объ этомъ для того, чтобъ смягчить сердце читателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣтится съ досадной ошибкой или пробѣломъ у меня и просить его вмѣсто упрека сообщить мнѣ дополнителныя свѣдѣнія, указать ошибку и дать поправку. Я бы очень желалъ, чтобъ мой читатель проникся сознаниемъ, что предпринятая мною работа, интересная и важная, есть общая наша работа, которая будетъ сдѣлана тѣмъ полнѣе и интереснѣе, чѣмъ большее число лицъ приметь въ ней участіе.

Не дальше, какъ на дняхъ, когда моя работа была уже закончена и въ значительной ея части набрана, я узналъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ въ жизни Томска, отмѣченномъ цѣлою серіей талантливыхъ каррикатуръ. Спасти ихъ отъ забвенія стоитъ, а между тѣмъ они близки не только къ забвенію, а и къ гибели, такъ какъ они никогда не были издаваемы. да и авторъ ихъ давно умеръ.

Авторъ каррикатуры П. П. Кытмановъ, енисеецъ. Въ первой половинѣ дѣляцкихъ годовъ онъ, тогда уже ветеринарный врачъ, вступилъ въ число студентовъ Томскаго Университета. Кажется, въ самый моментъ его вступленія въ Университетъ, въ концѣ 1892 г. разыгралась исторія съ Обществомъ естествоиспытателей и врачей при Университетѣ, надѣлавшая большого шума въ Томскѣ. Эту-то исторію П. П. Кытмановъ и изобразилъ въ каррикатаурахъ, набросавъ ихъ что-то около трехъ дюжинъ. Каррикатуры ходили по рукамъ, фотографировались, а съ теченіемъ времени застряли по разнымъ мѣстамъ и, можетъ быть, затерялись и, наконецъ, позабылись. Заинтересованныя лица—одни умерли, какъ и самъ авторъ этихъ каррикатуръ, другія разбѣхались по разнымъ мѣстамъ и весь этотъ матеріалъ сталъ, такимъ образомъ, достояніемъ одной исторіи, но достояніемъ весьма непрочнымъ и ненадежнымъ, такъ какъ онъ живетъ лишь въ памяти современниковъ. Я не видѣлъ серіи этихъ каррикатуръ и если говорю здѣсь объ этомъ, то съ единственной цѣлью спасти ихъ отъ забвенія, какъ и имя самого автора ихъ, который мало кому извѣстенъ вообще, а какъ каррикатуриста его знали развѣ только въ кругу его родныхъ. Но что онъ обладалъ дарованіемъ, въ этомъ можно не сомнѣваться, по крайней мѣрѣ, судя по содержанию одной изъ каррикатуръ, о которой мы въ разсказали.

Каррикатура отвѣчаетъ на вопросъ: «Отчего кухня дымить?» т. е. «сибирская кухня просвѣщенія». Рисункъ изображаетъ зданіе Университета, изъ всѣхъ щелей, оконъ и дверей котораго дымъ валомъ валитъ, а на верхушкѣ трубы надъ крышей, плотно закрывъ ея отверстіе, сидитъ В. М. Флоринскій, первый попечитель просвѣщенія и первый же предѣдатель Общества естествоиспытателей и врачей.

Не правда ли, какъ остроумно и мѣтко каррикатуристъ характеризовалъ сложенеіе вещей, имѣвшее мѣсто двадцать лѣтъ тому назадъ и какъ свѣжа эта характеристика и для современнаго состоянія нашей «кухни».

А. В. Адриановъ.

